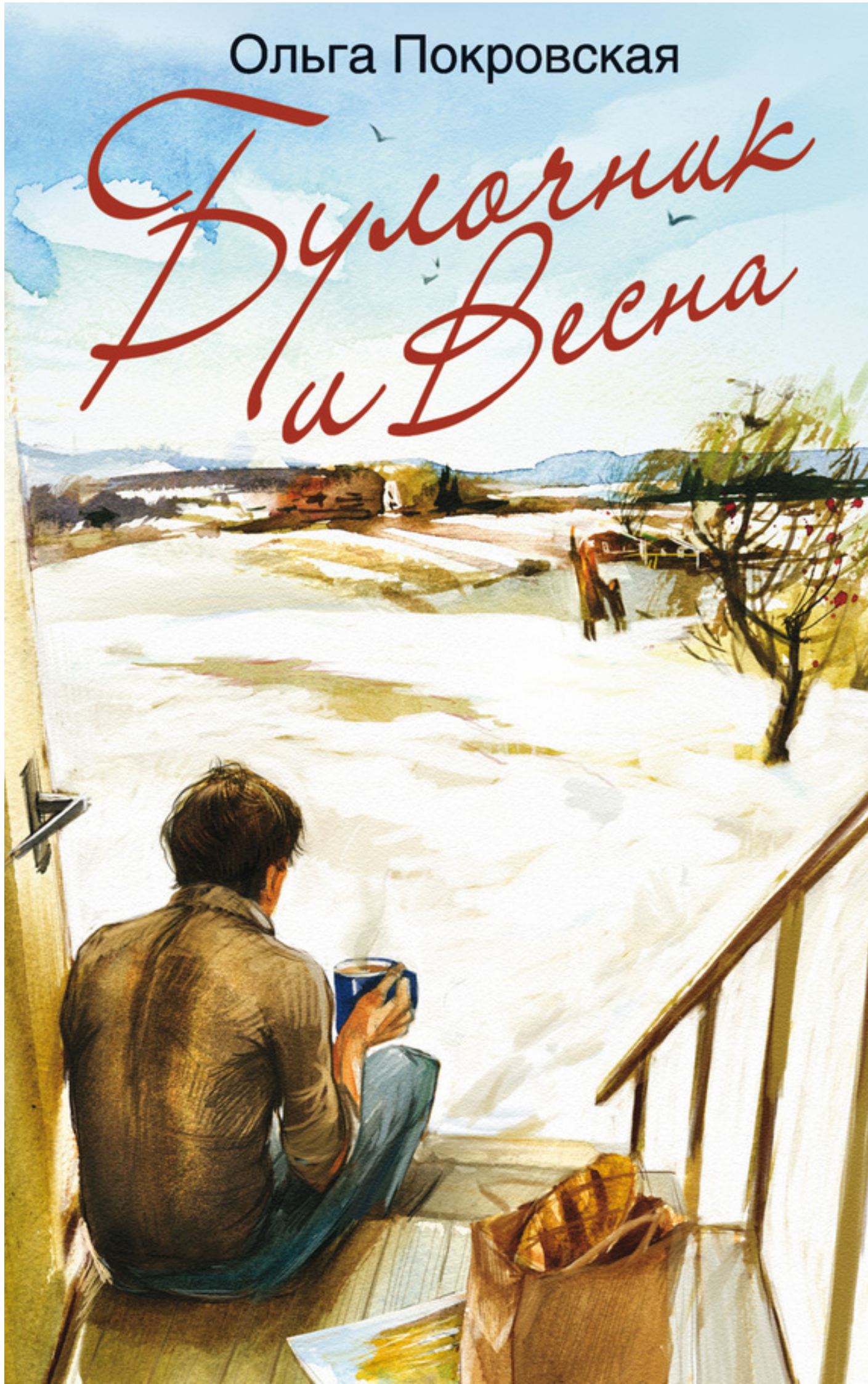

Ольга Покровская

Булочник и Весна

Ольга Покровская
Булочник и Весна

«Автор»

2013

Покровская О. А.

Булочник и Весна / О. А. Покровская — «Автор», 2013

Второй роман Ольги Покровской «Булочник и Весна» – книга удивительно душевная и неожиданная. С трогательной, порой отчаянной искренностью герой делится с нами историей прорыва из одиночества в мир понимания и любви. Его исповедь не эгоистична – она полна сочувствия к тем, кто, как и он, попал в полосу душевного кризиса. Талантливый музыкант, не добившись признания, уходит в бизнес. Художник от Бога перебивается плотницким трудом. Заботливая мать и жена начинает мечтать о «счастье». Сказочной красоты деревня, куда бежит из города потерявший себя герой, оказывается средоточием вечных вопросов. Глубокая и человечная, с улыбкой написанная книга зовет нас пройтись по цветущему лугу, заглянуть на правах друга в дом, где пахнет оладьями и звучит столетний рояль, и, не стесняясь, присоединиться к сердечному разговору о самом главном.

© Покровская О. А., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	9
3	13
4	17
5	20
6	22
7	24
8	28
9	33
10	36
11	39
12	43
13	45
14	51
15	54
16	57
17	62
18	67
19	69
20	74
21	78
22	81
23	85
24	95
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Ольга Покровская

Булочник и Весна

Часть первая

1

Маленькая предыстория

Мой прадед здорово играл на мандолине. У него был редкий, дорогой инструмент, можно сказать, «мандолина Страдивари». Она досталась ему по наследству, такому дальнему, что никто и не помнил, какая буря занесла эту дивную итальянскую птицу в семью хлебопёков.

До Гражданской, ещё ребёнком, прадед работал при старших в хлебном цеху. Каждый день он спускался с деревенского холма и шел в село, где дымила пекарня. Говорят, из горсти мучного сора у него выходили такие хлебы, что не стыдно подать Государю, а горячая корочка каравая высвистывала, по свидетельству очевидцев, темы из русских опер.

В двадцатые прадед задумал оставить хлеб и поехать в Москву в музыкальный техникум, но любовь соседской девушки победила мандолинную страсть. Он женился и прожил в деревне до самой Великой Отечественной. В сорок первом ушёл добровольцем и пропал без вести подо Ржевом.

Прадед был белобилетник, воевать не умел, но, я думаю, честно поработал пушечным мясом. У нас сохранилось его последнее фронтовое письмо – бумажная пыль с разводами. Лишь когда мы с отцом догадались отсканировать эту ветошь и выставить контраст, текст проявился.

Письмо набито штампами – «побьём врага», «за родную землю», но сквозь оглушённый боем слог виднеется одна винтовка на троих и знание даты собственной смерти – завтра.

У нас осталась его фотография – лирический, юный мой предок сидит на лавочке перед домом. На коленях, как кошку, приласкал свою мандолину. Приглядишься, и становится ясно: человек безмятежен, время не торопит его, а встало у лавочки и ждет терпеливо, пока он налюбуется на красоту земли. И как будто сама деревня с чудным названием Старая Весна прильнула к его плечу, склоняясь берёзой к завалинке.

Мне было лет десять, когда я увлёкся прадедом. В надежде отыскать его солдатский медальон я записался в военно-исторический кружок, но следопыты моего детства шли по иным следам, они не вели к прадеду.

Следующим шагом моей любви оказалась мандолина. К большому моему горю, легендарный инструмент, переживший Гражданскую, нэп и коллективизацию, не сохранился. В войну его обменяли на продукты.

В магазине «Ноты», что был на Неглинной улице, ошалевшие от моего натиска родители купили мне дешёвый ученический инструмент и записали в музыкальную школу, расположенную в соседнем дворе. Несмотря на то что я был переросток, на отделение народных инструментов меня зачислили без проблем.

Не менее полугода я радовал моего педагога рвением, которое он ошибочно принимал за способности. К сожалению, тройка по алгебре отвлекла меня от постижения мандолинных секретов.

После алгебры пришлось подтягивать химию, потом я влюбился, потом пошёл на курсы английского. Карьера мандолиниста не состоялась, и некому было меня в том упрекнуть. Я рос в любящей вольнице, предоставленный сам себе. Мама, лингвист-востоковед, обитала в Древней Японии. Папа, инженер со склонностью к кладоискательству, – в допетровской Руси. Когда я расстался с музыкой, никто меня не ругал.

За недолгое время учёбы в мой мандолинный невод угодила-таки золотая рыбка – начинающий пианист Петр Олегович Вражин. Петина мама Елена Львовна, моя учительница соль-феджио, опасаясь, что в районной музыкалке дарование может зачахнуть, определила сына в школу для гениев. Он был занят под завязку, но дважды в неделю, в качестве вечерней прогулки, всё же являлся во дворик – встретить маму. Однажды мы с ним погоняли в берёзках мяч и сошлись навек.

Петя был заносчив, как все одарённые дети, но при этом честен и щедр, лих на выдумку, мастер понимать с полуслова. Голова у него работала отлично, и во всякой печали он давал мне дельный совет. Думаю, что и он нуждался во мне. Моя безалаберность смягчала его гордыню, облегчая доступ вдохновению. Обойтись без вдохновения Петя не мог. Он собирался сказать в исполнительском искусстве новое слово. К тому же бездарностью и разгильдяйством я выгодно отличался от его одноклассников. Со мной он отдыхал от честолюбивых битв.

Ни война, ни мандолина не интересовали Петю, а меня, в свою очередь, оставляли равнодушным музыкальные конкурсы и козни Петиных конкурентов. Но что-то волнующее все же было в нашем общении. С Петей я чувствовал, что под коркой жизни есть магма – мы мчимся над огненной глубиной, и наш путь не разведан.

В старших классах, когда невдалеке замаячило поступление в институты, Петя стал звать меня к себе – поработать публикой. По-простому, в домашней футболочке, чуть ли не в шлёпанцах, он усаживался за инструмент и мчал меня сквозь мрак и проблески мироздания. Дар Пети, может быть, и скромный в масштабах планеты, казался мне запредельным.

Случалось, впечатлённый финалом, я бросался на его плечи, как если бы он был форвардом, забившим решающий гол. Мы валились на клавиши. На гром влетала Елена Львовна и кричала, что мы сломаем Пете пальцы. А отец молча стоял в дверях. Весь этот балаган: надежды, занятия до упаду, конкурсы – сообщал его лицу выражение утомлённого презрения. Сам он с успехом ворочал дела в сфере недвижимости и считал карьеру музыканта глупостью, обрекающей сына на жалкую жизнь.

Что касается моих профессиональных планов, улыбка прадеда столь ободряюще светила мне с фотографии, что я решил возродить династию и нацелился изучать технологию хлебопекарного производства.

Петя поддержал меня в моём выборе. По его мнению, не было ничего странного в том, что его лучший друг выбрал в качестве музыкального инструмента хлеб.

Из меня получился необычный студент – страстный троечник. Бойкотируя ряд скучных предметов, я знал лучше всех на курсе, что хлеб – великолепная вещь. Если угостить «правильным» караваем президентов ядерных держав – в мире будет мир. Вирусы вымрут, если разломить его в очаге эпидемии. Нечто вроде животворящего креста мерещилось мне в ломте с душой испеченного хлеба.

Хлеб увлёк меня, как иных увлекает музыка. Я учил его и тренировал при всяком удобном случае. Мука и закваска были моей студенческой гитарой – я таскал их с собой по гостям.

На последнем курсе мне повезло. Я получил работу в уникальной мастерской, где разрешалось творить. Пекарня примыкала к торговому залу, и я частенько высказывал поглядеть, кому достанутся наши детища.

Майя была воспитанная девушка из провинции, студентка педагогического. Она заглядывала к нам, если в занятиях случались окна, – купить пирожок. Когда я в первый раз увидел её в булочной, мне показалось: это моя душа вышла из груди и встала передо мной, чтобы я мог разглядеть её хорошенько.

У моей души оказались светлые, сильные, как ливень, волосы, гимнастический стан и певучий голос. За какие-нибудь два дня первое впечатление окрепло до уверенной страсти. Меня не заботило, испытывает ли Майя в мой адрес что-нибудь подобное. Раз она – моя душа, взаимность, само собою, приложится.

Мы поженились через три месяца – столько пришлось ждать очереди в загс.

Несмотря на учёбу в педагогическом и голливудские волосы, главным даром моей жены оказалось сияющее сопрано. Майя пела романсы, русские народные песни, арии из опер и псалмы. Её голос был как яблоня, он цвел и приносил плоды. Майя любила пение, как я – хлеб.

Несколько раз они с Петей устраивали импровизированные дуэты. Он играл бережно, чтоб не затмить блеском оправы наивное стёклышко её пения, и с одобрением кивал: «Есть талант. Надо учиться. Учись, выходи к публике!»

Не знаю почему, должно быть, из подспудной ревности, идея «выхода» приводила меня в бешенство. Наконец я твёрдо заявил ему: отстань!

Петя пожал плечами и больше не звал нас в гости, а Майя навек лишилась профессиональной поддержки.

Вины за собой я не чувствовал. На мой взгляд, мы с моей женой не нуждались в хобби – нам с лихвой хватало друг друга. Майя подтвердила это, с лёгкостью отлепившись от всех своих прежних родственников и друзей. Она как бы стёрла их, забелила в туман, так что единственным реальным существом в её жизни стал я. Эта жёсткость так не вписывалась в Майин нежный характер, что я принял её за побочный эффект всякой большой любви.

«Смотри, чтоб однажды она не затёрла так же и тебя!» – предостерегла меня мама. Помню, я обиделся на её слова всерьёз и неделю держал бойкот.

Одним из наших с Майей любимых дел было фантазирование на тему будущего. Жизнь в мегаполисе не устраивала мою выросшую на свежем воздухе жену. В мечтах у нас помимо детей был дом в живописном месте Подмосковья и собственная булочная-пекарня в городке неподалёку.

Пару лет мы бултыхались в фантазиях. Я исписал тетрадь, сочиняя ассортимент нашего хлебного предприятия. Майя приглядывала по рынкам и магазинам растения для будущего сада. А потом во мне проснулся добытчик. Мне захотелось прикинуть, в какую сумму выльется запланированный нами рай, и наметить шаги к его достижению.

Стоило мне занести калькуляции в компьютер, как в тот же день чёрт толкнул мне навстречу бывшего однокурсника. Он «завязал» с хлебом и стал соучредителем компании по продаже некоего перспективного оборудования. Предприятие расширялось, он гостеприимно приглашал меня на борт.

Я бросил булочное дуракаваляние и довольно быстро смекнул главное: наше с Майей будущее зависит не от фантазий, а от объёма продаж, который я обеспечу компании. С той самой минуты новая работа начала нравиться мне.

Я любил прийти домой после трудного дня. Жена ставила передо мною ужин, садилась рядышком и рассказывала какую-нибудь безделицу. Я едва слышал её – в уме проносились отгруженные машины, набитые вместо коробок колонками цифр. И всё равно мне было хорошо. Мне нравилось, что котлеты вкусные, что голос Майи нежен, что в боевике по телевизору один парень застрелил пятерых других, что наши фуры с товаром едут и однажды из них сложится надёжное будущее для семьи.

Само собой, я менялся, обрастал потихоньку горелой корочкой. Невольно и Майя отзывалась на перемены во мне. Она почти перестала петь. Запылились ноты Шуберта, подаренные ей Петей. Садовые рынки за неимением сада утратили актуальность. О булочной мы не заговаривали.

Всё это не тревожило меня. Мечты отошли, но вызревшее в них счастье осталось. В снежном месяце марте у нас родилась дочка Лиза, Елизавета Константиновна – имя как долгая жизнь. В год она заговорила. В два – заговорила мудро. Однажды я вырвался душой из дел и подумал: вот бы найти работу поспокойнее, прийти пораньше, сесть на корточки рядом с Лизкой и прильнуть к её детству. Так, глядишь, и узнаешь, зачем живёшь.

2

Преступление и наказание

Мне даже неловко пересказывать этот избитый сюжет. Мы работали много и прибыльно. А через пару лет внутри нашей фирмы грянул переворот. Сменилась власть, и моим начальником стал грамотный парень, не стеснённый комплексом совести. Работать сделалось гадко, но уйти я не хотел, потому что удостоился чести быть акционером, вложил много сил и прочее.

Так начался мой добровольный плен. Жизнь пропиталась ровным мраком. Не помню в тот год мою дочку и не помню родителей. И даже не могу сказать, из-за чего случился тот первый срыв, после которого всё покатилося.

Помню только, как рявкнул на льющую слёзы Майю: не будь чёрного моего труда, не было бы и твоего яблоневого цвета! Что-то в этом духе. И умчался на балкон: не выброситься – покурить. Майя рванулась было за мной, но я за шкирку, как щенка, вернул её в комнату.

Естественно, мы помирились. По настоянию Майи я честно заглядывал на ночь вальерянку с пустырником. Скачал и во спасение души прослушал в пробках «Идиота», «Доктора Живаго» и «Божественную комедию». Но ни Данте, ни тем более Мышкин с доктором, которые и сами были пропащие, не сумели вылечить моей беды. Мрак растёкся и стал сплошным. Я решил, что начальство бессовестно экономит на моих бонусах, а пожалуй что и подыскивает замену этому злему неудобному типу – мне.

Теперь, припарковав после работы машину, я не шёл домой сразу, а доставал из бардачка что-нибудь покрепче и пытался стать человеком. Несколько глотков – и вот уже можно жить, улыбаться близким. Обычно заряда хватало на час, а потом, если я не успевал вовремя лечь спать, благодушие перегорало, и тогда бывало по-всякому.

Я не ждал от Майи поступка, но однажды, прихватив в качестве бронежилета пятилетнюю Лизу, она набралась храбрости и пришла ко мне с деловым предложением. В руках её был проект нашей новой жизни – тетрадка, в которой она, начитавшись статей в Интернете, расписала наивный бизнес-план булочной-пекарни, если вдруг я решу её открыть. В тетрадь были также вложены распечатки с торговыми предложениями небольших и практичных коттеджей недалеко от Москвы. «Обязательно надо переехать на природу! – убеждала она меня. – Здесь ты не очнёшься!»

Я молчал, стараясь не сорваться.

Деньги на всё это хозяйство Майя собиралась добыть путем продажи акций компании, где я жил и умирал последние несколько лет. «Нам как раз хватит!» – улыбнулась она, надеясь, что бред нашей юности тронет меня.

Я сказал, что её проект – плод фантазий домохозяйки. А впрочем, если ей надо денег – я продам акции. Пусть берёт и решает свои проблемы. Пусть вообще разводится со мной, если её не устраивает, как я забочусь о семье.

Майя сжалась и истаяла в детской. А я остался, полный клокочущей ярости.

С того дня я почуял странную свободу. Словно кто-то дал мне право впадать в бешенство при малейшем упоминании неприятных для меня тем. И хотя я не одобрял своих припадков, нельзя было не признать: кое-какую разрядку нервам они давали. К тому же у меня была индульгенция: я предан семье, живу ради семьи, ради семьи рву себя в клочья. Кто посмеет бросить в меня камень?

Нет, никто не смел. Не было среди моих близких таких смельчаков. На берегу, в несбывшемся цветении сада, осталась умолкшая Майя. Грязной баржей я отшвартовался и плыл в чёртову даль.

– Да ты вообще-то любишь её? – спросил меня Петя, мастак ставить вопрос ребром.

Я хотел двинуть ему, но мои руки промолчали. В них не было энергии битвы. Петь, ну а кого же, по-твоему, я люблю? Майя – моя земля.

Тем временем жизнь моей жены заметно разладилась. На работу она не вышла – всякий раз её решимость сдувало Лизиной простудой или капризом. Однообразный быт и гнёт моего характера сделали своё дело: у Майи в волосах заблестели седые нитки, навалились головные боли, и вдобавок ко всему «рухнуло» зрение. Во всяком случае, ей так казалось. Всезнающий Петя посоветовал нам специалиста. «У моей мамы есть классный окулист, – сказал он. – Буквально слепых спасает!» Я любил возить близких по лучшим врачам, надеясь, что это окупит моё бытовое свинство, и сразу поехал с Майей. Поликлиника эконом-класса и скромная цена приёма разочаровали меня. Зато Майя была в восторге от доктора.

Интересно он лечил ей глаза. Велел в закатный час смотреть на солнце, – и Майя выбегала на перекрёсток разыскивать между домами красный диск. Велел научиться рисовать красками зелёный лес – и Майя, прихватив Лизу и всё, что нужно живописцу, уходила в парк на пленэр.

– Ну и шарлатана ты нам сосватал! – бранил я Петю.

Скоро я узнал от жены, что её чудодейственный доктор, некий Кирилл без отчества, работает не только в этой дурацкой клинике, но и в каких-то даровых богадельнях, что у него в квартире живут две подобранные собаки и ещё что он родился и вырос в Переславле-Залесском, на берегу древнего озера. Этот никак не относящийся к лечению факт особенно вдохновлял Майю. Она рассказывала мне о Переславле раза четыре.

Тут уж пора бы вызвать доктора на дуэль. Но нет, ничуть не бывало! Я ни капли не ревновал. Невозможно было представить тогдашнюю Майю героиней любовной истории. Всё равно что приревновать больного старика. И потом, все-таки Майя была моей «душой». Сколько ни терзай душу, не бывает, чтобы она изменила!

К разгару лета зрение восстановилось. Майя бросила изумрудные акварели и запела. Её пение было как проливные дожди июля – безудержным, сильным, свежим. Помню, я проснулся от песни, летящей с кухни, и почувствовал прилив обжигающей сердечной тревоги: передо мной был край, за который нельзя шагнуть, не разбившись. Я отогнал фантазию и решил, что завтра же попрошу у начальника отпуск. Займусь семьёй, поборю раздражительность, может, даже начну присматривать дом в Подмосковье.

К сожалению, с отпуском ничего не вышло. Мы вели военные действия против конкурирующих контор, и я не мог дезертировать. Мирное лето шло по земле без меня.

Как-то в начале августа я пришёл с работы и увидел на кухонном столе сноп луга. Большой, чуть подвявший букет – колокольчики, зверобой, ромашки, душица, пижма – возвышался цветущим берегом возле самой моей тарелки, и так светло было от него, так пахло Русью, что я не смог приняться за еду.

– Это где же вы набрали? Надеюсь, не в Переславле?

– Ну да, – ответила Майя, переставляя букет на подоконник. – Мы втроём ездили, с Лизкой. Лизка угулялась, спит! – Её голос был выше обычного, но вполне твёрдый.

Я даже не взглянул. Мне только было странно: как она сумела так мужественно и просто поставить точку? Так внезапно!

Зачем-то я собрал со стола нападавший из букета цветочный сор – как в войну хлебные крошки – и высыпал в карман штанов. Туда же спрятал пачку сигарет, быстро прошагал на балкон и заперся там, сунув за поднятый шпингалет обренок плитуса.

Я стоял спиной к балконной двери и слышал, как со стороны комнаты бьёт дождь Майиных рук – крупный ливень с градом. Жаль, что пластиковые окна не звенят. Как славно звенели бы стёкла в деревянных расшатанных рамах!

Майя барабанила и плакала. Если б она плакала о нас, я бы открыл ей дверь, развинтил бы грудную клетку – и пусть хозяйничает, как хочет, в моём Божьем царстве, пусть везёт меня в деревню, приучает к вокальному творчеству – теперь я готов. Я готов, но Майя плачет не обо мне. Она плачет, потому что боится: если этот псих улетит с пятнадцатого этажа, его выходка навсегда омрачит ей светлое счастье с доктором.

Утром вместо работы я поехал лечить глаза.

Врач – молодой, с грустным лицом и вихрастыми русыми волосами – предложил мне стул. Я мотнул головой, тщетно стараясь хранить спокойствие. Дергалась мышца щеки, в кулаках и висках кровь забивала гвозди. Он посмотрел с внимательным сочувствием на мой тик и велел рассказывать.

Рассказывать! У меня не было слов – я мыслил движением и предметом. Противник повыше, зато поуже в плечах. Аппаратура, угол стола, бетонная доска подоконника. Но не виском. Убивать плохо. Бить – хорошо! Лучше – на открытом пространстве. Конечно, и он ответит. Если только не примет моё нападение как крест за любовь.

В растерянности доктор смотрел, как копится к броску моя ненависть, и вдруг до него дошло. Он понял, кто явился к нему, и вздохнул прерывисто. Так сильно, прерывисто и по-детски! Вечно вздохнул. Вздохнул в Гефсиманском саду.

От этого вздоха моя смертная злость сорвалась и ушла, как рыба с крючка. С пустыми руками я стоял супротив врага, и мне было жалко его, как бывает жалко собаку, птицу, любое живое существо, которому причиняют увечье.

За спиной Майиного доктора светлело окно, а в нём августовский вянувший тополь. Сизый голубь, переминаясь по карнизу, клевал в стекло.

– Ну давайте, работайте! – сказал я, садясь на стул. – Проверяйте буквы!

Но он не стал проверять, а остановился поодаль, задумавшись надо мной. Я почувствовал спазм и тепло – не в глазах, пока ещё только в горле. Встал и вышел.

Дома я раскопал нашу с Майей сумку для путешествий и перекинул в неё из шкафа кое-какие вещи. Взял ещё фотоаппарат, ноутбук, зарядку от телефона и удочки. Ключи бросил на подзеркальный столик. Что говорила Майя, я не разобрал, потому что временно оглох, а Лизки дома не было. Моя мама повела её в Ледовый дворец, да я о ней и не вспомнил.

Выйдя, долго искал по двору нашу новую машину – классную тачку, японский внедорожник, будь он неладен. А когда нашёл, никак не мог пристроить удочки. Отовсюду они выпирали. Из машины позвонил маме и сказал... не помню что. Её ответная реплика тоже не уцелела в памяти. Потом позвонил Денису и Маргоше – это мои давние друзья по пекарне – и спросил, не хотят ли они со мной на рыбалку? Денис согласился с лёту, но Маргоша остудила его: что, прямо в рабочий день?

Тогда я позвонил Пете, и Петя всё понял. Он сказал, что на рыбалку не поедет однозначно, тем более с психопатом в стадии обострения. Но не будет возражать, если вечером я зайду к нему на часок.

Я бросил телефон на сиденье, где обычно ездила Майя. Мне хотелось вдавиться в автомобильное кресло, войти под обивку и уснуть там, как спал когда-то в животе матери. Страшно было не то, что меня разлюбили, а то, что нет, оказывается, ничего вечного. Я тыкался в углы души и не находил убежища. Куда ни плюнь – всё смертно. Нелепость, конечно, но самым живым из всего, на что оглянулась память, был сегодняшний проигрыш в кабинете, когда я пожалел Майиного доктора. Пожалел, как дурак, или, может, это голубь в окне сбил меня с толку?

Поначалу я хотел уехать в Оптину Пустынь или ещё всё равно куда. Колоть дрова, печь хлеб.

– А что, хорошая мысль! – сказал Петя, к которому я завалился с вещами. – Погоди только, мы тебе сухарей соберём на дорожку. У меня там батон чёрствый! – и он на полном серьёзе пошёл на кухню резать хлеб. Настрогав ломтей, он оставил их лежать на доске, отряхнул ладони от крошек и загадочно произнёс:

– А пока сухарики сушатся, отвезу тебя в одно место!

Я не стал возражать. Во мне даже дёрнулась надежда: вот сейчас он поедет со мной домой и сотрёт из действительности этого офтальмолога. Скажет: «Ребята, да вы чего!» И мы с Майей заживём дальше.

Но у Пети были другие планы. Он отвёз меня в клуб, где сам тренировался уже несколько лет. Там мне выдали обмундирование и пахнущее фальшивыми цветами полотенце. В пику святому долгу музыканта трястись за сохранность рук Петя здорово боксировал. Ничего не беречь и вообще было в его характере. Безо всяких сантиментов он выбивал из меня «Оптину Пустынь», выбил бы, наверно, и Майю с доктором, но, не рассчитав, засветил в глаз.

– Ну вот! – сказал он, оглядев меня с удовлетворением, как если бы фингал был частью реабилитационной программы. – А теперь покушать и коньячку! Завтра будешь как новенький!

На следующее утро я проснулся в Петиной «студии» – квартирке, где он недавно снёс стену между гостиной и кухней, чтобы влез рояль, – и, не обнаружив хозяина, набрал его номер. «Я пока у моих погощу, – сообщил он. – Ключи на столе, поливай пальму. В общем, живи!»

Сам он недавно расстался с очередной подругой и был не прочь отдохнуть у родителей – в чистоте, на маминых разносолах.

«Это верно, а что ещё делать? – сказал я себе, разглядывая в зеркале след вчерашнего бокса. – Живи, брат!» И стал жить.

3

Борьба за мир

В моей семейной драме не было ничего выдающегося. Никакой волшебной изюминки. Всё логично, всё по заслугам. Слабая надежда, что Майя прибежит утешать меня от беспочвенной ревности, не сбылась, и я начал думать, как бы попроще и без мучений спустить свою жизнь под откос.

Недолго злоупотребляя гостеприимством Пети, я перебрался к родителям.

– Наломал – отвечай! – сказала мама, которую я не решился посвятить в подробности разрыва. – Мирись, налаживай отношения! А то оставишь себя без дочери, а меня без внучки.

К сожалению, её совет лежал за пределами моих возможностей. Я не видел дороги и ограничил жизнь работой и сном. Единственная щёлка – по выходным Петя стал вытаскивать меня в лесопарк погонять мяч с товарищами детства.

С той поры лес взял на себя роль моего наставника. «Так же, как смысл зелёной листвы – в выработке хлорофилла, смысл человеческой души – в выработке любви, – шептал он мне в самое сердце. – Если ты стал непригоден и вырабатываешь какой-нибудь шлак вроде тоски или зависти – облети и умри».

На эти и подобные темы я размышлял, гоня мяч, спотыкался и пасовал противнику. Но дальше раздумий дело не шло. Петя бранил меня и требовал решительных мер. Я и сам не понимал, почему не предпринимаю попыток к восстановлению мира с Майей. Что-то мистическое было в моём бездействии; я чувал, что не одни предстоит сносить железные сапоги, и трусил перед дорогой.

В какой-то осенней игре я ухитрился запульнуть в ворота врага два мяча. «Ну что, брат, на поправку?» – сказал в перерыве Петя, и было видно: он рад, что я снова забегал шустро. Я тоже был рад и, может, отыграл бы второй тайм ещё веселее первого, если бы не странное препятствие.

Минут через пять после возобновления игры сквозь дождливую взвесь я увидел на кромке поля девочку, чуть помладше Лизы. На ней были коричневые брючки, розовая курточка и зелёный берет. Цветение это среди вянущего, обожжённого заморозками леса захватило меня.

То и дело я соскальзывал на девочку взглядом: сперва она возила палкой в луже, гоня листья от берега к берегу, а затем бросила своё занятие и уставилась на поле.

Я чувствовал на себе её взгляд всякий раз, когда упускал мяч. Мне казалось, она жалеет меня, потому что я рассеян и товарищи по команде частенько достаивают меня справедливых эпитетов.

– Петь, не знаешь, чей это ребёнок? – спросил я, пока один из наших бегал за улетевшим в кусты мячом.

– Витьки Евсеева, – сказал Петя, кивая на ворота противника. – Берёт её у жены по субботам.

Я обернулся и поглядел на Витьку. Должно быть, смесь чувств, проступившая на моём лице, не понравилась Пете.

– Ступай-ка ты, брат, отдышись! – велел он и, положив ладонь мне на спину, проводил до скамейки.

Тем временем девочка отошла от края поля, сделала несколько шагов в сторону лавки, где я присел передохнуть, и подобрала жёлудь. С полминуты она ковыряла шляпку, а затем приблизилась и очень тихо спросила:

– А почему у вас такая чёрная кофточка?

Вопрос в стиле Красной Шапочки застал меня врасплох. Во-первых, не кофточка, а майка. Во-вторых, что значит, «такая чёрная»? Просто чёрная. Не чернее, чем у других. На мне была обыкновенная спортивная майка с длинными рукавами. Чёрная. Без рисунка.

– А какая должна быть?

– Зелёная, как у моего папы, – сказала девочка и посмотрела на свои носки, тоже вполне зелёные. Левый был явно темнее правого. Он промок, как и край левой брючины и оба манжета розовой куртки, искупанные в луже.

Было ясно, что мои способности поддерживать беседу разочаровали её. Она развернулась и побежала прочь от футбольной поляны, к берёзкам, где валялся её велосипед.

В этот миг родитель девочки Витька Евсеев спас ворота, о чём свидетельствовала горестная брань нашего нападающего.

Я взял рюкзак и пошёл в сторону аллеи. Проходя мимо ворот, крикнул:

– Евсеев, у тебя ребёнок в луже вымок, а ты не чешешься!

– Пусть закаляется! – беспечно ответил Витька. – А ты чего, уже убегаешь?

Через пару минут на аллее меня нагнал Петя.

– Да стой ты! – крикнул он, дергая ляжку моего рюкзака. – Почему ушёл? Из-за дочки Витькиной раскис? – взялся допрашивать он. – А кто виноват? Я тебе сколько говорил: не можешь выкинуть из башки – иди и отвоюй обратно! Просто возьми своё!

Он стоял под разгулявшимся дождем и глядел на меня с таранной энергией. Волосы его вымокли и стали как чёрные сосульки.

– Ты, брат, разочаровываешь меня, – сказал он. – Я не буду тебя тащить. Персонаж без воли к борьбе меня не захватывает! – и зашагал к поляне.

Я помедлил немного, а потом сорвался и бегом помчался к шоссе. Капли, нанизанные на лезки ветра, били по шее. Чёрная майка липла к груди, как ледяная ладонь.

Выбежав из парка, я не стал садиться в машину, а рванул в первый встречный магазин одежды. Мне надо было выбрать что-нибудь не чёрное. Поборов себя, за пару минут я разнообразил свой хмурый гардероб тремя футболками – оранжевой, красной, зелёной и, укомплектованный, как светофор, вернулся в машину. Подумал, переоделся в зелёную и, не откладывая, поехал к Майе.

Чужой себе – изумрудный и мокрый, как английский газон, я поднялся на лифте и позвонил в дверь. Звонок вышел рваный, но решимость моя была велика – я знал, что войду.

Не глянув в глазок, Майя открыла и, увидев меня, отшатнулась в глубь прихожей. Я шагнул в дверной проём и чуть не споткнулся – между нами текла, как река, раскатанная по полу полоса обоев. Парень приезжей национальности возил по изнанке кисточкой. Если б не Майя, я подумал бы, что ошибся квартирой, таким чужим выглядел ободранный, пропахший клеем коридор. Всё это могло означать только одно: прежде чем въехать в новую жизнь, Майя решила смыть память о старых жильцах ремонтом.

Тем временем хозяйка оправилась от изумления, и на меня ледяной крошкой посыпался её голос. Нет, не входи, ты испачкаешься! Лучше зайди в другой раз! Лизки нет, она на занятиях. Потом, потом обсудим всё насчёт Лизки! Ну иди же, не видишь, у нас высыхает клей!

Всё это было сказано звонко, легко. Как будто она не допускала и мысли, что я могу повести себя грубо.

Я шагнул через полосу обоев и на том берегу тронул плечо работяги.

– Дружище, ты свободен! Сколько я тебе должен?

– Нет, продолжайте! Работайте спокойно! – крикнула Майя.

Но парень, не сводя с меня глаз, уже тянулся слепой рукой за курткой. Я дал ему денежку и, легонько подтолкнув в спину, прикрыл входную дверь.

– Ну что же это такое! Всё по новой? Ты же так хорошо ушёл! – отступая, восклицала моя жена. Её волосы спутались, щеки порозовели, и, кажется, уже набегали слёзы.

Я настиг её за баррикадой стола и крепко тряхнул за плечи. Хватит уже, дайте свет! Дайте же наконец проснуться!

Майя вырвалась. Я снова вёл себя как разбойник.

– Ладно, – сдержался я. – Только возьму вещи, – и, по-осеннему хрустнув клоками обоев, двинулся в комнату. Совсем недавно там помигивал мой компьютер, пел Бадди Холли и Лизка с сушками, влезши ко мне на колени, азартно резалась в «танчики».

– Какие ещё вещи? – спеша за мной, восклицала Майя. – У тебя здесь нет никаких вещей! У тебя здесь вообще ничего нет!

И правда, в комнате оказалось пусто, как в новостройке. Одни стены и небо в окне. Я помял руки: срочно требовалось что-то, к чему можно было бы приложить взрывную мощь отчаяния. Идея пришла сразу. Я вошёл в загроможденную гостиную и, сорвав полиэтилен, отволок Майино трюмо в спальню, на место, где оно стояло во дни нашего счастья. Потом вернулся за письменным столом, смахнул присыпанные побелкой газеты. Стол оказался крепок – дубовая столешница и неразборная тумба. Я приподнял угол, соображая, как будет лучше выкорчевать его из гостиной.

Наверно я был похож на воронку смерча или на гранату с оторванной чекой. Чуть расширив глаза, Майя смотрела, как роковой катаклизм, ворвавшись в дом, ворочает её мебель.

– Я изме-нился! – скрипел я, перекаптовывая стол. – Я всё переосмыслил. Ясно?

– Думаешь, надел зелёную майку и под ней не видно твоей черноты?

Я оттолкнул стол. Под ногой хрустнула Лизкина заколка-ромашка. Пытаясь отступить, Майя упёрлась в стену.

– Твой муж был на войне, а ты его не дождалась! – прохрипел я, веря до слёз в свою жалобную историю. – Вон, других-то вера от пули хранила! А меня?

– Заработать денег – это война?

Дзинь! Лопнула струна. Я опустил руки. Но ведь это было уже потом, когда всё пошло под откос! А вначале мы хотели булочную, дом, сад, всё такое! Да, я переборщил. Но ведь и ты хороша – нашла себе другую землю! Пускай зеленеет, новенькая!

Майя больше не прерывала меня. Только без сил опустилась на край заваленного вещами дивана. Я сел рядом и обнял её. Она не вырвалась. И, может, победа была бы мне в радость, если бы мои руки не почуяли излучаемую её телом тоску – смирение пленника, бежавшего и настигнутого в миг свободы.

Я разжал объятие, поднялся, осторожно переступил через обои с высохшим клеем и вышел за дверь. На лестничной площадке снял зелёную майку и бросил в мусоропровод. Бредовость собственных действий меня не смущала. Делай, что хочешь! – разрешил я себе. – Только не прыгай с крыши.

На улице осень ударила мне в голый живот перемешанными с ветром листьями. Один я поймал – кленовый, кроваво-красный. Сел в машину, включил печку и музыку. В лицо пахло пустыней, голова заныла от грохота.

Таким вот гоголем, распевая вместе с «эйси-диси», я доехал до первого стража дорог.

– А почему в таком виде? – спросил он, наклонившись с полуулыбкой к форточке и принюхиваясь. Но нет, сладостного запаха не было. Нутром он почуял: я трезв – и сразу же его настроение рухнуло. Было ясно: не выместив на мне разочарование, он не отстанет.

Думаю, если б я сказал ему правду о Майе, он подобрел бы вновь. Всё-таки все мы братья, живём на одной планете. Но правду – этой вот братской морде?

Привычным российским жестом я достал из кармана то, чего он желал, сунул в права и протянул в окошко.

Как ни странно, после уплаты подати мне стало веселей на душе. Я подумал, всё-таки чаще всего у человека есть выбор: бороться или плюнуть, страдать или откупиться. Мне предстояло обдумать мои варианты.

4 Дно

Отзвук неудавшегося примирения с Майей утих, и ничто не пришло ему на смену. А когда в конце октября выпал снег, я исчез окончательно. Мне сделалось всё равно, чем пахнет – бензином, водкой или обойным клеем, мороз на улице или дождь. Рецепторы выключились, и вскоре я начал испытывать удовольствие от сознания, что высшая точка пройдена – можно спокойно дрейфовать к финалу. Да, мне уже не стать ни героем, ни мудрым старцем, даже просто хорошим человеком – вряд ли. И всё же я занят делом и никого не луплю под дых. К тому же у меня есть Лиза, следовательно, на остаток лет сгодится простая цель – заработать денег для дочери. Чтоб была человеком вольным и не зависела от мужиков.

Со времен пекарни у меня остались друзья, семейная пара – менеджер по закупкам Денис и бухгалтер Маргоша. У нас было мало общего, но я их любил. Мне нравилось, что флегматичный Денис и пробивная Маргоша были ярко выраженное одно. Особенно бывало забавно, когда этот двуглавый орёл сам с собою ссорился.

В последние годы мы встречались редко – Майя не одобряла ядовитых ногтей и командного тона Маргоши. Я сожалел об угасшем товариществе. Мне казалось, эти люди и есть те самые простые созидатели, на которых держится земной быт.

Прознав о моих неурядицах, Маргоша с Денисом подхватили меня и на ручищах дружбы поволокли в направлении, о котором я не любопытствовал. Теперь после работы мы частенько встречались и заходили куда-нибудь выпить пива.

Они же внушили мне мысль прекратить нагружать родителей своей депрессивной личностью и снять квартиру. Мне было всё равно. Я рассудил так: раз уж Майя сделала ремонт, почему бы и мне не сменить стены?

Чтобы удобнее было меня опекать, Маргоша нашла мне квартиру по соседству. Внешне она была ничего – чистая, с большой кухней. Но, видно, до меня в ней пожило много людей. Вопли, слёзы, ярость, пьяный угар – всё это выходило по ночам из-под новых обоев и лезло в сердце.

– А ты как хотел? – удивился Петя, когда я пожаловался ему. – Нашёл где жить! Съёмная однушка на окраине! Скажи спасибо, что есть балкон.

Балкону я действительно был рад и за осень прибавил к моей сигаретной норме ещё полпачки. С высоты мне было видно микрорайон – расчищенную от мусора и заставленную домами пустыню. Напротив строили магазин. По вечерам из тьмы выступали жёлтые окна бытовок. Строительный фонарь, подвешенный на проводе, светил мне в комнату, как вражеский I АО.

От фонаря ли этого или от нового быта в целом меня стала одолевать бессонница. Каждую ночь, часа в четыре, я просыпался и, чуя, что уже не засну, шёл курить на балкон. Мёрз там минут десять, уставившись на фальшивую Венеру прожектора, заваривал на кухне пакетик чая и опять смотрел на фонарь, слушая звон строительной техники.

В моё полубдение сваливались вопросы. Почему я менеджер? А не солдат? А не булочник? Почему я один и что делаю в этой пустыне?

Поначалу вопросы множились, а потом вспыхнули и слились в один: для чего, собственно говоря, жить?

Я смотрел в мутный воздух, надеясь впитать ответ. Бруски домов, бытовки, тусклый невсамделишный свет – ни одного ангела, чтобы сказать мне правду! Это и понятно, ангелов я не заслужил. Но однажды из нечистой, отливающей красным ночи на меня уставились жиденькие

глазки. Я увидел их не наяву, конечно, а «мысленным зрением». Демон времени, Хозяин эпохи – вот случайные имена, какие пришли мне на ум.

«Живи, я помогу!» – убеждал меня демон и подсовывал прямо в мозг договор о сотрудничестве. Мне предлагались деньги, машины, новинки индустрии развлечений и далее по потребностям моего прогрессирующего убожества. За весь этот милый бедлам просили недорого. Я должен был отдать даже не душу – время. Всего лишь время жизни, которое обязался потратить на пункты, указанные в договоре. Прежде такого не бывало со мной. Но теперь, выпав из любви, я стал беззащитен перед ночными хищниками.

Ту ночь я закончил прискорбно, точно как требовал этот тип. Жахнул со страху водки и слетел в подземелье кошмаров.

А когда проснулся, в комнату валил, как дым, серый свет ноября. Я глотнул ртутной воды из-под крана, ею же умыл физиономию и отправился на работу. У подъезда отбойным молотком дробили асфальт. «Никакой не демон, конечно! – утешал я себя, идя к машине – чёрному, зверски сильному чудовищу, неизвестно как оказавшемуся у меня в рабстве. – Просто наконец взглянул со стороны на свою деградацию».

Днём, за делами, мне стало легче, а ближе к сумеркам навалилось по новой. Я еле дожид до конца рабочего дня и, не полагаясь на Денис-Маргошино пиво, позвонил из машины в мою скорую помощь – Пете.

– Говоришь, демон времени? – усмехнулся он, выслушав мой отчаянный монолог. – Ну а ты на что надеялся? Проанализируй, что у тебя есть. Работа, хлебнул пивка и спать! Ну в Интернете ещё чего-нибудь полистаешь. Ты просто плохо живёшь! – заключил он.

Я был согласен, что живу плохо. Мне и вообще разонравился этот процесс. На мой вопрос, что делать, Петя вопреки обыкновению ответил уклончиво.

– Ничего ты сейчас не сделаешь. Падай дальше! – сказал он. – Как до дна долетишь – звони!

Мне уже очень хотелось долететь поскорее. Я даже начал молиться об этом Богу. Упирался мыслью в глухую, без единого сквознячка веры, стену и просил: Господи, давай что-нибудь предпримем со мной. Какое-нибудь радикальное средство!

С той поры я начал жить не оглядываясь, целиком положившись на волю рока. Лучшим способом поспособствовать её проявлению стала покупка мотоцикла. Наслаждение свистать между рядами вытесняло страдание. Я чувствовал себя отморожком, у которого по определению не бывает ни паники, ни тоски. Единственное, что с ним может произойти, – это гибель.

Катастрофа, которой я малодушно жаждал, пришла в одну ноябрьскую пятницу вместе со снегопадом. От метельных ли вихрей или как следствие участившегося приёма спиртного, голова моя разламывалась. По дороге домой я понял, что до смерти не хочу возвращаться в свою «пещеру троллей», и решил: поеду к родителям! Налопаясь маминых котлет и усну детским сном.

Переменив маршрут, я свернул на Садовое и поначалу продвигался неплохо. А затем кольцо замкнулось и встало.

Я нырнул в дырки, едва не чиркая по соседним машинам, до тех пор пока не свернул локтем чьё-то зеркало. Тут до меня дошло, что хода нет.

Эта пробка была королевой пробок. Шофёры курили. Я тоже курил и ждал, пока мы сдвинемся хоть на метр, чтобы можно было шмыгнуть в щёлку. Долбёж радиомызыки, летящей из форточек, тонул в глухом снегопаде.

В какой-то момент я понял, что уже не различаю современных ритмов. На их место заступило небывалое пение. «Тёмные силы нас злобно гнетут, – гудел хор, таинственный, как ветер в травах. – В бой роковой мы вступили с врагами, нас ещё судьбы...»

Явление это в дыму и угаре мёртвого кольца прохватило меня до дрожи. Я собрался включить аварийку и как-нибудь вырваться на обочину – нельзя ведь управлять транспортом в состоянии острых галлюцинаций! – как вдруг до меня дошло: я не псих, просто в соседнем «рено» совсем юный водитель, мальчик, слушает «Варшавянку»!

Я выключил зажигание и заворожённо внимал выпавшей из времени песне. А на последних тактах со внезапностью дикого зверя мне в живот ударил страх. Волна огня прошла по телу, кожа под ней словно бы вздулась и треснула. Голову наполнил железный гул. Со мной случилось Нечто, но в навалившемся помрачении не мог разобрать, что именно.

Не знаю, что за автопилот доставил меня в родительский двор. Дома мама, открыв мне дверь, вскрикнула. Что-то летнее – блюдце толчёных ягод – было на мне вместо лица. Огонь, разгораясь, захлёстывал тело.

– Больно лихо для крапивницы! – сказал терапевт из круглосуточной клиники, куда отволокла меня мама. Он расспросил меня подробно, что я ел, что пил, где был, и высказал предположение, что, раз уж я не употреблял ничего особенного, это может быть реакцией на токсины, которыми я отравился в пробке. – Разберёмся! – мужественно выдохнул он.

Несмотря на его оптимизм, мне пришлось встречать рассвет уже в больнице, куда меня доставили по страховке.

Я лежал под капельницей, безвольный и верующий, желая уснуть по-лермонтовски, чтоб вздымалась грудь и пел голос. Тридцать лет судьба волочила меня за руку. Я спотыкался и ничего не успел по дороге. И вот мы в порту – конец.

Мои полусны были разнообразны. Невидимый художник рисовал селение на горке и смывал его кистью так, что потоки талой воды лились с холма. Приходило лето, по цветущему лугу ко мне спешили люди. Молодая женщина, неземная, рыжая, с ней парень, похожий на прадеда с фотографии, – милые случайные образы. В бреду мне казалось, что они – мои родственники, может быть, даже предки, спустившиеся с холма, чтобы встретить меня. Я соединялся с ними неуклюжей душой и чувствовал блаженство окончания дороги. Единственное, что омрачало радость видений, – в них не было Майи. Не пришла она и в больницу.

Зато всегда, в любую секунду, стоило мне открыть глаза, со мной была мама. Я получил младенчески безлимитное право на её время. Часто бывал и отец. А через пару дней ко мне допустили Петю. Он зашёл в белом халате, усмехнулся и прикрыл глаза ладонью. Моя всё ещё красная рожка впечатлила его.

– Ну чего, брат, хреново тебе? Или получше? – спросил он, и мне захотелось, чтобы он ещё раз сто назвал меня братом. Как если бы в этом слове была гарантия, что за меня поборются.

Петя приходил почти каждый день и бывал подолгу. Позже я узнал, что в те дни его жизнь хрустела, как и моя, только срослось потом по-разному.

Меня выписали с редким диагнозом, носящим фамилию какого-то француза.

– Считайте, что у вас аллергия, – сказал доктор, когда я потребовал расшифровки. – Ну, скажем, на жизнь в мегаполисе, если учесть наши продукты питания, воздух, образ жизни...

Петя объяснял мою болезнь в том же ключе, но доходчивей.

– Ты просто траванулся нежитью, – сказал он. – Большинство могут в ней барахтаться неограниченно, а ты оказался хилый: надышался и чуть не сдох.

5

«Дауншифтинг»

В первые дни после выписки я был рад всему. Жизнь, казалось мне, безусловно добрая вещь. В ней нет ничего страшного, кроме смерти. Мне хотелось сжать мою жизнь в объятиях, как друга, которого не видел сто лет, пройти с ней по любой улице, какая нам подвернётся, разламывать хлеб, пить вино, ловить во фьордах форель на настоящей норвежской шхуне... да что там! Меня бы устроили и бычки в подмосковной луже, и вечный пост, лишь бы жизнь не оставила меня, как Майя.

Ожидая, пока доцветёт аллергия, я остался жить у родителей, и сразу детство обступило меня. На подоконниках росла цела-невредима моя школьная коллекция кактусов. Только теперь это были не маленькие комочки с колючками, а расплзшиеся старики. Сохранились и все мои растрёпанные картонные коробки с играми. Я достал настольный хоккей, и мы с отцом отвели душу. А затем снял со шкафа мандолину в пыльном чехле и стал вспоминать, что знал.

Инструмент оказался плох. Я как-то не замечал этого в детстве, а теперь увидел и расстроился. Через пару недель игры, однако, мне показалось, что звук мандолины повеселел, и я подумал, что с годами, если заниматься прилежно, можно будет «намолить» её, как икону.

Пока я бездельничал, осень вплотную придвинулась к зиме. Мой клюквенный окрас исчез. Вместе с ним ушла эйфория обновления. Зря я счёл аллергию дном, по достижении которого начнётся восхождение. Ничего подобного! Я падал и падал, но уже без воплей и свиста, а мягко, как снежинка, можно даже сказать – кружась.

Между тем мне исполнилось тридцать. Это обстоятельство, плохо согласующееся с моим подростковым образом мыслей, смутило меня. Я пожаловался на грядущий тридцатник Пете. «А!.. – отмахнулся он. – Ерунда. Это со мной уже было». В самом деле, полгода назад это случилось с ним.

Он пришёл поздравить меня после работы и застал одинокий ужин – меня, маму и папу.

– Ну вот. Так-то лучше! – констатировал Петя, придирчиво меня оглядев, и улыбнулся. Видно, и правда был рад, что я цел.

– Держи вот! – сказал он, протягивая мне длинный плоский футляр, в котором через десяток секунд мною была обнаружена метеостанция. Не какая-нибудь поделка, а точный, всевозможно сертифицированный прибор в корпусе из карельской берёзы, великолепном, как всё, что имел обыкновение дарить мой друг. В первый миг я испытал недоумение – на что мне барометры и гигрометры?

– Это тебе не игрушка, а терапевтическое средство! – строго сказал Петя, когда, оставив родителей чаёвничать, мы, как в детстве, ушли в мою комнату. – Будешь каждое утро проникаться состоянием природы. Проснулся – и никакой электроники, сразу на пробежку! У тебя же лес под боком! Бежишь себе и примечаешь, какое небо – к какой погоде, ну и так далее. Ясно?

Я кивнул, начав понимать, к чему он клонит.

– Мне не нравится твой настрой! – продолжал он. – Новый год на носу, а ты, я гляжу, никак не очухаешься!

– Петь, я стараюсь, как могу! Разучил даже на мандолине два этюда. Но дальше – полное бездорожье!

– Этюды тебя не вывезут, – возразил Петя. – Выбирайся в мир – дыши, нюхай. В конце концов, раз уж ты так упёрся в свою Майю, борись! Волоки ей тушу мамонта! Авось уговоришь.

– Тушу я уже добывал. Ей этого не надо.

– Это, что ли, джип твой – туша? – высмеял он меня. – Туша, братец, это труп твоей собственной лени и слабости. Исполни мечту! Всё, что обещал и зажал, – возьми и сделай!

Мне стало вдруг тошно от того, что кто-то, пусть даже и Петя, трогает практической мыслью мою беду, кидает её в одну кошелёку с миллионом пошлых историй!

– Петрович, скажи мне: а ты-то на мамонта ходишь? Или у тебя всё о'кей?

– Обиделся что ли? – удивился Петя и с неожиданной грустью прибавил: – Я плохой охотник. Мой мамонт ушёл к врагу.

– Это ещё почему? – насторожился я.

Но он не ответил, только мотнул головой и, подойдя к окну, взглянул через строй кактусов на сгустившуюся черноту улицы. Я знал, что в последнее время Петя был не слишком доволен своей музыкальной карьерой, но не рискнул расспрашивать.

– Ладно, дрель тащи, – сказал он, обернувшись, и взял со стола метеостанцию.

Дырявя покой соседей, мы просверлили стену и повесили подарок на гвоздь.

– Ну вот... – кивнул Петя, щёлкнув по стрелке.

Когда утрачен ориентир, человек старается уцепиться за любую нелепость, подозревая в ней руку ангела. Я уверовал в Петин прибор, как в новую жизнь.

Теперь, встав утром, я бросал взгляд на барометр и шёл на улицу покурить, а заодно проверить на собственной шкуре показания приборов. Северо-западные ветра наметали во двор цементную взвесь со стройки. Воробьи чирикали с возмущением, вороны кашляли.

Если кто думает, что наблюдение за дворовыми птицами воскрешает душу, – он прав, конечно. Но это процесс не из быстрых. А пока ты живёшь, как жил. Ешь, пьёшь, куришь, смотришь в разнокалиберные экраны, и спросонья, как городское шоссе, в тебе гудит стыд.

Шляясь по дворам, я растратил свою профпригодность. Условно честная работа в области закупок и продаж осточертела мне. Я уже не скрывал пустого взгляда и жаждал увольнения как отмашки к построению новой жизни. Наконец мне надоело ждать.

Кое-как приведя в порядок дела, я пришёл к владельцу компании и сказал, что ухожу. Просто потому, что больше не нахожу мотивации для занятий бизнесом. Может, снова пойду печь хлеб.

Наш хозяин был неплохой человек, прославившийся гуманизмом и выдержкой. Воров и обманщиков он не губил, не вышвыривал из квартир их жён и детей.

– Дауншифтинг, Костя? – улыбнулся он. – Ну что ж, я вам желаю скорейшей перезагрузки! – И задумался, соображая, за какую сумму имеет смысл забрать мои акции. На той же неделе он подкрепил свою репутацию порядочного человека, выкупив их не многим дешевле, чем я рассчитывал.

Я уже знал, что деньги – это не «мамонт». И всё-таки не мог не использовать их в качестве повода для разговора с Майей. В дом после сцены с кантованием мебели меня не пустили. Пришлось говорить по телефону.

Стараясь хранить спокойствие, я сообщил, что уволился, продал акции хозяину и хочу, чтобы Майя с Лизой распорядились тем, что есть, по своему усмотрению. Майя выслушала меня и сказала, что не возьмёт ни копейки. Она хочет жить и летать, а не трепыхаться в удушью хватке моей заботы.

– Если тебе так уж хочется что-нибудь сделать для Лизки, – прибавила она, смягчаясь, – сообрази сам. Открой счёт к совершеннолетию или ещё что-нибудь, я не знаю. Только не втягивай в это меня. У меня – другое, можешь ты понять? Совсем другая жизнь!

6 Старая Весна

В студенческое время мне часто снился вкус хлеба, как некоторым безумцам снятся мелодии или стихи. Хлебное вдохновение накатывало на меня. Я чувствовал гул тепла, обрывки аромата и вдруг, на долю секунды – вкус как озарение. Тогда я мчался на кухню и немедленно воплощал идею в хлеб. «Озарения» складывались затем в записную книжку – для неопределённого будущего, на что Петя остроумно заметил, что я пеку «в стол».

Оставшись без работы, я отыскал ту книжечку и почитывал её, как старый дневник. Понемногу в голове у меня проявилась маленькая булочная-пекарня – сказочное заведение, устойчивое к экономическим кризисам и переменчивым настроениям публики. Я прикинул бизнес-план и остатком трезвого разума понял: в условиях современной Москвы такой проект невозможен. Не потянем арендную плату, да и конкурентов окажется больше, чем покупателей.

Пока я бездельничал, приблизился Новый год, но зима всё не шла в Москву. Ноябрьский снег растаял, и у нас во дворе на клумбах снова завиднелись оранжевые цветы. Но мама всё-таки развела зимний уют – стала зажигать по вечерам свечи и чуть ли не каждый день пекла какой-нибудь пирог. Я до сих пор в долгу у мамы за то, что в тот год она принудила нас с отцом поставить ёлку.

Снимая с антресолей игрушки, отец достал заодно пару послевоенных коробок из-под печенья. В их пожелтевшем картоне хранились бумаги – метрики, удостоверения, письма. Нашёлся и мой любимый снимок прадеда. Я взял истёртую карточку: парень на лавочке рассеянно улыбался мне. Через ветки распускающейся берёзы светлело серое небо простой фотографии.

– Ну вот, – сказал отец. – Бабушка рассказывала – у них там хорошо было. Горизонты, речка под холмом. А мы с тобой так и не съездили.

Никогда раньше мне не приходило в голову, что в деревню прадеда можно съездить. Это было так же нелепо, как если бы кто-нибудь предложил мне смотаться в Москву сорок пятого, на парад Победы.

По представлениям отца, Старая Весна располагалась едва ли не под Тверью и, вероятно, теперь уж вымерла. Я залез в Интернет и за пять секунд отыскал на карте нашу деревню. От кольца её отделяло всего километров шестьдесят.

Вот была находка так находка! Глядя на карту, я мысленно обошёл деревню со всех сторон – горсть домов на холме, лес и сельхозполя. Сам факт, что былинное пространство Старой Весны обозначено на Яндекс-картах, потряс меня, но не убедил. В глубине сознания я допускал, что, приехав, увижу светлый рассыпчатый снег по пояс, не тронутый со времен войны. А может, выйду из машины в самое лето. Опушки в землянике, вдали погрохатывает, парит...

К любому чуду я был готов. А вот к чему я готов не был – так это встретить на месте деревни коттеджную застройку или садовые товарищества, расплзшиеся по окрестным лугам. На этот случай я решил так: будем считать, что настоящая Старая Весна ушла вместе с прадедом в лучший мир, а это – её внучка.

На разведку поехал один – субботним утром, с фотографией, как с визой в прошлое. Отравленным кольцом дополз до шоссе, превозмог толкучку пригорода и по очистившейся вдруг дороге домчал до нужного поворота. Минут десять прогнал по коридору леса и, вылетев, тормознул как над обрывом: передо мной распахнулась холмистая местность, полная света и облаков. На высоком пригорке шевелились под ветром вместе с берёзами дома моей исторической родины, кое-где курился дымок.

Проехав ещё чуть-чуть – мимо обшарпанного монастырька, мимо сельского магазина и пожухшего луга, я оставил машину под холмом и пешком пошёл в горку. Из перелеска, с правой руки обнявшего холм, дуло неурочной весной. Душистый этот ветер, купол приглушённого облаком света, безлюдье – всё разом ошеломило меня.

Я поднялся на холм и взглядом облетел горизонты. Достал сигареты и снова убрал в карман. Вот он – «мамонт»! Здесь и спущу на воду наш корабль! Точнее, не корабль, а дом, о котором мечтали с Майей. На воду или на ветер.

Чуя в каламбуре пророчество, я двинулся осматривать деревню. У края развороченной дороги, как углый катер, был пришвартован трактор без лобового стекла. На дворниках трепетала выдавшая виды ленточка ко Дню Победы.

Улица, обоими концами упиравшаяся в лес, походила на общую кухню. Дома смотрели друг другу в глаза. Ясно, что даже самые старые из них были построены после войны, но земля-то осталась прежней! Какой из участков наш? Где жил прадед?

Один дом приглянулся мне – серый, с крышей цвета еловой хвои, напоминающий бедную дворянскую дачу. Я подошёл, хрустя замёрзшей глиной. Из-под калитки выскользнула кошка – больше никого.

Продвигаясь по улице, я поглядывал с холма, надеясь увидеть реку, о которой говорил отец, но ни реки, ни даже какого-нибудь высохшего ручейка или болотца пока что не обнаружилось.

Зато на противоположном краю деревни я повстречал детей – мальчика лет семи и девочку-подростка с косами, торчащими из-под шапки. У детей был снежок. На нём по твёрдой и не вязкой, отлично укатанной глине склона они съезжали к дороге. Не сказать, что скорость была высока, но определённое удовольствие получить было можно.

– Ребят, а где тут у вас речка? Тут прямо, говорят, под холмом, рядом, – спросил я, когда они взобрались в гору.

– Речка? – строго переспросила девочка. – Нет, рядом у нас нету! Это дальше туда, – и махнула на поле, куда спускалась их глиняная горка. Я мельком глянул на укатанный спуск и почувствовал шевеление зависти. Мне до смерти захотелось скатиться по этой глине – рухнуть в пожухший луг.

– Как, ничего скользит? – полюбопытствовал я.

Девочка посмотрела на меня снисходительно. Видно, обуявшая меня страсть каким-то образом стала слышна ей.

– Натё! – сказала она, протягивая мне верёвку снежката.

Я сел и оттолкнулся. Прихваченная морозом глина скользила не то чтобы здорово, но ничего. Впереди над перелеском колыхалась стая птиц. Прекрасный иероглиф, чёрный по серой бумаге неба. К сожалению, я не успел разгадать его содержание, потому что налетел на кочку. В отличие от ударов судьбы это был настоящий, «живой» пинок – я рухнул в обмёрзшую траву. Впрочем, уже через миг встал и, отряхивая штаны, повёз снежок в горку.

Дети на холме терпеливо ждали, когда я верну им транспорт. О, что это был за мальчик! Кареглазый барчук в ушанке. Что за девочка! Лихая крестьянская дочь, такую не вдруг обидишь. Я поглядывал на них, силясь встретить родные черты. Почему бы нет? Если они коренные жители, почему бы между нами не быть родству?

– Ещё будете кататься? – спросила девочка.

Но нет, я был удовлетворён и отдал ей верёвку.

– А не знаете, кто вон в том доме живёт, сером, с зелёной крышей? – спросил я, уповая на малый шанс услышать в ответ свою фамилию.

– А я живу! – сказал мальчик.

Я кивнул и больше не расспрашивал. Мне вдруг стало спокойно. Всему своё время, потом.

7

Не у одного меня перемены

Когда после поездки в Старую Весну я всерьёз задумался о воплощении наших с Майей юных мечтаний, первой мыслью, пришедшей мне в голову, было спросить совета у Пети. В отличие от меня он умел отличить истинный плюс от мнимого и неплохо предсказывал будущее. «Это, брат, не я, это музыка! – объяснял он. – Музыка промывает жизненный слух!»

Сказать по-честному, я удивлялся, как в условиях Петиного кошмарного детства, среди выматывающих занятий, нажима амбициозной мамы и усмешек отца можно было сохранить хоть какую-то любовь к этому возвышенному предмету. Однако он смог, и в его любви было всё, что нужно, – и страсть, и святое чувство, и счастье, и от ворот поворот.

Я помнил его студенческие выступления. Он выходил, распахнутый и ясный, и казался мне устройте́лем высокого праздника, сродни Рождеству. Я гордился им и с грустью ждал момента, когда на Петю налетят импресарио и уволочут его от меня в мир звёзд.

Играл он ярко, ничего не боясь, до предела веря себе. Исполнительская искренность зашкаливала. Апогеем Петиной бескомпромиссности стала выходка в финале одного конкурса, когда уже на сцене он раздумал играть заявленный ранее атональный шедевр Веберна. «Зачем вообще нужен Веберн? Пусть будет Бах!» – объявил он публике и в ослепительной тишине завёл на клавишах мистический разговор о хрупкости мироздания и силе духа, о красоте, которую не спишешь в утиль. Я был там и чувствовал кожей, как нервная атмосфера конкурса гаснет и зал становится пространством храма.

Подобные случаи сформировали вокруг Пети круг экзальтированных поклонниц, для которых он вёл в Интернете милый блог, сообщая в нём, когда и где ему можно будет поаплодировать. Но в целом эксцентричность, не подкреплённая «именем», сослужила начинающему музыканту дурную службу.

Окончив учёбу, Петя задержался в родных пенатах в качестве аспиранта и преподавателя. Эти сомнительные для пианиста успехи сочетались с нерегулярными выступлениями. Он время от времени где-то что-то играл, но всё это были малые искорки того величественного костра, на который он со страстью собирался взойти.

В его прежде высокоскоростном репертуаре стало появляться всё больше вещей, в которые можно уйти, как в глубокую медитацию, и вынырнуть с новым знанием. Поклонницы жаловались, что он утратил былую фееричность. Петя злился и, обзвав их дурами, шёл отвести душу на учениках.

Амплитуда его преподавательских методов была огромна. Если ученик оказывался ленив и не влюблён в предмет – Петя мазал его по стенке. Если талантлив и самоотвержен – доброта и терпение учителя не знали границ. Неудивительно, что отношение учеников к Петру Олеговичу колебалось от ненависти до обожания.

Несмотря на сомнения, навещавшие его периодически, мне казалось, он принял свою судьбу. Однако с некоторых пор в нём завелась заноза. Разговоры о музыке стали заканчиваться вспышками гнева. Появился и предмет зависти – выбившийся чуть ли не в звёзды сокурсник, некий Серж – музыкант с блестящей техникой и на редкость «тупой душой», как презрительно говорил о нём Петя.

Ко всему прочему моему другу вдруг резко стало не хватать денег, ученики оказались сплошь лентяями, а выступления, когда-либо выпадавшие на его долю, он считал теперь унижительным «метанием бисера».

Что говорить, нынешний Петя был не в форме. Глупо было ждать от него прозорливости в вопросе с покупкой земли. И всё-таки я не мог не спросить его благословения.

Когда после новогодних праздников я позвонил ему, Петя «с порога» ошеломил меня новостью:

– Поздравь! У меня завтра последний урок. Больше никаких вундеркиндов! – объявил он. – Ни ногой больше в этот рассадник пафоса и нищеты! Хоть бы кто поджёт его! Прикинь, мне даже снилось – горят партитуры, но не сгорают, а просто ноты с них обсыпаются мелкой такой карточкой! А сами листы становятся чистые, белые. И никакой тебе больше всемирной истории музыки... Папа-то мой был прав! Столько лет коту под хвост!

– Петь, может, тебе попозже перезвонить? – с трудом вклинился я в его песню.

– Ну а что попозже? – вздохнул он, успокаиваясь. – Мне теперь без разницы когда. Пашу сутками! Я же теперь ещё у отца типа стажируюсь – вникаю в вопросы недвижимости. А ты вообще чего звонишь? Дело есть или так?

Я помедлил, чувствуя, что Пете не до моей мечты о родине, и всё же признался:

– Хотел, чтобы ты съездил со мной в одно место. В деревню.

– В деревню? – удивился он. – Это ещё зачем?

– Хочу там землю купить.

– Ого! Я вижу, барометр пошёл тебе на пользу! – с удовлетворением заметил Петя. – А что хоть за деревня?

Я объяснил, что речь идёт о Старой Весне, где жил мой прадед, тот, который с хлебом и мандолиной.

– Вот оно что, – проговорил Петя. – Ну так какие вопросы! Раз надо – значит, съездим. Заезжай завтра за мной в школу часикам к одиннадцати. У меня там как раз последнее занятие – и всё, вольная птица! Как раз даже и здорово – мотнёмся, переключусь. А то ещё впаду в сантименты, сам понимаешь...

Я люблю места, где учат музыке. Мне нравится их переменчивая «погода» – ветры струнных, капли клавишных, солнечный луч трубы. С удовольствием прислушиваясь, я прошёл по коридорам и отыскал нужный кабинет.

Петя стоял у окна, в телефонном наушнике, грозно взявшись за вертикальную трубу отопления. Лицо его было напряжено и пятнисто, на лбу под тёмными волосами проблескивал пот.

– А не надо беспокоиться, выживу! Мне не впервой! – в ответ на чью-то реплику взвинченно проговорил он.

Я решил, что Петя поссорился с девушкой, и весьма удивился, когда, прощаясь, он назвал её Михал Глебычем.

– Петь, здорово! – приветствовал я его из дверей.

– А... Здравствуй! – обернулся он, чуть вздрогнув, и протянул нагретую о батарею ладонь. Костяшки на тыльной её стороне были заклеены пластырем.

– С кем болтал?

Петя сел к пианино, поднял крышку и, рассеянно поглядев на клавиши, опустил.

– Да Пажков...

– Что за Пажков? – спросил я, присаживаясь на соседний стул.

– Партнёр отца, – нехотя отозвался Петя и, помолчав пяток секунд, вспыхнул: – Вот не пойму я человека! Рвёт землю крупными клоками, ставит на ней всякую развлекуху – фитнесы, спа-отели. В общем, банальнейший мешок с миллионами. Но при этом какая-то у него страсть к человеку! – Петя умолк на миг и недоумённо покачал головой. – Жертвы свои обихаживает, понимаешь? Если грабанул кого мимоходом – навещает потом, о здоровье спрашивает. Бабулька звонит в компанию с претензией, что рошу там где-то срубили, так он первый вопит: дайте я! Дайте мне! И сам с ней объясняется, хихикает. Нравится ему!

– А тебе-то до него что?

– А то, брат, что я у него работать буду! – сказал Петя. – Он теперь в Подмосковье строит, с отцом у них появились точки пересечения. И прикинь, отцу хватило мозгов ляпнуть, что я пианист. Ну у Михал Глебыча полный восторг. А-ха-ха! О-хо-хо! Что да как да где учился! Я, говорит, сам однажды чуть виолончелистом не стал! Бросай, мол, Петька, эту лабуду, я из тебя человека сделаю! Видишь, руку об его зубы ссадил! – и Петя кивнул на пластырь.

Слегка оторопев, я уставился на заклеенный кулак.

– Да не бойся. Все живы! Он меня позвал типа поговорить о будущей службе. Я, в общем, неплохо был подготовлен, папа меня натаскал. Ну наврал, конечно, с три короба. Обсудили. И вдруг Пажков говорит: я, Пётр Олегович, очень уважаю хорошую музыку и разбираюсь. Жалко, нет у меня в этом вопросе соратников – одни примитивные субъекты вокруг. Я, говорит, инструмент куплю нам в офис, будешь мне по праздникам и в будни слух услаждать! Ну я, естественно, подумал, он шутит. А потом чувствую: даже если это и шутка, она меня унижает! Отвечаю: нет, Михал Глебыч, вряд ли. Я вот так вот, ради услаждения, играть не люблю. А он давай со мной жалованье обсуждать, нолики накручивать! Сыплет бредовыми суммами и хихикает!

– Классические с тобой, Петрович, происходят сюжеты, – заметил я.

– Это точно! – кивнул Петя и, машинально взяв с пианино ручку, зубами снял колпачок. На подоконнике, я заметил, у него уже валялось три таких же, «съеденных» вдрызг. – Так вот, я зверею потихоньку, а он смеётся. Ты, говорит, Пётр Олегович, ну просто герой изящной словесности! Гордая невинность!

– А ты сразу и в зубы!

– Что значит сразу? А я что, по-твоему, должен терпеть, как всякая сволочь надо мной ржёт и по щеке треплет? Да мы так, самую малость... – остывая, прибавил Петя. – Его к тому же этим не проймёшь. Утёрся и кричит охраннику: мол, сфоткай меня с пораненным господином Вражиным! Будешь, говорит, у меня в архиве. Может, когда и дойдут до тебя руки.

– А сейчас чего звонил?

– Переживает, как рука, не нагноилась ли. А то, говорит, у меня слюна ядовитая. Смотри, говорит, лечись, а то чем играть мне будешь?

– Может, у него психическое заболевание? – спросил я.

Но Петя качнул головой и, неожиданно бодро на меня поглядев, произнёс:

– Да он на самом деле классный мужик! Наполеон! Забавный такой – мелкий, рыжий, и при этом мощь колоссальная! Личность, понимаешь? Не такой, как все. Хочу у него учиться.

– Как обзавестись ядовитой слюной? Ну вперёд!

Петя поднял крышку пианино, беззвучно тронул клавиши и, как и в прошлый раз, тут же закрыл. Сверху поставил локоть. Его карие глаза, упёршись в меня, стали угольными.

– Знаешь, у меня никогда не было денег. У тебя были. У меня – нет. Видал, на каком убожестве я ежу? За отцом донашиваю. Вместо всей этой нищей лирики давно надо было поставить цель. Просто взять и поставить.

Тут как-то долго, надсадно он посмотрел в окно на застроенный горизонт – как будто и правда решил водрузить свою цель на крышу дальней высотки.

В это время девочка лет пятнадцати, бледненькая, с гимназическими косами по плечам, глянула в кабинет и замерла, не решаясь войти.

– Наташ, чего забыла? – обернувшись, спросил Петя.

Девочка помедлила и, уронив неслышное «извините», отшатнулась в коридор. Дверь закрылась.

– Шантажистка! – сказал Петя, нахмурившись. – Музыку она бросит! Что я теперь, из-за таких всю жизнь свою молодую должен здесь промусолить?

Он мотнул головой и, решительно поднявшись, сгрёб с подоконника огрызки ручек, наушник и телефон. Оглядел кабинет – не забыл ли чего? Солнце в окне высветило на полу белый квадрат.

– Ну что, поехали? – сказал он бодро.

По периметру расчищенного двора лежал снежок, нападавший за праздники, и не было ни души – за исключением большого рыжего пса в колтунах. Увидев Петю, пёс подошёл и ткнулся носом в брючину.

– Тоже вот – ещё один! – сказал Петя. – Надоел ты мне, Михалыч! Ну что ты меня караулишь! Я тебя утром кормил? Иди, гуляй! Вот видишь, чего творится? – обратился он ко мне. – Прямо оцепление выстроили – не сбежишь!

Мишка фыркнул и пошагал прочь, трясая шерстяными лохмотьями. А Петя обернулся на окна: в одном из них, перемешиваясь с работой флейтиста, гремел ручей фортепиано.

– Наташка Рахманинова чешет, – проговорил он, весь уходя в слух. – Куда ж она лепит! Там же лига!.. – и, вдруг опомнившись, быстро пошёл к обочине, где стоял мой вполне замызганный, как раз для поездки в деревню, джип.

8 Берём!

– Дашь порулить? – сказал он, усаживаясь на водительское место и поправляя зеркала. Я послушно сел справа. – А что мотоцикл? Накатался?

Вникая в чужую машину, Петя стартовал аккуратно. Впрочем, скоро вошёл во вкус и, свернув на трассу, принялся шнырять по рядам.

– Я себе тоже такую куплю. Или лучше, – сказал он, разгоняясь по крайней левой.

Я хотел возразить, что Майин доктор ездит на «ниве» и счастлив. Это во-первых. А во-вторых, даже за такую бессмыслицу, как хорошая тачка, иногда приходится заплатить всем. Но промолчал, пожалев Петину надежду на обновление.

По милости моего разгулявшегося друга мы летели как ненормальные – зимой, по скользкому «кольцу», под рёв тяжелого рока.

– А кстати, едем-то куда? – спросил он. – Колись, а то поворот проскочим!

Я подвернул звук и объяснил дорогу, а там, слово за слово, выложил всё, что успел нафантазировать о Старой Весне, включая и цель поездки. Нам с Петей предстояло определить, можно ли человеку, а именно мне, построить там дом и жить в нём с Майей и Лизкой, которых, конечно, верну.

– А на пенсию что, уже заработал? – завистливо спросил Петя.

– Нет, – сказал я. – Но это как-нибудь обустроится.

Под лекцию Пети о том, что на земле ничто не обустроивается «как-нибудь», а также иные споры и разговоры мы провели дорожное время. Наконец за поворотом лесного коридора открылись поля, холмы и по левую руку – стены монастыря. Над этими стенами, как столб пара, поднималась в синеву небес колокольня без колокола. Её очертания казались растёртыми по небу ластиком. Возникла мысль, что белый монастырь тает. Вот настанет оттепель – и он сойдёт вместе со снегом.

Когда мы проезжали мимо монастырских ворот, с обочины на шоссе выскочил парень и растопырил руки, собираясь принять нашу машину в объятия. Петя стукнул по тормозам. Тут же грузная женщина в белом халате налетела на парня, как куропатка на мышь, и поволокла прочь.

Слегка побелевший Петя сдал на обочину и, опустив форточку, прислушался к её воплям.

– И как расценивать этот знак? – спросил я.

– Ну что тебе сказать, – рассудил он. – Можно как «стой, не ходи», а можно – как то, что тебя встречают с распротёртыми объятиями... А ну подожди-ка! – перебил он сам себя и, высунувшись в форточку, пригляделся к табличке над воротами. – Да ты знаешь, что это такое? Психиатрический интернат! – и он со смешком обернулся ко мне. – Слушай, Костя, если ты купишь здесь участок, а потом сбрендишь – тебе тут будет недалеко.

От «монастыря-дурдома» до моей деревни в самом деле было два шага.

Мы остановились под холмом и вышли из машины. Дорожка в гору была расчищена, но не сегодня и не вчера. Проехать бы можно, однако с риском.

– Ну вот! – сказал я Пете, кивая немного вверх, на деревушку.

Старая Весна взошла на пригорок и скромно встала к лесу. А кто она, Старая Весна? Кучка домов? Нет, дома казались цыплятами, выпущенными на спину холма. Наверно, – решил я. – Старая Весна – это земля, лес. А дома только прилепились к ней, и она их пожалела.

– А дорога-то никакая! – заметил Петя, поднимаясь в горку. – Как ездить будешь?

Взобравшись, мы повернулись к долине. Под солнцем весь школьный Пушкин был виден нам: январский день, похожий на иконостас, начищенный к празднику.

– О-го! Да у вас тут Альпы! – сказал Петя, щурясь на солнышко. – Если Михал Глебыч увидит – держись. Влепит вам горнолыжный парк. Он как раз по вашему направлению сейчас шурует.

– Ну вот здесь где-нибудь и построюсь, – произнёс я небрежно, как если бы это был решенный вопрос.

– А крыша от красоты не поедет? Ты бы лучше посмотрел коттеджные посёлки. Знаешь, в сосенках, с коммуникациями. Чего ты с этой далью делать будешь?

– Не знаю, – сказал я. – Научусь. Освою.

Как согнутой ладонью заслоняют от ветра пламя свечи, так жизнь деревни была укрыта зимующим лесом. По целине Петя пробрался к его берёзово-еловому строю и, обняв два ствола, глянул.

Не знаю, что ему привиделось в запорошенной глубине древесной рамы, но смотрел он долго, затем обернулся и спросил с азартом:

– А если серьёзно: ты что вообще здесь планируешь? Дачку? Завалишься к Майе и скажешь: вот, я вам организовал летний отдых? Или как?

– Почему летний? Я же говорю, может, мы жить тут будем. Круглогодично! – сказал я. – Тут вон городишко рядом – пятнадцать кэмэ. Организую пекарню, буду печь выдающийся хлеб! Это, в конце концов, моя исконная профессия.

Петя слегка поднял брови, но повременил высмеивать меня, а вместо этого ещё раз оглядел снег поляны с проломленной в нём одинокой тропой.

– Петь, ну давай уже, не томи! Говори, чего не нравится! – поторопил я, теряя терпение.

Мне было важно его слово, потому что не раз уже на моём веку предсказанное им сбылось. Петин отец убеждал сына заменить игру на рояле игрой на бирже, но Пете было плевать на курсы валют. Он любил угадывать счастье. «Ты, брат, не бери с меня примера. Женись, заводите ребёнка, когда поругаетесь – не расходитесь. Тебе этого нельзя». Примерно так он сказал, когда я в первый раз упомянул ему про мою новую знакомую, Майю.

И вот теперь оракул молчал, прислушиваясь к снегу, вытягивая из меня последние жилы терпения. Наконец черты его лица смягчились, Петя обернулся ко мне с улыбкой удовольствия.

– А знаешь, что? Берём! – заключил он и, подойдя, хлопнул меня по плечу. – Намаешься, но что с тобой делать!

Что брать в Старой Весне и как, я не знал, но Петя помог мне. Он сказал – надо сперва пообщаться с местными, посмотреть, что за люди, захочется ли мне вообще жить с ними по соседству. Серый дом с зелёной крышей, тот, что я назвал про себя «дворянской дачей», сразу приглянулся ему.

Мы пошли на дымок, и уже издали до нас долетел знакомый шум. Не веря своим ушам, мы переглянулись. Нет, в самом деле – фортепианная музыка! И, остановившись у забора, прислушались к вороху звуков. Инструмент гремел и выл. Чьи-то пальцы бегали с приличной скоростью, но как-то пьяно. Петя поморщился.

– Хороший немецкий инструмент раздолбали до неузнаваемости, – сказал он.

– Так постучись, настрой! – подзадорил я его. – Ты же любишь!

– Такое не настраивается, – возразил Петя и поглядел окрест, как если бы его вердикт относился ко всему пространству Старой Весны.

Каким-то безрадостным показался мне его взгляд.

– Слушай, – усмехнулся он, – а может, и мне засесть в лесу с раздолбанным роялем? Знаешь, как монахи отчитывают грехи человеческие – так вот засесть бы у вас в деревне и отчитать – по Баху от и до!

Нагнувшись, он черпнул снега, слепил в голых ладонях комок и со злым размахом швырнул в липу.

– Знаешь, брат, что меня во всём этом поражает? – сказал он, поправив намокший пластырь и нагибаясь за новым снежком. – Даже на такое вот примитивное «засесть в деревне» надо кучу денег. Просто кучу – дом построить, жить на что-то... Скажи мне, чем я занимался эти тридцать лет? – и он снова залупил в липу.

– По-моему, Петь, чем-то намного лучшим, чем я, например, – сказал я и собрался развить эту тему, как вдруг прямо у наших ног под калитку нырнула драная серая кошка. Взлетела на крыльцо и заскреблась.

Дверь отворилась. Мелькнуло девичье лицо в золотистом облаке, и сразу запахло масленицей – нагретой сковородой, блинами.

– Васька, ты где шлялась, бандитка! А ну иди греться! – пропел высокий голос, – и уже за смыкающейся дверью: – Николай, Васька пришла!

Петя вытянул шею, стремясь разглядеть явление. А я остро, всем телом почувствовал близость приюта. Почему-то мне подумалось, что в этом доме нам будут рады и даже напоят чаем.

Петя, забыв на время о своих претензиях к жизни, взялся за хлипкие колышки калитки и с любопытством уставился на окна.

– Петь, пойдём, неудобно, – сказал я.

– Да я вот думаю, может, правда инструмент им настроить? – улыбнулся Петя, выбираясь на дорогу. – Кстати, вот ты уже кое-что и знаешь о местных жителях! Милейшие интеллигенты. Даже интересно – чего их сюда занесло? А барышню видел? Рыжая! Прелесть, по-моему. Кошка Васька женского рода – «где ты шлялась». Значит, Василиса! Блины, цветочки. И совершенно лишний в данном контексте Николай. Но он нам не соперник. Мы его одолеем в честном бою! Шандарахнем Шуманом по роялю – и враг повержен! Как тебе такой расклад?

От Петиней шутки мне потеплело. Мы не станем громить Николая, а подружиться по соседски, – решил я. Кошка Васька родит котят, одного возьмёт себе Лиза и устроит ему в мансарде нового дома гнездо.

– У них ещё ребёнок, сын, – вспомнил я детей со снегокатом.

– Да? – переспросил Петя разочарованно. – Ну тогда и бог с ними!

Мы пошли по тропке вдоль берегов свежего снега. Утихла музыка, блинный дух проводил нас до соседнего забора и отстал.

– Значит, слушай меня! – сказал Петя, видя мою задумчивость, и перечислил вопросы, которые необходимо будет прояснить перед покупкой. Можно ли протащить сюда из Отрадна, посёлка под горкой, газ? Найдутся ли желающие заасфальтировать со мною в складчину сто метров плохой дороги? Хватает ли местного электричества на то, чтобы вскипятить чайник, или надо самому тянуть «три фазы»?

Вопрос, продаётся ли здесь участок, не беспокоил Петю.

– А ты купи поляну у леса! – сказал он. – Сходи в инстанцию, поговори. Если это у них картофельные участки – может, и продадут. Я даже могу спросить у отца, он тебе даст юриста для консультации. Хочешь?

Я и не знал уже, чего хочу. Близость перемен оглушила меня. В состоянии удивлённой растерянности я сел за руль и на съезде с просёлка влетел в яму, припорошенную снежком. Через пару сотен метров машину повело. Я вылез – одно колесо спускало. На ободах мы доползли до городишка и, сдав машину в ближайший шиномонтаж, вышли курить на улицу.

В городке пахло Москвой – но мягче, прозрачней. Солнце сползло за крыши, ветер окреп.

– Слышишь! – вдруг сказал Петя и обернулся навстречу ветру.

Я прислушался – вдалеке скрипела невидимая железка. Её голос был звучный, какой-то старинный. Так в кино могут скрипеть корабельные снасти и дверь в погребок.

– Хорошо поёт, в ре мажоре! – заметил Петя и взглянул на меня с любопытством. – Пройдёмся?

Не торопясь, мы пошли по переулку на звук и вскоре увидели крохотный двухэтажный особнячок. Снег прилип к карнизу и свисал искрящимися напыльками, блестя на солнце голубая глазурь штукатурки с белыми облаками облуплин. Но главное – над козырьком крыльца качался флюгер – кованный крендель. Он сорвался с одной петли и не мог держать ветер. Его мотало. При этом когда он рвался вправо – нота была выше, чем та, что на обратном пути.

Пока мы любовались, дверь под флюгером распахнулась и на крыльцо вышел парень в пыльном свитере. Он нёс хлебный лоток – старый, из разбухшего дерева, с отмытыми добела бортами. На лотке были уложены, как пироги, народно-промысловые безделушки из глины – колокольчики, свистульки и прочее.

Аккуратно сойдя по ступеням, он задвинул ношу в стоящую на площадке «газель».

Загипнотизированный хлебным лотком, я спросил, что за товар он грузит.

– Дом народных ремёсел съезжает, – объяснил он.

– А лоток откуда?

– Тут булочная была, – сказал он, отряхивая ладони от глиняной пыли. – Давно.

Я мельком глянул на стоявшего поблизости Петю: его лицо выражало смесь иронии и восхищения Божьим промыслом.

– А теперь что планируется, не знаете? – не унимался я.

– Смотря кто новые хозяева.

– А помещение в аренду или продаётся?

– Это к начальству, – буркнул парень, утомлённый моей настырностью, и, заперев дверцы, пошёл к кабине.

А я обернулся на Петю. Он смотрел на меня, приподняв брови. Из его карих глаз валили искры.

– Ты что, кислорода перенюхал? – сказал он. – Решил в степи открыть пекарню? Ну ты, брат, даёшь! Такого я ещё не видел – чтобы по спущенному колесу люди офис себе подыскивали!

Раз пять мы обошли особнячок. Тыл его выходил на улицу с последними частными домами. Рыжий снег на нечищенной дороге, яблони за штакетником – вполне себе романтическое место для булочной. Но главное, рядом – центральная площадь, и всюду полно народу. Женщина с мальчиком за руку, старик и жучка, оба прихрамывают на левую «лапу», юный милиционер, как-то хмуро глянувший на красную Петину куртку, девчонка у калитки покуривает – любопытные, горячие у неё глаза. Люди есть – а что ещё надо булочнику?

Уходя, я ещё раз прислушался к скрипу кренделя и спросил не без волнения:

– Петь, а может, это и есть форель? Ну, которую, помнишь, я с жизнью ловить собирался?

– Бычки! – поправил Петя. – Ты говорил про бычки в луже. Не сомневайся – это они!

Колесо починили. Петя сел за руль, и мы помчались в столицу.

– А что, – вслух фантазировал он, – будем с отцом строить посёлочки в вашем районе, прокинем к тебе на поляну газ. И булочной твоей дадим рекламу – она у тебя удобно располагается: центр, и от трассы близко. Жалко, конечно, что не супермаркет. Супермаркет бы лучше.

Я отшучивался в ответ. И в шутку у нас обоих всё сложилось, как надо. Петя купил себе пуленепробиваемый «хаммер» и пригласил Пажкова сплясать на торжественном мероприятии – он ещё не решил каком. А ко мне в Старую Весну приехали Майя с Лизой. И скоро завелись у нас в саду цветы, а в доме блины, но главное – совершенно стёрлось неудачное прошлое.

Во дворе у Пети я вышел из машины – пересесть за руль. Нехотя он отдал мне ключи.

– Жалко, что приехали. Я бы ещё покатался, – сказал он, как-то вдруг поскучив. Закурил и после паузы прибавил: – Я тут подумал: а ведь для обывателя хороший рояль – это ноль, ничто по сравнению с хорошим автомобилем. Хотя и подороже будет.

– Ну а чему тут удивляться?

– Удивляться нечему, – кивнул Петя и потрогал зеркало моей машины. – Так вот, не строил бы ты, брат, себе рояль! И мандолину тоже не надо. Прогоришь, пересядешь на такую вот хреновину, которая заводится через раз, – он кивнул на свой старенький «опель», дремлющий с краю стоянки, – и тогда каждый встречный пажков начнёт делать тебе оскорбительные предложения. Не надо думать, что жизнь кого-то там за что-то награждает! – продолжал он, сузив глаза, отчего его открытое лицо приобрело забавный налёт цинизма. – Ты, мол, ей – отказ от соблазнов города, а она тебя за это бултых в реку любви. Щас! Я четверть века пахал в кровь – с пяти лет! Много меня наградили?

Перепады настроения случались с ним не впервые. Я не обиделся, но кулаки сжались.

– Петь, да я, в общем, не за ордена быюсь. Я дом хочу построить и заняться любимым делом. Так что ты меня не так понял.

– Я тебя не так понял? – вскинул брови Петя. – А по-моему, это ты себя не так понял! – Он недоумённо дернул плечами и зашагал к подъезду.

Я смотрел, как метёт его по дорожке красным листком. Сколько он ни храбрился – ни бокс, ни футбол не могли придать весу его нетвёрдой походке.

– Петь! – окликнул я.

Не сразу – через пару шагов он обернулся и кивнул: чего?

– Давай махнёмся!

– В смысле?

– Машинами! Ты на моей всё-таки поспокойнее себя будешь чувствовать в эпицентре пажковщины. И мне полезно – вкушу твоих угроз. А когда купишь – махнёмся обратно.

Острая радость мелькнула в его лице. Он спрятал её и ответил спокойно:

– Ну давай! На время.

9

Тюльпаны

Петин «опель» со смехотворно низкой после джипа посадкой и скрипучим креслом пришёлся мне по душе. Даже подумалось: в этой машинке я всё-таки ближе к правде. В стареньком дисководе мною были обнаружены останки Петинной прошлой жизни – средневековая лютня, ирландская арфа, нечто с подписью *Allegri Miserere* и три диска «Страстей по Матфею». Я не стал их менять. В конце концов, – решил я, – судьбе виднее, какой аккомпанемент мне нынче полагается. «Страсти», однако, пока не включал, налегая больше на лютню.

Главное же, теперь мне было куда ездить. Петин «абсолютный слух» не подвёл – с деревней вышло, как он предвидел. Сторговавшись с «инстанцией», я присвоил себе поляну на вершине холма – просторную палубу, глядящую в открытое море снега.

Правда, в решающий день, за какие-нибудь пару часов до сделки, судьба в лице всё того же Пети решила предостеречь меня от ошибки. Он позвонил и озабоченно произнёс: «Ты прикинь, я как в воду глядел! У вас там в холмах намечается комплекс зашибенный. Горные лыжи плюс аквапарк. Тебе это надо? Я ещё уточню у Михал Глебыча, а ты повремени пока».

Но я уже не мог временить. Земля Старой Весны вошла мне в сердце. Я втрескался насмерть и не представлял, как можно отказаться от обладания. Тем более что мной уже был разработан конкистадорский план.

Первая его половина касалась приобретённого участка: его следовало обнести забором, возвести дом и сделать приличный заезд для машины. Следующим направлением завоеваний был городок по соседству – тот самый, где нам довелось чинить колесо. Всерьёз и без промедления я собрался открыть в нём булочную-пекарню – заведение, где люди с чистой совестью будут печь и продавать хлеб. Дом, приманивший нас ре-мажорной мелодией флюгера, как раз подошёл для этой цели. Мы почти сошлись в цене.

Теоретически ещё можно было раздумать, но со мной случился эффект воронки – я уже не мог сопротивляться завихрению обстоятельств. Великанские руки переставляли мою жизнь на другие рельсы, и от неизбежности перемен меня трясло. Хорошо, что судьба решила подбодрить меня, явившись в образе энергичной Маргоши.

– Костя, ты свинья! – приветствовала она меня по телефону. – Мы списываем это, конечно, на твоё посталлергическое сумасшествие. Но нельзя же быть другом, а потом взять и пропасть! Хоть бы позвонил! Ты же рушишь нам веру в людей! Мы же после такого навсегда можем испортиться как личности!

Я вспомнил, как Маргоша в трудную годину развела вокруг меня спасительную суету, и повинулся.

Она тут же смягчилась:

– А у нас проблема! Мы с Денисом ушли из «Альянса». Там такой стал дурдом! Есть у тебя на примете, куда пристроить гениального бухгалтера и честного менеджера по закупкам? – спросила она, не ведая, что творит.

На следующий день мы с Маргошей встретились на углу Чистопрудного. Она, как всегда, переборщила с косметикой, зато была оптимизмом, как токком.

Март сверкал над чёрной Москвой. Плещущие по сторонам потоки машин заменяли городу воду весны. Над бульваром, как липовый цвет, плыл дух бензина. Пока мы курили «за встречу», пришёл Денис, круглолицый, с наметившимся животиком. Он очень забавный – всегда доволен собой и спокоен, как танк, потому что знает: что бы ни случилось, Маргоша его спасёт.

Втроём мы сели, как встарь, в пивном ресторанчике, и я поведал им обе части своего плана. И если первая, касающаяся дома в деревне, прошла незамеченной, то вторая растрвила моих бывших коллег всерьёз.

В далёкие времена, когда мы с Маргошей и Денисом работали вместе, нам нравилось поспорить о том, какую булочную-пекарню мы откроем однажды – венскую или старомосковскую? У нас не было тогда ни денег, ни опыта, мы спорили на интерес. И вот теперь прениям суждено было возобновиться. Я доложил о результатах моего скромного маркетингового исследования. Маргоша прикинула смету, и мы сравнили её с моей.

– А если что-нибудь непредвиденное? – вклинился Денис. – Ну, там, сопротивление среды?

Маргоша отложила листок и с тревогой посмотрела на свою половину. Я видел, как напряжённо, деятельно они сомневаются. Работа разума проступала на их простых незлобивых лицах, как пот.

– Нет, твоя глухомань не пойдёт однозначно! – наконец объявила Маргоша. – Кто из наших узнает – обхохочется! Если дело делать – так в Москве. Да и потом, как нам туда ездить?

Это было мудро с её стороны – не ввязываться. Разве известно, каковы будут плоды? Я смирился, что «талантливый бухгалтер» и «честный менеджер по закупкам» мне не светят, однако поторопился с выводами.

Через пару дней друзья явились ко мне домой с физиономиями самыми праздничными. «Костя, мы тебя не бросим!» – объявила Маргоша, сияющая и звонкоголосая, как барышни из фильмов пятидесятых. А Денис, улучив момент, прихватил меня за шею и зашептал, чтобы я не вздумал фиксировать Маргошу на какой бы то ни было ответственной должности. Я легонько его пнул, он меня тоже. Мы разошлись без обид. И долго ещё я не мог погасить изумление: как взбрело в голову практичной Маргоше вляпаться в подобную авантюру? Нет, точно – это моя судьба толкнула её под локоть!

В сто раз легче начинать дело при поддержке товарищей, проработавших на поприще хлеба не один год, чем маяться одному. И всё бы хорошо – и судьба молодец, и сам я не промах, – если бы время не отделяло летучими днями-шагами меня от моей семьи на всё более опасный срок. Начиналась весна. Сколько мне ещё предстоит добывать «мамонта»?

От мамы, иногда возившей Лизку на фигурное катание в Ледовый дворец, я знал: без меня жизнь моей жены пришла в оживление. В детской библиотеке она вела теперь кружок рисования тушью. Несколько девочек-подростков повадилось ходить к Майе, давая ей возможность ощутить себя полезной обществу.

Знал я и о том, что в обновлённой квартире мои жена и дочь жили одни. Правда, каждые выходные за ними заезжал Кирилл, и они отправлялись в путь. Обычно их целью становился городок или усадьба, удалённые от столицы не более чем на пару часов езды.

Всё это: кружки в библиотеке, сиротские мотания по периферии – вызывало во мне безрадостное чувство превосходства. При мне мои девушки отдыхали на лучших пляжах Европы. Я не тряс их по русским колдобинам.

Однажды у родителей, в моей комнате, на оккупированном Лизкиными рисунками столе, я нашёл фотографию Майи и Лизы – обе в расстёгнутых куртках, без шарфов, сидят на каком-то бревне под серым небом и трескают бутерброды с чаем из термоса. Щёки набиты едой, но как будто и не едой – а смехом, счастьем. И глядят они со своим счастьем и смехом не куда-нибудь, а в объектив, на Кирилла.

В ту минуту я понял, что не могу ждать, пока поспеют дом и булочная, а должен попробовать обойтись малыми средствами. Майя чувствительная девушка, ей нравятся тюльпаны на толстых стеблях и весенние, быстро вянущие ирисы. Само собой, речь не о букете – я предпо-

чёл бы что-нибудь позначительнее. Но подвиг Пиросмани неуместен в московском контексте. Если восемнадцатипятиэтажку осыпать цветами – выйдет траурный обелиск.

Во влажный мартовский вечер со снопом тюльпанов и хрустальным «ведром» под мышкой я заявился в библиотеку – на занятие Майиноного кружка. Из дверей зала пахло тушью. Этот запах был знаком мне: несколько лет назад Майя увлекалась японской живописью «суми-э».

Под хор девичьих взглядов я ткнул бледно-розовые, словно проклюнувшиеся с изнанки жизни цветы в ведро, налил воды из лейки под библиотечными фикусами и поставил эту светлую тяжесть в центр сдвинутых парт.

Думаю, это был не лучший урок в Майиной биографии. Через пару минут она распустила девиц по домам. Я переждал в гардеробе на банкетке, пока все пятеро прошмыгнут на улицу, и поднялся встретить Майю. Она вышла, обнимая цветы. С их толстых ножек капало, пахло нездешней жизнью, солоноватой, свежей. Я подал ей пальто и проводил до нашего дома.

Должно быть, она поняла или Кирилл ей растолковал, что за счастье не жаль заплатить сочувствием к одному идиоту. Майя слушала меня со смирением. Это самый дурацкий сорт выдержки – преисполнившись им, человек гнётся, но не ломается. Чего только я не городил ей о своём раскаянии и исправлении – на всё она отвечала, склонив к тюльпанам голову: «Да».

Если же на некоторые реплики сказать «да» было невозможно, Майя качала головой и произносила с той же кротостью «нет». Я ничего не добился.

Будь она не так терпелива, вероятно, мне удалось бы устроить скандал, разметать по закоулочкам бледные головки цветов. Но сегодня моим стрелам было не во что попасть. Свободно свистали они через умиротворённую душу Майи.

– Ну ладно, – сказал я на прощанье. – Иди к своему доктору. Мы с ним ещё посчитаемся. Я так всё сделаю, что ты поймёшь...

Она выслушала меня рассеянно, думая о своём. Может, о том, что купить и приготовить на ужин.

10

Знакомлюсь с Наполеоном

Дом для булочной, показавшийся мне в пылу безумия особняком, был пятидесятих годов постройки. Мы починили поющий флюгер и разработали проект пекарни, включающий, помимо прочего, и солидную деревянную печь. Я собирался удивить окрестных жителей калачами на соломе, серым хлебом с семенами подсолнуха – на дубовых дровах, пряниками – на ольховых и, конечно, сказочными караваями прадеда, рецепт которых я так и не раздобыл, – на дровах берёзовых.

Радости от всего этого во мне не было, но и тяжесть ушла. Я приготовился к терпеливой работе.

Петя был восхищён стремительностью перемен и всё же не мог удержаться от критики.

– На что ты, собственно говоря, рассчитываешь? – поддевал он меня. – Что город набросится на твои булки, а потом выдвинет тебя в мэры?

– Зачем мне в мэры? Для начала я хочу в баню! – сказал я ему. – Хочу отмыться. Я весь завшивел в вашей Москве!

– Удивительно, брат, нас с тобою параллелит, – заметил Петя, выслушав про баню. – Ты вот решил отмыться. А я, наоборот, в такое влезаю! Кстати, заехал бы к нам в офис! Полюбуйся на свою машинку – небось соскучился? Не плачь, скоро верну.

Вовсе я и не плакал. Старенький Петин «опель», как мог, старался вывезти меня из прошлого. В нём я, по крайней мере, не ощущал затылком призрак Лизы в детском кресле. Но заехать к Пете, поглядеть, как устроилась его новая жизнь, всё равно было любопытно.

Их фирма занимала солидную площадь в офисном здании из чёрного стекла, возвышавшемся над узкой улочкой. Выйдя из лифта, я очутился на ресепшн. Беловолосый манекен в юбке объяснила мне, как пройти.

Петя был один в комнате – двое его коллег отбыли на встречу. Я мельком оглядел помещение: на стене – портрет президента, уйма сертификатов и огромная карта области. Среди этих картинок, из которых разве что только карта выглядела «по-человечески», и обитал теперь мой друг. Он обрадовался мне, как если бы к нему пришёл земляк с далёкой родины.

Его лицо показалось мне боевым, хотя и осунувшимся. Тёмные вихры приведены в порядок, насколько позволяет их негнибемый нрав, зато глаза – вполне себе огнемётны.

– Ну как тебе обстановочка? Видал – никакой музыки! – объявил он и, не обнаружив на моей физиономии признаков восторга, сказал прямо: – Я вообще-то похвастаться хотел – проявленной силой воли! Конечно, это не предел мечтаний. Папа со мной жесток. Мог бы взять к себе – так нет, засадил к Пажкову. Руку-то мою, которую об его зубы, представь, лечить пришлось! Ходил обмотанный, с антибиотиком, – и Петя показал мне шрам на косточке среднего пальца. – Но в целом всё неплохо. Коллектив ничего. Особенно менеджер по персоналу, замечательно идёт на контакт!

Он листнул телефон и сунул мне фотографию миловидной блондинки.

– Как тебе?

Я оттолкнул его руку.

– Ну ладно, ладно, не сердись, – улыбнулся Петя. – Кофейку тебе сделать?

Он включил кофемашину, прошёл, споткнувшись о корзину для мусора, к шкафу и добыл две средне чистые чашки. Покружился в поисках сахарницы. Скованными движениями новичка расчистил стол от бумаг.

Мне сделалось его жалко. Несмотря на бодрость, он был эмигрант в чужой стране и ещё не освоился с её распорядком. К тому же новое государство оказалось удручающе тесным по сравнению с ландшафтами музыки, к которым он привык.

– Петрович, ты человек со вкусом. Что тебе в этом бедламе? – спросил я, пока он возился.

– А тебе последние семь лет что в нём было? – огрызнулся он. – Вот и мне – оно же самое. Ты учитывай мою ситуацию – я ж всё-таки не с улицы пришёл, у меня папа – партнёр! Так что дело быстро пойдёт, наверстаем. А сочувствовать мне не надо, – прибавил он, заметив мою кислую мину. – Я, брат, из рабства вырвался, теперь заживу.

– Рояль-то как? Не магнитит? – подковырнул я всё-таки.

– Рояль? – Петя улыбнулся. – А «рояль» – это что, надёжная марка? А бензину сколько жрёт? И как там, кстати, насчёт безопасности? А то, знаешь, бывает, тебя же подушкой и расплющит.

Минуты две мы просидели молча, глотая кофе без сигареты. Курить у них было нельзя.

– Петь, когда ты всё это решил? – спросил я. – И почему я этот момент прохлопал?

– Ты Сержа помнишь? – спросил Петя, отодвинув чашку и локтями навалившись на стол – чтобы поудобнее испепелить меня взглядом. – Помнишь, когда ты после футбола к Майе своей ездил? Он как раз в тот день написал мне на почту. Что-то, мол, обо мне ничего не слышать! И, представь, зовёт, если я, конечно, ещё не вышел из формы, аккомпанировать какой-то его знакомой скрипачке, типа продвинутой. Потому что я, по его мнению – по его, заметь, мнению! – совпадаю с ней в восприятии музыкального наследия Кароля Шимановского, которым эта скрипачка в настоящий момент увлечена! Да, я когда-то его играл – чтобы показать наглядно, как демоны в человеке пляшут! А у Сержа сдуру отложилось, что я к Шимановскому имею пристрастие. И вот теперь он из милости сватает меня какой-то тётке!

Он помолчал несколько секунд, глядя в угол комнаты, и, накопив ненависти, проговорил:

– Достал уже этот спортсмен-олимпиец... Он же не слышит ни хрена! Он вообще не чувствует, что там внутри, под нотами! И при этом считает, что покори́л Эверест и имеет право оттуда тянуть руку помощи бедным. Скажешь, это нормальные рассуждения завистника? Все так скажут. Так вот, чтобы никто – никогда!.. – произнёс он в разрядку и не закончил.

– Ну, ясно, – кивнул я. – Чтобы кто чего не подумал, стоило кинуть свою землю и пойти в батраки!

Я встал. Мне больше не хотелось говорить с Петей.

– Да чего ты? – удивился он и поднялся тоже. – Я ж никого не режу, не убиваю! Просто хочу наконец отвечать за себя. И, кстати, не тебе, брат, меня судить!

Мы застыли лицом к лицу – в магической точке пересечения. Он собирался туда, где уже побывал я. Я – туда, где уже побывал он. Усмехнулись и «отозвали войска».

На улице, куда мы вышли курить, текла весенняя вода, полная бензина и химикатов, которыми зимой травили снег. Петя окинул нежным взглядом «опелёк», пристроенный мной на обочине, и произнёс:

– Ты смотри, аккуратней катайся! Я всё-таки в нём такое возил!.. Не расплескай!

Петя и правда возил в своей машинке славные вещи. Пару лет назад после одного выступления я ехал с ним и был свидетелем, как молча, не ведаясь на разговоры, он вёз свою игру домой. А там, едва войдя, сел за инструмент и тихо, вползвуча, переиграл всю программу, перебелил от точки до точки, возвращаясь от страстей перформанса к исконной чистоте музыки.

На сентиментальной этой ноте мы собрались проститься.

– Ладно, поехал, – сказал я, протягивая Пете руку, и в тот же миг мы оба синхронно обернулись на вопль. Из офиса к нам катился, окликаая Петю по имени-отчеству, человек, невысокий, рыжий, с клочковатой шевелюрой, в цветистом шарфе и модной не по возрасту курточке. В углу ироничных губ по-матросски прижата сигаретка.

– Петр Олегович! Батюшка! – подхватывая сигарету и заливая нас дымом, воскликнул рыжий. – Где вас бесы носят! Где Сергей с Натальей? Вы что, сговорились? – Жёлто-серые, жестяночные его глаза били злостью, но голос был весел. – Живо на место, и Синичкину – договор! Живо, живо! А то зажарю вас, как гусей-лебедей!

– Ага, Михал Глебыч, бегу! – отозвался Петя и, тронув моё плечо, сказал тихонько: – Ну давай, брат, увидимся.

Тут рыжий заметил меня, швырнул сигарету и, весь под-распахнувшись, отслоив правую ладонь от папки, наострился знакомиться:

– Это кто же тут с тобой, Петька, суровый такой?

Я стоял в оборонной позе, сжав ладонями локти. Не подать человеку руку нельзя, но от Петиного Михал Глебыча несло серой. После аллергии я был чуток к запахам ада. Не эти ли бледные глазки тогда, на балконе, подсовывали мне «договор»? Замешательство длилось секунду. Моя ладонь уже двинулась навстречу его рябой руке, но я опоздал. Петин шеф не из тех, кто ждёт. Он рассмеялся и, схватив меня за локоть, потормошил.

– Ну, здравствуйте! Пажков, Пажков! Михал Глебыч! – чтобы не забывали! А вы что же, брат Петечкин? Похож, похож! Только один чёрненький, другой серенький! Тоже пианист? Или, может, этот, на треугольничках?

Несмотря на шутовскую манеру, голубовато-ржавые его глаза были холодны.

– Михал Глебыч, я сейчас подойду, ладно? – просительно сказал Петя.

– Полторы минуты вам даю, Петр Олегович! Опоздаете – будет вам изошрённый штраф! – предостерег Пажков и, махнув папкой, понёсся в офис.

– Это ты зря, – сказал Петя, когда его шеф испарился. – Он тебя теперь запомнит.

– И что с того?

– А то, что в интересах бабочки не привлекать внимание энтомолога. Наколет!

Петя шутил, конечно, но мне стало не по себе. И с этим вот «натуралистом» он в одной упряжке!

– А ну давай садись! – велел я и, щёлкнув ключом, распахнул перед ним дверцу. – Поехали!

– Куда это?

– А без разницы! Хочешь – в Муром, хочешь – в Вологду! В принципе, любые предложения рассматриваются! На пару дней – голову проветришь.

Петя посмотрел на меня с любопытством.

– А потом?

– А потом вернёмся – ты за музыку, а я к своим!

Он помедлил, словно бы всерьёз размышляя над моим предложением, и качнул головой:

– Нет, брат. «За музыкой» я уже был.

11

Приветственный салют

На краю моего участка – у елово-берёзовой, раздуваемой ветром стихии леса стоял домик, косой и дряхлый, как старый маслёнок. Даже на слово «избушка» он не тянул. Я сложил в него летние шины и с этого мгновения почувствовал себя хозяином.

Мне нравилось пройти по снежной мяготи поляны, увязнуть в её лежалых, пахнущих илом пластах и примерить взглядом – на середину, чуть ближе к лесу – будущий дом. На жгучем ветру холма он реял зыбким видением. Я не знал ещё, сколько в нём окон, где крыльцо и терраса, но уже предвкушал, как захлопочет под его крышей умащенная моими трудами судьба и вернёт мне Майю и Лизу.

Погода не благоволила началу строительства. За февраль намело двойную порцию снега, и март, двинувшись было, сник под тяжестью деревенских сугробов. Приходилось ждать.

В позднеапрельскую субботу я приехал на разметку дома. Нанятая мною дружина запаздывала. Я бросил машину под холмом, взял рулетку и пешком пошёл в гору по сияющему бездорожью. Небо над головой и земля под ногами были насквозь пролиты солнцем. Деревенский апрель, парень боевой и не стеснительный, моментально напёк мне голову, так что, если приронуться к волосам, обжигало ладонь.

От земли шёл чёрный, с грядущей прозеленью, пар. Я вдыхал его до стога в рёбрах и думал: вот бы собрать его в гранёный флакон, чтоб карьеристки из пажковского офиса, где теперь работает Петя, душились им время от времени!

Сожалея, что вряд ли удастся продать идею парфюмерной компании, я взобрался на холм. Трактор без стёкол, пьяно клонясь к забору, по-прежнему торчал на обочине. Полосатая лента на дворнике дождалась-таки своего часа – до майских осталось чуть-чуть.

Тем временем из ближайшей калитки вышла та самая девочка, что позволила мне прокатиться на снегокате. Шагая, она раскручивала пакет с болтающимся на дне кошельком. Её синие резиновые сапожки сверкали на солнце, как Адриатика.

Завидев меня, девочка приостановила вращение пакета и, подойдя, сказала без всякой робости:

– Вы если бульдозер ищите, это к нам – вон, первый забор. Крикните Колю.

Я отвечал: спасибо, бульдозер, может, и пригодится. Если решим под дом площадку выравнивать. И кивнул на мою поляну.

– Строиться хотите? – спросила она, оглядываясь на лоскут весеннего поля, и лицо её сделалось взрослым.

Я подтвердил, что не только хочу, но сегодня уже и начинаю. Будем размечать землю под фундамент.

Она взглянула на меня исподлобья и бросила с неожиданным вызовом:

– Ишь! Это наша поляна, общая! Я вот Коле скажу! – и, развернувшись, помчалась к дому – сто лет не крашенному пятистенку по соседству с моим участком. Из-под девочкиных сапог выстреливали комья глины. Один метко шлёпнулся мне под ноги, однако не взорвался.

Так-то Старая Весна встречала меня! И что, интересно, за Коля? Уж верно не тот, с роylem. Неожиданно моя совесть дрогнула. Может, местный праведник пас на этой поляне козу? Или пару веков назад тут была, да сгорела церковь?

Взволнованным шагом я двинулся по поляне к избушке, в которую сложил шины. Там, под крыльцом, у меня были приготовлены колья для разметки углов будущего дома. Не то чтобы я собрался использовать их в качестве боевого оружия, но всё-таки пусть что-нибудь да будет в руках.

Тем временем конфликт на всех парах нёсся ко мне. Обернувшись на треск соседской калитки, я увидел его бешеный лёт и пожалел, что не успел добраться до кольев. Пришлось вынуть из кармана рулетку. Сжав её, как гранату, я двинулся навстречу враждующей стороне.

Мой противник был не высок, но жилист и, должно быть, силен. Отчаянный воробей в штормовке.

– Я те дам фундамент! Вали отсюда! – выкрикнул он надорванным голосом и метнул в придачу ещё несколько жгучих, чёрных, как головешки, слов. Над ними сумрачным хором мне послышалось «А-а-а-а...» из военных фильмов, когда наши бегут в атаку.

За спиной у вояки темнела вспененная снарядами пашня. Худое небритое его лицо зажёлт от гнев, но самое страшное – глаза смотрели не на меня, а насквозь, в самое пекло. «Нет, не фашист, – подумал я. – Наш солдатик!» – и сказал ему громко, как глухому:

– Ты, брат, не волнуйся так! Если какие вопросы – давай обсудим!

Однако воробей не был готов к обсуждению – ему страстно хотелось битвы.

– На этом поле знаешь, что было? – орал он, притормозив в паре метров, но продолжая устремляться ко мне головой и грудью. – А! Не знаешь! Так какого хрена полез? Этому полю вечный огонь полагается! И чтоб караул! Эх ты, мародёр вшивый!

Я растерялся, не в силах решить по справедливости, каким должен быть мой ответ Чемберлену. С одной стороны, на всякий наезд следует давать сдачи. Но с другой, что-то неправильное мне слышалось в этом наезде – стилистическая ошибка! Сожаляющее «эх ты» и потом – «вечный огонь». Какие-то не вражеские слова употреблял мой противник и смущал меня этим.

– Ну чего ты шумишь! На вот, лучше рулетку поддержи! – сказал я. – Мне от твоего забора десять метров отмерить надо. Тут угол дома будет, – и протянул ему увесистую катушку.

Воробей не думал долго, а спружинился и, размахнувшись, снизу дал кулаком по моей руке. Рулетка выстрелила во влажную апрельскую высь, и я сам как будто взмыл вместе с нею – глянуть в прощальный миг на дела своей жизни. Вот он, мрачный тип с грязными руками и сердцем – претендует на чистую землю, не покаявшись, требует «новой жизни». Поделом же ему!

Вздыхая брызги, грохнулась рулетка, и нас швырнуло взрывной волной в сон, где вечная рукопашная. Но сцепиться мы не успели – чья-то серокрылая фигура, стремглав пролетев над кочками, встряла меж нами.

– Коля! Ко-ля! – выкрикивал миротворец, силясь поймать воробья в смиренное объятие. – Ко-ля! Послушай меня! Может, у человека документы! Может, он собственник! – Тут наконец он исхитрился и, приобняв товарища со спины, слегка прижал ему горло.

– Да хоть папа римский! Кхе-кхе! – кашляя, ревел воробей. – Я тебе спалю твой дом! Да пусти ты! – Это не мне. – Свистнет он ясным пламенем! – и вроде бы рванулся опять, наставил лобешник, но я почувствовал: воздух между нами как будто провис – былого натяга как не бывало. Это значило, что ярость пошла на убыль.

Чуя близкий успех своей миссии, миротворец перенес руку с Колиной шеи на плечо.

– А знаешь, чего я шёл-то к тебе? Ирина велела звать на олады, – шепнул он. – Давай уж, топай, и Катьку прихвати, я сам тут выясню.

Упоминание об оладьях подействовало на Колю успокоительно. Он вырвался из-под руки и удалым шагом двинулся в сторону улицы.

– Ну и славно! – сказал миротворец, протягивая мне ладонь. – Николай Андреич Тузин. Вот тот, видите, дом, серый, с зелёной крышей. Это мы там.

Николай второй, в отличие от первого, был средне высок, худощав и сутул. Приятное лицо с длинноватым носом, а главное, внимательные, серые с жёлтой крупой глаза вдохновляли на добрососедство.

Он был постарше меня лет на пять – на семь. Представляться в подобном возрасте по имени-отчеству было чистой воды пижонством. Впрочем, не большим, чем шинель кроя времён Первой мировой, делавшая его похожей на серую птицу.

Разомкнув пожатие, Тузин скользнул за пазуху своего фантастического одеяния и извлёк визитку:

– Будьте добры! Если какие вопросы – обращайтесь!

Я глянул: драматург, режиссёр-постановщик... Культурное заведение, обозначенное на визитке, располагалось в городке – через квартал от булочной, в здании кинотеатра. Проезжая, я каждый раз видел дохленький стенд с афишами.

– Так это у вас в доме рояль?

– А вы что же, у нас бывали? – удивился Тузин, и как-то больше стало жёлтого в его серых глазах.

– Да нет. Это мы зимой с другом мимо шли, – сказал я. – И кошку вашу видели...

В продолжение знакомства я предложил Тузину посмотреть, где собираюсь поставить дом. Совсем по-приятельски, плечом к плечу, мы двинулись с ним по кочкам поляны. Весенняя земля чмокала под ногами, солнце жарко, масленично пекло загривок. Я понял, что голоден и тоже хочу оладий. Но пока ещё до них додружисься!

– А глядите, какая бы вышла сценица! – воскликнул Тузин, когда я показал ему место будущего дома, и раскинутыми руками обнял луг. – Там кулисы! – кивнул он на лес. – А это зрительный зал! – и взял на ладони панораму весенней земли – кулич, присыпанный вразнойой деревнями и перелесками, с полуденной свечкой солнца. Только самого воскового столбика не было видно – сразу огонь.

– А на Колю вы не сердитесь. На него сердиться нельзя, – заключил он и как-то воздушно, без касания, приобняв, повлёк меня прочь с поляны. Полы его шинели надувались ветерком, и я чувствовал: что-то сдвинулось в моей системе координат – точнее, она попросту завалилась, как старая этажерка. Логика рухнула в хлам, и на руинах взошли эмоции – удивление, жажда чуда, надежда.

– В Старой Весне ни на кого нельзя сердиться, – продолжал тем временем Тузин. – А то посердитесь-посердитесь и станете враждовать. И ничего от земли не останется.

– Ага, – кивнул я. – А что ж вы это вашему Коле не скажете?

– А Коля знает. И он никогда не сердится и не враждует. Он бушует иногда. Вот лес бушует при столкновении воздушных масс – что он, сердится? Нет, он шумит просто.

– Хорошо! – согласился я. – Сердиться не будем. Но только если и я побушую – чур без обид!

Я возражал просто так, для удовольствия. На самом же деле всей душой был согласен с Тузиным, потому что знал то же самое и про хлеб: в пекарне не должна полыхать злора.

– А почему ваш Коля говорил про вечный огонь? Тут что, братская могила? – вспомнил я.

– Да нет! Никаких могил! – успокоил меня Тузин. – Сражение было – это правда. Батарейка наша тут стояла, – прищурившись, он поглядел вдаль – как если бы с холма ещё можно было различить наши отступающие на Москву части.

Я достал сигарету и помял её в пальцах, не решаясь закурить. Вдруг меня прорвало.

– У меня тут прадед жил. – сказал я. – Отсюда ушёл на войну.

– Серьёзно? – живо заинтересовался Тузин. – Ну-ну! Рассказывайте!

– А что рассказывать? – пожал я плечами и выложил всё, как есть, о прадеде и мандолине.

– Я так и знал! Значит, вы – наш! – воскликнул Тузин и на миг задумался. – Ладно, – сказал он, оборачиваясь на свою, а теперь и мою деревню. – Попробую что-нибудь для вас сделать. Вы не тревожьтесь, ничего он не спалит. Коля бешеный, конечно, но в основном адекватный.

Я хотел спросить у моего нового знакомого, какие области не входят в Колино «основное», – так, на всякий случай. Но решил не обострять и промолчал.

Видно, Тузин и правда попытался уладить мой «вопрос». Не успел я докурить, как снова увидел Колю. Небольшая жилистая его фигурка неслась по деревне, рассекая весенний воздух, как будто даже и со свистом. Он бежал из гостей – напрямик ко мне. По стремительному его лёту над кочками было не разобрать, что он сделает в следующий миг – убьёт или расцелует.

– Дом-то где хочешь ставить? – спросил он, на ходу протягивая мне грязноватую руку. Я схватил её со счастьем, как неожиданно завоёванный кубок. От Коли пахло блаженным духом сковороды и теста. Должно быть, он всё же успел приобщиться тузинских оладий.

– На середину не ставь! Красоту испортишь! – возразил Коля, когда я объяснил ему мой план. – Ставь к моему забору.

– Хорошо, – сказал я, вдруг совершенно ему покорившись.

Коля обвёл взглядом ещё не взрытую поляну. На его молодой лысине блеснуло солнышко – тем же блеском, что и на оковалках глины. Я видел, как жалко моему соседу родной целины. Его кулаки сжались на миг и после некоторой внутренней борьбы разжались снова.

– Ну и ладно, чёрт с тобой! – брякнул он и, не простившись, ушагал прочь.

Я выбрал место посуше, бросил куртку и, сев, стал смотреть на дорогу, по которой всё не ехали мои строители. Мне было легко на сердце. Теперь не осталось сомнений: меня встретили хорошо! Просто с салютом – поэтому было громко. Просто обняли от души – вот и кости хрустят.

От земли чуть видно поднимался пар. В прозрачном лесу светлело теньканье птиц. Я сидел на жухлой кочке с распаренной душой, каждая клеточка как будто из бани, как будто напился чаю с мёдом. Ну да, всё так. Я взял себе землю с приданым. И Коля, и бремя боевой славы – всё шло в нагрузку к моей половине гектара. Хотя почему в нагрузку? Может, это бонус, начисленный мне за смелость?

Скоро позвонил бригадир и сказал, что у них сломалась «газель», потому они и не приехали. Но есть вероятность, что её починят и они приедут завтра. Или послезавтра.

– Послезавтра мне на работу, – сказал я, даже не разозлившись.

Так началась моя жизнь в Старой Весне.

12

«Мамонты» подрастают

Я не мог подойти к освоению места практически, потому что знал: мой дом должен вырасти из земли Старой Весны, как дерево или гриб. Мне нужен был мастер, способный распознать его корешки, его сырую грибницу. Но, учитывая затею с булочной-пекарней, нанять хорошую строительную компанию было мне уже не по карману.

Я подрядил работяг, бравшихся к сентябрю поставить фундамент и сруб. Обстоятельства, что бригадира зовут Иваном, как моего прадеда, показалось мне достаточным для спокойствия. Я и сам понимал, что подобная логика вряд ли доведёт до добра, но после многолетнего упражнения в трезвомыслии хотелось пожить дураком.

Дурачество моё закончилось тем, что к середине лета я остался один на один с фундаментом, а бригадир сгинул навеки вместе с бригадой. Имя прадеда не спасло, зато теперь можно было не мотаться в Москву, а ночевать в освободившейся бытовке.

Я вымел мусор, открыл дверь и окно, чтобы комнату прополоскало ветром, и очень скоро от прежних жильцов не осталось и духу. Правда, через пару недель полез поправлять провод зависшей микроволновки и нашёл бумажку – список вещей. Неумелыми, словно забытыми со школы буквами в нём значилось: «Тушёнка, сахар, соль, подс. масло, макароны, семечки» – отчерк – «приёмник, одеяло, рез. сапоги...» Остаток листа был утрачен.

Список примирил меня с беглецами. Трудно злиться на брата по планете, когда сам познал кочевую долю – макароны и соль.

А вообще-то я неплохо устроился. В правый торец бытовки встал диванчик. У изголовья – тумбочка с ноутбуком, на котором я иногда смотрел кино, противоположную стену заняла кухня, а именно – столик с печкой и полка с посудой. У входа – крючки и походный брезентовый шкаф. Мой номер с удобствами был продуман до мелочей, даже нагреватель в душевом отсеке располагался на смежной с комнатой стене, чтобы тепло не пропадало даром. Правда, воду в душ приходилось пока таскать из деревенского колодца.

Тем временем птичье многоголосье в лесу сошло, как земляника, зато в некошеной траве зазвенели кузнечики. По краю моей неогороженной частной собственности повадились ходить дачники из окрестных селений. С каким-то трепетом я слушал обрывки их разговоров, лепет детей, лай собак.

В жару и грозы июля трава выросла, и хождения сделались невозможны. Зато я впервые узнал, что такое дикое поле. Это не лужок, но чащоба выросших из земли басовых струн. Ветер рождает в них гул, обмотка цепляет одежду. Движение через их строй не назовёшь прогулкой.

Но имелась в сплошной гущине одна неявная стёжка. Весь в поющих ранах летнего луга, иссечённый прутами душистых трав, я дошёл по ней однажды до речки, именуемой в народе Бедняжкой. Она оказалась узенькой и текла в зарослях, как сирота, сама по себе. Никто не приходил полюбоваться её изгибом. Будучи двумя одинокими душами, мы сблизились. Я привёз удочку, и с тех пор субботними вечерами Бедняжка дарила мне бычков.

Как-то раз я рыбачил на её берегу и увидел «воробья» Колю. Он полыхнул в мою сторону любопытным взглядом и сел удить неподалёку. Присматриваясь втихую, я заметил, что коряжка, на которой сидел Коля, кое-где остругана ножичком, а под бидон для рыбы и банку с червями в дерне выкопаны «пазы». Выходит, Бедняжка только казалась мне сиротой. На самом деле она была пристроенной речкой, обихоженной и любимой. Краем сердца мне мелькнуло, что я ворую чужую рыбу. Я посидел для приличия ещё минут пять и убрёл.

Коля был мой ближайший сосед. Шквалы и громы его повседневной жизни беспрепятственно долетали ко мне через штакетник, разделявший наши участки. К концу лета я неплохо разбирался в его семейных обстоятельствах.

Колины родственники – жена Зинаида и дочка Катя, та самая, что одолжила мне снежок, а потом грозила, – жили в Москве и проводывали Колю по выходным. Я был невольным свидетелем их домашних сражений. Безыскусное содержание соседской ругани умиляло меня. В ходе её обычно разбиралось, был ли злой умысел в Колиных разрушительных действиях. К примеру, нарочно или по врождённому убожеству личности он уронил полено на Зинаидины маргаритки?

Что касается Николая Андреича Тузина, обладателя кошки Васьки, сына Миши и жены Ирины, мимолётное виденье которой чуть было не вдохновило Петю, с ним мы встречались редко и ограничивались приветствиями. Думаю, Тузин всё же расстроился, что я вклеил фундамент на ничейную прежде поляну.

Выходило, что, несмотря на соседей, я остался один на один с деревней. Мне казалось, правда, что она привечает меня. Хотел я цветущих лугов – и луга цвели. Хотел тишины – и тишина наваливалась туманом. И была у меня тем летом надежда: Старой Весне по силам вернуть мне то, что я потерял. Наивная мысль, но, должно быть, мой разум уже был повреждён красотой земли, душа нанюхалась душистого луга, распускающего всякую струну и стрелу до состояния кудряшки.

Я так и не нашёл новых строителей, погнавшись за вторым моим зайцем, точнее, «мамонтом» – булочной-пекарней. Надо отдать нам должное: мы работали без выходных. Маргоша взяла на себя проект, беготню по инстанциям и раздумья – куда помимо собственной булочной мы смогли бы пристроить наш хлеб. А я занялся оборудованием и персоналом. В пекарне, бок о бок с электроникой, сводящей труд пекаря почти на нет, забелела вечной правдой настоящая дровяная печь. На её согласование с пожарниками ушли последние Маргошины силы. Закончив ремонт, мы провели небольшой, но весёлый «кастинг». В двух словах я объяснил новобранцам, что у нашего хлеба будет много общего с природой, погодой и даже с человеческим характером. Смелый хлеб мы испечём, и вдумчивый, и ободряющий. И такой ещё испечём хлеб, что блаженны будут милостивые, а прочие – догадайтесь сами. Так что, ребята, если с вашей стороны случится халтура – на меня потом, чур, не пенять!

Одним словом, я замотивировал их, как мог, и наш маленький коллектив ринулся обживать пекарню.

Моя мечта о том, как предьявлю Майе добычу, жарила полным ходом, и некому было меня вразумить, потому что я ни с кем не делился ею. На сон грядущий, носом в подушку, я раздумывал, какую комнату мы отведём под Майин музыкальный салон. Выбрал ту, что с балконом на лес, а затем – в сладчайшей мечте – купил и затащил на второй этаж пианино. Для Лизы между берёзой и ёлкой намечтал лихие качели – смастерил из широкой доски и привесил на крепких канатиках. С тех пор они качались внутри моей фантазии – на опушке, вечно длящимся летним днём.

Случалось, голос разума пробивался чёрной строкой и внушал мне какую-нибудь гадость вроде того, что прошло слишком много времени. А однажды обнаглел и ляпнул: «А как насчёт простить – справишься?»

Я пинал этот голос со всей доступной мне ненавистью – можно сказать, ногами. Футболил в самую глушь сознания. Но он был упрям и накатывал снова. Наконец я к нему привык.

13

Осколочное ранение

Под вечер накануне открытия я обошёл наше украшенное к премьере заведение и поехал в Москву – звать своих. Коварство это было давно спланировано мной – не оповещать Майю заранее, а пригласить их с Лизой впритык, чтобы не осталось времени на отговорки. Мне казалось, от их приезда будет зависеть всё. Моя рука, включавшая зажигание, не дрожала, конечно, но была напряжена, как будто я ехал биться за судьбу мироздания.

Подъехав, я не стал звонить в домофон, а сел на крашеную лавочку ждать – не выйдет ли моя жена. Мало ли, вдруг ей понадобится в магазин? Я докуривал примерно седьмую сигарету, когда в энный раз пискнула подъездная дверь и вышла Майя. Она была в розово-серой, как заря, курточке, с волосами, льющимися из-под матерчатого капюшона. Несмотря на тяжёлую спортивную сумку, перерезавшую лямкой плечо, выражение Майино лица было лирическим.

Ничего не замечая сквозь мечту, даже меня на лавке, она прошла вперёд и рассеянно покрутила головой – асфальт, гостевая стоянка, пяток пожухлых деревьев. Сладко, в голос, вздохнула и, поставив сумку на песочек детской площадки, села ждать. Интересно чего?

Я хотел окликнуть её, но испугался выпустить «синицу в руке». Незамеченным можно было по крайней мере всласть наглядеться на своё проданное счастье, на мирный дом и звёздное небо, которые пропил вдрызг.

И я остался сидеть, примёрзнув к лавке, любуясь, как Майя, подперев голову кулачком, ждёт, когда приедет Кирилл.

Её волосы приподнимал ветер, и отдельные прядки разговаривали между собой. Некоторые кланялись, приглашая друг друга на танец. Время, когда я мог трогать этот танец руками, утопило меня в своём парном молоке. А потом распахнулась дверь. Я увидел вылетевшую из подъезда Лизку и деревянно поднялся с лавочки.

Должно быть, она замешкалась, болтая с консьержкой.

– Мам, тётя Люба сказала, во вторник не будет воды! – крикнула Лиза и осеклась, заметив меня.

– Костя, ты откуда взялся? – направляясь ко мне, воскликнула Майя. – Я же только что вышла – тебя не было!

– Потому что не видишь ничего. Ходишь, как блаженная, – огрызнулся я ненароком.

Тем временем Лиза в зелёном, полном бабочек платье подскочила и, обняв меня, насколько хватило рученок, прижалась щекой к рубашке.

– А что вообще случилось? – спросила Майя.

Промороженным голосом я сообщил ей о треклятой булочной, на которую почему-то надеялся, – теперь уже ясно, что зря. Ясно, ясно – по Майиному дышащему негой лицу, по приподнятой голове и свободной линии плеч.

Майя засмеялась.

– Булочная! Надо же! Поздравляю тебя с таким событием! Но видишь ли... – Она взглянула, не умея скрыть радость. – Кирилла отпустили на несколько дней! Мы уезжаем, прямо вот сейчас! Сначала до дачи его друга – это как бы перевалочный пункт, заодно и повидаемся, а дальше... – она оборвала рассказ. – Лизка, скажи!

Лиза напрягла руки, крепко сжимая меня в их тонком кольце.

– Мне так жаль! Очень!.. – всё с тем же счастливым выражением прибавила Майя. – Я правда очень, очень за тебя рада!

Заходили золотые круги, булочная, качнувшись, как лодка, приготовилась отчалить от берега. Зря я убил тебя, мамонт!

– Хорошо. Я перенесу открытие, – сказал я, скрепившись.

– Как перенесёшь? – изумилась Майя. – Не надо! Ни в коем случае!

На миг я закрыл глаза.

– Кому не надо? Тебе? А не помнишь ли ты, с чего начиналось моё крушение? Не с наших ли общих фантазий? Райский сад, райский дом, миленькое заведение с дивным запахом хлеба! Хочешь сказать, у тебя есть право не взглянуть на плоды усилий? Ну уж нет! Слушай меня внимательно: если ты не приедешь завтра, если твой чёртов доктор посмеет тебя удержать...

Я кипел, не стесняясь зрителей, не стесняясь даже и Лизки. В какую-то секунду во мне вспыхнула мысль – воспользоваться Майиным замешательством и, швырнув обеих девиц в машину, умчаться!

Но и тут – разочарование. Выплеснув большую часть горечи, я увидел, что замешательства нет и в помине. Майя слушала меня с умеренным сочувствием, чуть сдвинув лёгкие брови. Мои вопли не имели над ней прежней власти – броня счастья крепка. Когда я добушевал, она сказала участливо, почти нежно:

– Костя, мы приедем обязательно. Но только не завтра, – и коснулась моего плеча. – Сразу, как вернёмся, обещаю тебе. Ты иди пока. А то нам уезжать. Мы сейчас уже поедим... – и она с тревогой посмотрела в дальний край двора.

Я проследил её взгляд – на дворовой стоянке парковалась зелёная «нива».

– Пока! Потом созвонимся, ладно? – с натугой вскинув на плечо сумку, Майя взяла Лизу за руку и потянула за собой к машине.

Ну а чего ты ждал? Тебе же сказано – едут в отпуск! Устремляясь за Майей, трепещут Лизины бабочки – моя дочь шагает вполоборота. Натянута ручонка, связывающая её с мамой. Натянут взгляд, связывающий её со мной. Моя грудная клетка ритмично вздрагивает, готовясь выпустить сердце на волю: пусть летает, не обременённое мной!

А вот и кульминация: из машины выходит Кирилл – герой моего горя. Поприветствуем победителя и смиренно покинем двор?

Как в невесомости, я качнулся за Майей и, набирая ход, почувствовал токи прибывающих сил. Нет, ребята, это не жизнь! Будем резать её и править!

В три шага настигнув Майю, я сдёрнул сумку с её плеча. Она вцепилась было в ляжку, но не смогла удержать и выпустила. На её лице прорезалось страдание.

– Кирилл, уйди! – крикнула она, страшно на него замахав. – Уйди! Сядь в машину!

– Ты ещё скажи – «запрись»! Что ж ты думаешь, я из машины его не выкурю? – улыбнулся я, перехватывая поудобнее сумку, и вместе с ношей двинулся к «ниве».

Кирилл пошёл мне навстречу. Его походка была лёгкой и какой-то радостной – как будто он и сам давно хотел поговорить, только не предоставлялось случая.

Мы сошлись. Я скинул сумку с плеча и, перемигнувшись с напуганной Лизой, кивнул Кириллу на рожицу, отделённую от двора низкой оградой. Он сделал знак Майе: останьтесь тут! – и первым, не оглядываясь на меня, пошёл в указанном направлении. Снова я отметил про себя его неширокие плечи, прямой и печальный силуэт. Майя побежала было за нами, восклицая что-то про булочную, но вскоре отстала.

Кирилл сел на бортик ограды, и, оперев ладони в колени, посмотрел под ноги, на истоптанную траву. Роща за его спиной уже начала впитывать сумерки. Откуда-то сбоку ветер нёс дымок подождённой мусорки.

– Вставай, – сказал я, приблизившись. Кирилл поднял взгляд, но остался сидеть. Мне хотелось увидеть в нём какую-нибудь мелочь, дрянь. Но нет, как и тогда, в кабинете, у него было лицо нормального человека. Больше того, оно показалось мне родственным. Наверно, потому, что он любил Майю и она отражалась в нём.

Я сел перед оградкой на корточки и, подняв взгляд, спросил:

– Что чувствуешь? Скажи как на духу.

Я знал: если он скажет какую-нибудь обтекаемую фразу, вроде того что очень жаль, но никто не виноват, потому что жизнь, судьба, всё ещё будет, если такое что-нибудь он смямлит – я протараню его, как вражеский самолёт. В глубину, на самое дно мироздания посыплются наши обломки.

– Чувствую желание тебя не видеть. Чтобы на тебя свалились все блага мира и ты бы о нас забыл, – произнёс он ясно.

– Все блага мира? – улыбнулся я. – Да на кой мне все! Мне тех, что Бог послал, было вполне достаточно. Понимаешь, Кир, если бы ты не влез, мы бы помирились, – сказал я и сдвинул ладонью его руку, сжимавшую бортик. – Никуда не делись бы. Ты даже не можешь вообразить, что ты мне сделал. Мне, Лизке. Что мне, убить тебя?

– Можно, – сказал он и вздохнул глубоко, тем самым «гефсиманским» вздохом, который в первую встречу удержал меня от кровопролития.

– Я ничего тут не могу сделать! – прибавил он с искренней тоской. – Я тебе надежды желаю. Вот это самое большее, что могу...

Он мне желает надежды! Это лихо!

Сидя – я на корточках, он на оградке, – мы обменялись ещё несколькими бездонными, ни к чему не ведущими фразами. А потом – краем взгляда – я увидел на небе луну и понял, что пора ехать. Наш фильм, где каждый кадр зашкаливает в вечность, подошёл к концу. Завтра я попрусь на открытие никому не нужной булочной, а Майя с Кириллом проснутся в маленьком городке, или куда они там намьлились в отпуск?

Я поднялся и оглядел потемневший двор. Пульс безвыходно колотил в черепушку, никак не мог пробить себе брешь.

– Ну что, поехали? – сказал я Кириллу.

Он встал, и мы зашагали к моей машине. Под ногами хрустела пыль осевшего наземь лета, уже и с палыми листьями. У машины Кирилл отстранил вцепившуюся было в его локоть Майю: «Идите домой!» Удивительно, как беспрекословно она его слушалась.

Пока я ждал за рулём, в мою форточку поскреблась Лизка. Я опустил стекло.

– Папочка, ты только не разгоняйся! – зашептала она, серыми глазами стараясь добраться до сердца. – Бабушка всегда за тебя переживает. Поезжай осторожно! Ради нас с бабушкой!

– Елизавета Константиновна, а почему, если я тебе дорог, ты не со мной?

Лиза сморщила бровки и, крепясь от плача, проговорила:

– Папочка, я же с мамой!

– Уйди из-под колёс! – рывкнул я и газанул так, что постылый двор наполнился адским свистом.

Густо-сумеречные улицы разматывались перед нами, как в триллере, я рвался к окраине, ещё не зная, какова моя цель. На пустынных дорогах разгонялся, и машину вело вправо – меня магнитили фонарные столбы.

– У тебя, похоже, колесо спускает, – заметил Кирилл.

– Да какое колесо! Об столб тебя хочу размазать! – сказал я и включил наугад Петину музыку. Рулетка назначила нам «Страсти по Матфею».

– Это что? – спросил Кирилл, затревожившись. – Что это такое у тебя? Бах?

– Ага. Месса. Тебя провожаю в последний путь, – объяснил я и погнал на голубоватый свет, озарявший льдину ночной платформы. Гнущийся под тяжестью горя, спелый, как осень, голос Марии Магдалины напрасно пытался меня вразумить.

Я подрулил на зады железнодорожной станции и, с хрустом вписавшись на битые кирпичи, заглушил мотор. Приехали!

В пятидесяти метрах от нас, на взгорье, знакомым с детства дракончиком пронёсся товарный поезд. Мы прошли через тёмную, пахнущую недавно пролитым пивом рощу и по боковой лестнице поднялись на платформу.

Бетонный заборчик, ограждавший плиты перрона, приютил нас. Присев, я оглянулся. За краем платформы, вплотную к нашим спинам, стояла тьма – метра два глубиной, заросшая невидимыми сорняками.

– Ну что, Кир, говори, я слушаю! Сделай так, чтобы на меня свалились «все блага»!

Он вздохнул терпеливо и не отозвался. Молчание меня разожгло.

– Ты считаешь себя порядочным человеком. Добрым, честным. Так? Так вот, ты должен был поправить ей зрение – и больше ничего. А если сердце застучало – то как порядочный человек ты должен был в отпуск уйти, заболеть – что угодно. Но только не то, что сделал ты.

Кирилл достал из кармана ветровки пару монет, пропуск и пустой пакетик из-под бумажных платков – такие всегда покупала Майя. Взглянул и убрал.

– Когда речь идёт о некоем злодее, которого даже не видел, не всегда возникает мысль... – проговорил он и осёкся.

– Это Майя тебе злодея расписала? А ты, наверно, маленький, не знаешь, как в жизни бывает? Не знаешь, что бывают провалы в бездну и что из них люди вместе выбирают, и продолжают жить, и любят. А ты типа спас муху-цокотуху!

Я отчитывал его, как ребёнка.

– Липами пахнет! – неожиданно произнёс он и обернулся во тьму за краем платформы.

Я тоже посмотрел. И правда, за нашими спинами тёмным строем стояли высокие липовые стволы. Давно облетели золотые пушинки, листва пропиталась пылью и первой осенью, но что-то осталось – след цветения.

Я вспомнил, как давным-давно, только узнав, что у нас будет Лизка, мы с Майей поехали на недельку в дом отдыха, затерянный среди старинных дач. Там на тёмных аллеях, обмирая от аромата, мы рвали липовый цвет и складывали его почему-то в наволочку.

– Ты понимаешь – целая наволочка этой дрёмы! Вот и как теперь жить? – докладывал я своему врагу.

Кирилл слушал задушевно, как будто я просветлял в памяти его собственную юность, любовь.

– И я не вижу другого выхода, Кир. Буду сдвигать за горой гору, откапывать нашу реку. Я завалил – я и откопаю!

В какой-то момент мне почудилось, что Кирилл не возражает. Он понял меня и всецело согласен уйти с моего пути. Чувство лёгкого спасения бабочкой защекотало грудь.

– Ничего не выйдет у тебя, – внезапно проговорил он и посмотрел мне в глаза – довольно лихо для врача-окулиста. – Ты не созидатель. Тебе нужны страсти. Есть такие люди. И нормальному человеку очень трудно с этим соседствовать. Поэтому Майя решила так, как решила. И ты ничего не сделаешь с этим. Просто ничего! – повторил он в упоении, и его грустное лицо прожёл азарт.

Сброшенный в пекло, я улыбнулся. Вот и славно – ты принял вызов! А то как бить пацифиста?

– Я перед тобой виноват, это правда, – продолжал он окрепшим голосом. – Но Майя – нет, ни секунды! Разве это по совести – измучить человека и потом ещё требовать от него преданности? И вот что, – заключил он, совершенно освободившись. – Ты больше не будешь тянуть ей душу! Ясно?

Ясно ли мне? Или требуются уточнения? Разве разберёшь в этом бешеном клекотании жизни!

Я вздохнул и, приобняв Кирилла за плечи, подался назад, за край платформы. Ограда кувыркнулась, пальцы, повинувшись инстинкту, растопырились, желая ухватиться за край.

Должно быть, я всё же рассчитывал, что пристанционные кусты обернутся бездной. Но нет – бездна стукнула в плечо утрамбованной землёй тропинки.

Я не собирался ни убивать его, ни калечить, мне только хотелось проверить его реакцию, устойчив ли он к боли, может ли дать отпор. Мне страстно хотелось узнать, насколько боеспособен человек, занявший моё место. Конечно, это было дурацкое любопытство, но я не мог устоять и получил ответ немедленно. Кирилл высвободился и с силой отпихнул меня:

– Всё!

Я бросился было снова, но он поднял руку – с неё капало тёмное.

Переводя дыхание, мы подошли к фонарю.

– Стеклом, – сказал он, разглядывая окровавленную руку, и зажал рану пальцами.

Мы молча ждали – минуту, две.

– Течёт, – проговорил он. – Надо перетянуть.

Я сбегал в машину и, вытряхнув аптечку, нашёл какой-то древний бинт. Примчался, с хрустом разорвал пачку и собрался уже перевязать раненого, но он вырвал бинт у меня из рук и бестолково, заливая кровью землю под липами, сварганил повязку. Он был совсем не похож на доктора.

– Ну что, до дому-то подвезти? – спросил я, когда он справился.

– Сам дойду, – буркнул он и зашагал прочь, поддерживая руку с моментально промокшим бинтом.

Я смотрел насмешливо, чувствуя, что он не уйдёт далеко. И правда, через дюжину шагов он развернулся и пошел обратно.

– Чего тебе? – спросил я, хотя отлично знал, зачем он вернулся. Счастье с пятном на совести обременительно. Ему нужно было прощение. Вот уж, брат, не дождёшься! Мучайся.

– Я хотел сказать... – начал он. – Мы, конечно, никуда уже не поедем. Ты завтра заезжай за ними. Не знаю, как Майя. Но Лизу хотя бы возьмишь на открытие.

– Топай! – сказал я. – Зайдешь в мой дом – убью.

Он взглянул, заморгал, как будто я плеснул ему чем-нибудь в лицо.

– Я и не захожу! Спроси у Лизки! Об этом даже...

– Топай, ищи травмпункт, – перебил я. – А то помрешь молодым.

Он повернулся и, покрепче зажав пальцами чёрный бинт, пошёл через заросли – к шоссе, а я купил в пристанционном магазинчике водки и дёрнул к Пете.

Не знаю, для чего я поехал к нему. От сочувствия меня бы стошнило. Наверное – разделить угар. Тем горше оказалось разочарование, когда Петя заявил, что не собирается пить со мной, и отобрал бутылку.

– Ты чего! У тебя же с утра открытие! – напомнил он. – Булочник с похмелья – это пошло! – и, оценив беглым взглядом мой вывалинный вид, прибавил: – Ладно, давай отряхивайся и проходи!

В Петиной модной квартирке царил умеренный по холостяцким меркам бардак. Рояль был завален распечатками договоров и таблиц, на журнальном столике вращал световые спирали ноутбук. Сам хозяин был сосредоточен и бодр – он как раз трудился над своим впечатляющим будущим. Всклоченные волосы и табачный туман, дрейфующий в сторону форточки, свидетельствовали о великих раздумьях.

Я вошёл и, свалившись в кресло, изложил в паре слов всё, что думаю о своих жизненных перспективах.

– Ладно, – сказал Петя, внимательно на меня посмотрев. – Сейчас психотерапию с тобой проводить бесполезно. Так уж и быть, грамм сто я тебе налью, и ложись. Надо выспаться. А я ещё посижу – Михал Глебыч, видишь, накидал делишек.

Он выдал мне подушку и велел топтать в тот конец его «студии», где располагалась кухня. Там, в единственном укромном уголке за стенкой арки, был подвешен пёстрый мексиканский гамак.

У меня не осталось воли спорить. Я переместился, куда было велено, и в качнувшейся над землёй первобытной люльке ушёл в прозрачную дрему. Не знаю, спал ли я. Мне казалось, что «нолик» на микроволновке всю ночь сообщал мне некую неприятную информацию. То ли я – ноль. То ли начинать – с нуля.

В четыре я встал. Голова ныла. На полке с чаем и кофе нашёл таблетку от башки и поехал на открытие собственной булочной.

Дорогой я созвонился с Маргошей – они с Денисом уже были на месте. Вскоре по валам осеннего тумана добрался и я. Сквозь чистые стёкла уютно поблескивал освещённый торговый зал – шторы-паруса, несколько старомодных столиков, большие и маленькие корзины, в которых вот-вот появится хлеб. Через пару минут ветер принёс волну горячего аромата – и меня замутило.

Я пошарил взглядом по земле. Мне хотелось найти что-нибудь тяжёлое. Трубу или кирпич. Но в глаза лезли одни цветы. Маргоша с её неисчерпаемой энергией окружила нашу булочную ящиками с геранью и петуньями, а на газонах сами собой проросли маргаритки. Маргариткой не разобьёшь витрину.

Тут, откуда ни возьмись, Маргоша появилась в окне и, улыбнувшись, показала большой палец.

Это был переломный миг в моём отчаянии. Я вспомнил, что булочная принадлежит не только мне, но и Маргоше. Даже в первый черёд – ей, потому что её трудов было больше. А значит, у меня нет права чинить разбой. Будешь, будешь, как миленький, тянуть эту ляжку!

14

Первые гости

Хлопоты, сопровождавшие открытие булочной, заслонили от меня Старую Весну. Я думал только о том, чтобы в срок забить «мамонта». Когда же подношение было отвергнуто и булочная, утратив судьбоносные черты, превратилась в обычную работу, я оглядел свой участок и понял, что остался на зиму с одной бытовкой.

Правда, помимо бытовки, у меня ещё был фундамент и укрытый рубероидом лес. Брусины лежали в глубине, по границе с Колиным забором – мёртвой глыбой будущего счастья, а на фундаменте в хорошую погоду я обедал. Сказать честно, мне было плевать на неустроенность. В моей жизни не доставало много чего поважней уюта. А вот гости, которых иногда заносило ко мне, расстраивались.

Всё началось с родителей, приехавших поглядеть, что я нажил и до чего дожил. Тот факт, что сын собрался зимовать в сарае на лесной опушке, совершенно их подкосил. На семи осенних ветрах, по щиколотку увязнув в глине, они замерли, созерцая заброшенную стройплощадку, и после разговаривали со мной ласково, как с больным.

Мой растерявшийся отец, внук моего прадеда, спросил: «Что же, Костя, ты тут теперь будешь жить? А мы? А старость нашу покоить?» – и улыбнулся, надеясь на что-то ангельское во мне. Может быть, на то, что их старость окажется для меня важнее собственной глупости.

Мама держалась лучше отца.

– Смотри, хотя бы не простудись. Застёгивай куртку, – сказала она, оглядывая зыбкие дали.

Приезжали ко мне и Маргоша с Денисом. Маргоша чуть не свернула каблук на травяных кочках и удостоилась знакомства с Колей, дававшим сыну Тузина Мише мастер-класс по распрямлению гнутых вил. «И ради этого ты нас уволок из Москвы? – изумлялась она. – Это же ужас, ужас!»

Отчасти я был согласен с ней. Особенно когда на ночь глядя выходил покурить. Размокшая глина, как грусть, обступала меня. Я был один посреди мокрой лесистой вечности и скучал по дружескому разговору, по самой обыденной радости семейного ужина.

По вечерам мне в окошко были видны огонечки моих соседей, но ни к кому я не мог постучаться, и никто не стучался ко мне. Я остался чужим, несмотря на прадеда и мандолину.

Тем обиднее было мне, что Тузины и мой полусемейный сосед Коля жили по-родственному.

У Коли имелось транспортное средство, масть которого я затруднялся определить, – двухместное нечто с жёстко закреплённым прицепом, похожее на очень маленький грузовичок. Кабина у грузовичка была серая, в «яблоках» сбитой краски, прицеп зелёный, похожий на настоящую лодку, даже и со скамеечкой. Но самое диковинное – у грузовичка было имя, и звали его Сивка. На Сивке Коля ездил в школу, где являлся, оказывается, штатным преподавателем УПК. По должности он был обязан знакомить старшеклассников с основами механики, но мне как-то не верилось в учительскую карьеру Коли. Я решил, что истинное предназначение его утренних вылазок – отвозить в школу Мишу Тузина.

Каждое утро жена Николая Андреича Ирина, завернувшись в шаль, появлялась возле Колиного забора. Золотистые волосы и нежное, заспанное лицо сливались с туманом, превращая её появление в страницу английской сказки.

– Коля, хватит курить! Опоздаете! – волновалась она, усаживая сына в кабину с навеки застрявшим на высоте первой трети левым стеклом.

– Ну так и что? – с удалью улыбался Коля. – Захотим – опоздаем! Захотим – домчим! – и, щелчком отшвырнув окурок, вскакивал «на козлы».

Ирина укутывала Мишу в плед и, вздохнув, отступала:

– С Богом!

Разогревая мотор, Коля запевал песнь:

– Ну, тащися, сивка,
Пашней десятиной...

– гудел он, —

Пашенку мы рано
С сивкою распашем,
Зёрнышку сготовим
Колыбель святую...

Откуда взялась эта песня, я не знал, но она была дикая, и Коля хорошо, дико её исполнял. Особенно ему удавались слова: «Ну, тащися, сивка!» Войдя в роль, он выкрикивал их надсадно и горестно. И розовощёкий Миша подхлопывал себя по коленкам, заражаясь землепашеским Колиным драйвом.

Их общение, к моей зависти, не ограничивалось ямщицкими услугами Коли. Часто вечером или в выходной я слышал, как Ирина, держа в руках тарелку с блинчиками, окликает моего соседа, или как Миша кричит под забором: «Дядя Коль, тебя родители зовут, мы варенье пробовать будем!»

Чёртово их варенье, оладьи и прочие поводы к чаепитию портили мне все вечера. Я был подавлен моим оставшимся в целостности и сохранности одиночеством.

Зачем я ушёл в этот скит? Удастся ли отмолить грехи, или всё даром?

Как раз к распутице, когда колёсики старого «опеля» перестали справляться с глиной, ко мне на холм заявился ещё один гость.

– Принимай должок! – крикнул Петя, спрыгивая в грязь с подножки моего внедорожника.

Он неплохо его подновил. Сменил ещё мною погнутый диск, отполировал царапины, а сиденье рядом с водительским завалил коньяком в пижонских коробках. Такова была его скромная благодарность.

– А моя красавица через пару дней будет. Какая – не скажу пока! – сообщил он и улыбнулся, наивно рассчитывая удивить меня какой-то там жестянкой.

Закурив, Петя поглядел в долину, подёрнутую жирком тумана. Понемногу его лицо переменялось, утратило спазм успеха. Он закрыл глаза и пару минут блаженствовал в тишайших аудиоволнах русской природы.

– Ладно, показывай хозяйство! – наконец сказал он.

Со снисходительным одобрением Петя оглядел мой беспорядок, попинал колдобины, подняв рубероид, изучил начавший синеть брус и задал неожиданный вопрос:

– В тельняшечке не мёрзнешь?

– Да ты чего! Вечер тёплый!

– Тёплый, говоришь? Ну тащи тогда чаёк! На ступенечках у тебя посидим, пообщаемся!

Через пять минут мы уже сидели с ним на верхней ступеньке бытовки, обнимая горячие чашки. Дымки сдувало вдаль – они смешивались с туманом, а из динамика Петиноного телефона плыла тихая и очень важная мысль. Может быть, самая главная. Петя назвал её Сарабандой из до-минорной партиты. Но мне куда больше, чем название, хотелось знать перевод этой музыки

на человеческий язык, хотя бы краткий. Наконец внутренний голос отозвался на мой запрос: «Болван! Эта музыка о том, что Бог есть!»

– Как тебе? – улыбнулся Петя с гордостью, как будто это было его собственное сочинение. Горизонт, недавно широкий, надвинулся на холм валами тумана. Налетел ветер со слабым дымом, и вскоре я уже не смог бы отделить музыку от тумана над полями. Бах стал русской осенью, душистой и мгливой.

– Что творится со мной по ночам – хоть спать не ложись! – сказал Петя. – Весь день брожу в пажковском угаре. А как засну – начинается! Я за эти месяцы всё переиграл.

Даже то, чего в глаза не видел. Сплю и разучиваю. Чёрт его знает, как это выходит. Вещь на слуху – и мозг это дело как-то сам трансформирует в ноты. Сегодня снился зал какой-то непонятный, типа школьного актового, в первом ряду все мои, и умершие, бабушка... А на днях, прикинь, во сне мне мой рояль буквально, как Мойдодыр, заявляет: мол, или я немедленно верну ему трёхтомник Бетховена, который я, типа, спёр, или он мне прямо в квартире устроит аутодафе! Нет, ты представляешь, какого масштаба бред? Эх, тяжело мне ломаться!.. – И Петя, перехватив чашку, прижал к виску её тёплый бок, как будто у него разболелась голова.

– Ты прости брат, что я тогда, ночью, не поговорил с тобой! – сказал он. – Пажковская презентация была в башке – не смог переключиться. Давай, рассказывай, чего там у тебя стряслось? Если ещё актуально.

Я махнул рукой: проехали.

– А ты не особо-то, я гляжу, тоскуешь. Природа, вон, тебе нравится. Когда главное потерял – знаешь, не до природы. – И Петя очень внимательно, пожалуй, даже с пристрастием посмотрел на меня. – Тебя вера, что ли, бережёт? Верить, что всё поправится?

Само собой, я верил. А как иначе? Надо только перетерпеть этот кусок выжженного времени, глупую дырку в судьбе.

– У меня, брат, такое чувство, что ты под наркозом. Не проснёшься никак. Ты просыпайся, я тебя прошу! – сказал он задушевно и тронул моё плечо. – Ты вообще-то как тут? С народом познакомился? Эти-то, у которых рояль, что за люди?

– Люди нормальные, да только я им ни к чему.

– Что значит – ни к чему? – возмутился Петя. – Тебя чего, пнуть на тренинг по избавлению от комплексов, или сам разберёшься?

Вечер совсем завалил долину белыми шматками тумана. Пете было пора в Москву. Я отдал ему ключи и документы на старенький «опель». С умилением он сел за руль и, устроившись поудобнее в скрипучем кресле, сказал:

– Ну и кляча! Как ты ездил-то на ней?

– Оставь мне музыку, – попросил я, склоняясь к опущенной форточке. – Я с ней уже как-то обвыкся.

Он включил допотопную сидишку и, вынув один за Другим все шесть дисков, протянул мне в форточку. Я вспомнил его жалобу на музыкальные сны.

– Петь, а ты-то сам? Справляешься, или, может, чем помочь?

Петя взглянул с насмешливым удивлением. Он уже успел сменить лирический настрой на деловой. Я опоздал с вопросом.

– Помочь? Нет, брат, мне помогать не надо. Это я тебе помогу. Жди!

15

Вода палеозойская, дрова берёзовые

Не очень-то надеюсь на Петину помощь, а главное, понимая, что на данный момент вся карта, какая у меня есть, разыграна, я сделал единственное, что мог, – ударился в хлеб.

В настоящей печи у нас пеклись калачи с дымком. Нормальные старомосковские калачики с ручкой и кошелем. И много чего ещё. Чтобы ассортимент не наскучивал, мы поставили в зале возле кассы специальную корзину для хлебного «прогноза погоды». Это значило, что каждый день на почётном месте возникал какой-нибудь батончик, сайка или кирпичик с названием, соответствующим метеопрогнозу на сегодня. Например: каравай «Плюс восемь с дождём». Или батон «Минус два, гололедица».

Это была просто шутка, но потом я прислушался к вкусу: хлеб, испечённый в дождливый день, был не похож на хлеб солнечный. А когда подуло первым снегом и корка хрустнула, как ледок, я окончательно убедился, что в нашей шутке есть доля правды.

Поначалу меня беспокоило, что охотников до «гололедицы» не найдётся, однако ж нет: народ любопытствовал. Людям хотелось отведать дурной погоды на вкус, тем более что у нас она всегда была тёплая, пропечённая и с дымком.

Вскоре булочная принесла чудесный плод: у нас появились завсегдатаи. Мне нравилось выглянуть в зал и увидеть, как войдёт человек со знакомым лицом, изучит «прогноз» и, взяв булку и чай, сядет за столик. Я узнавал не только лица, но и сумки и куртки, сложенные на стульях. Наконец мы догадались поставить вешалку.

Хлебное дело спасло меня от неминуемого уныния. Я потому только не утонул в тоске, что был занят. Забыл я и о доме. Точнее, отложил строительство до весны – на всё меня не хватало.

Однажды, въезжая после работы на холм, я различил на участке людей, ворочавших мой сложенный брус. Все четверо были в зелёных форменных куртках. Преодолевая шок, я двинулся навстречу неожиданным гостям и через десяток шагов облегчённо вздохнул: на ступенях бытовки, смеясь, прожигая нежный воздух Старой Весны торжествующим взглядом, меня дожидался Петя. Его брюки и исключительные ботиночки были заляпаны глиной родной земли, зато на ступень, прежде чем сесть, он постелил картонку.

– Это что? – спросил я, ошеломлённо протягивая ему ладонь.

– Вещи из бытовки убери! – велел Петя, наслаждаясь моим изумлением. – Там ребята жить будут. А ты в булочной пока поночуеть.

– Погоди-ка... – начал я.

– Поставят, сколько успеют, – перебил меня Петя. – Хотя бы сруб осядет. А то ещё плюс год. И потом, сгниёт же всё! – сказал он, кивая на подмокший лес, сваленный по краю участка.

Оказалось, у одной из бригад, занятых в коттеджностроительных предприятиях его отца, образовалось окошко, и Петя заманил ребят ко мне.

– Не бойся, сделают дёшево и сердито, – сказал Петя. – Я им на зиму обеспечил шикарный объект. На него другая бригада шла, но я попросил. Хрен они его получают, если схалтурят. А тебе, брат, задание. До морозов чтобы была скважина – запаришься из колодца таскать! Ну и забор поставь.

Ты вообще чего себе думаешь – в чистом поле жить без забора?

Несмотря на пустячный тон, каким он произнёс свою реплику, его карие глаза посветлели и переливались счастьем. Петя обожал обустроить чью-нибудь непутёвую жизнь.

Освободить бытовку я не стал, сплавив Петиних строителей в избушку на дальнем краю участка. Зато прочие его советы нашёл разумными. В ближайшие дни нанял бригаду буриль-

щиков, и на участке появилась артезианская скважина – двухсотметровый жёлоб в глубь тысячелетий. Потрясённо я изучил эту вполне реалистичную машину времени, измазал пальцы в чёрной глине Юрского периода, вырвавшейся из-под бура прямо на мой лужок. И долго ещё не мог обвыкнуться с глубиной, раскидывая лопатой по участку грязь палеозойской эры.

Из низкого уличного крана потекла вода, чистая до сладости, хоть Петя и страшал меня примесями железа, обычными в наших местах.

Потреблять дар природы в одиночестве показалось мне свинством.

– Чего за водой не заходишь? Зашёл бы! – сказал я, повстречав однажды после работы моего ближайшего соседа. У Коли для полива и хозяйственных нужд имелся колодец, а за питьевой водой он ходил на родник.

Коля кивнул и в тот же вечер явился полюбоваться скважиной. По правде сказать, смотреть тут особенно было не на что. Горки глины да крышка люка. Плюс канава для подвода трубы к бытовке.

Коля сел у крана на корточки и закурил.

– Зинка моя тоже хотела скважину рыть, – сказал он. – Узнавала по фирмам. Прикинула – выходит, мне надо год получку в чистом виде копать. Нет, говорит, честному человеку такое дело не потянуть. Вон у Николая с Ириной, и то скважины нету. – произнёс он и быстро, искоса на меня глянул. Его глаза были коричневыми, как осенний наст, не злыми – но с огоньком.

– Ты чего сказать-то хотел? – наехал я потихонечку.

– Как чего? Мы ж соседи – надо знать, кто таков! – задиристо отозвался Коля и обхватил себя крест-накрест за локти, словно желал сдержать рвущееся наружу лихо. – А то всякие тут на танках ездят... – и он кивнул на джип, который накануне вернул мне Петя.

– Ну раз воды не надо – топай! – сказал я спокойно и, опередив его, быстро пошёл к машине. Он что-то крикнул мне, но через стекло и звук мотора я не расслышал слов.

Мне понадобилось полчаса, чтобы сгонять до булочной и обратно. Я вернулся с несколькими пакетами горячего хлеба и, встав у Колиной калитки, позвал его.

Он вышел не скоро – смешной и грозный, в рубашонке с закатанными рукавами, одной рукой сжимая лопату, другую уперев в бок.

– На! – сказал я, заваливаясь в калитку, и сунул Коле пакеты. Мой хлебный презент был призван объяснить ему, что я не «всякий на танке» и прошу относиться ко мне соответственно – как к человеку, пекущему хлеб.

Коля оглушённо распотрошил пакет. В нём был калач. Отщипнул, понюхал и, оторвав зубами ручку, стал жевать.

– Ну вот то-то! – кивнул я. – Вместо того чтоб наговаривать на человека, лучше показал бы окрестности, лес. Где тут у вас что...

– Да чего показывать! – отозвался Коля и, опустив руку с калачом, обвёл взглядом серый дол с пожелтым кружевом роц. Стая птиц нестройной толпой пересекла небосклон и, сжавшись на юге в точку, исчезла. – Чего показывать? Встань да гляди!..

Он взял в грудь воздух, но не выдохнул или выдохнул слишком тихо. Я понял, что на сегодня хлебное сближение закончено.

На следующий день, в ещё не прояснившейся белизне утра, меня поднял стук.

– Это я – сосед! – гаркнули за дверью Колиным голосом. – Николай я!

Я открыл, соображая, какие на этот раз у него могут быть претензии. К счастью, претензий у Коли не обнаружилось, зато у него были грибы – роскошный кустик опят прямо на мху.

– Видал? – сказал он, протягивая мне куст на ладони. – Букет! Зинка приедет – подарю ей. А то вот цветы дарят, а грибы не дарят! Дарили бы все грибы – были бы всякие грибные там киоски, магазины. А я б вон нашёл в поле колокольчик и удивился: чего это мы цветы не дарим? Грибы дарим, а цветы нет!

Пока я вникал в его несурязицу, Коля откусил шляпку на младшем опёнке и бодро её сжевал. Он был слегка навеселе. А как иначе – в меловой белизне тумана наклёвывалась суббота.

– Ну, готов? Пошли, что ли? – спросил он, утомившись моим молчанием.

Тут я догадался, что вчерашний упрёк насчёт того, что Коля до сих пор не провёл меня по окрестностям, попал в цель.

Коля показывал мне лес, как дворец – со всеми залами, коридорами и закутками. Идти за ним было сплошным удовольствием. Он тёл меж сухих елей, как вода. Ни одна колючка не зацепила его. А на обратном пути принялся выковыривать из пены осеннего наста обломки толстых ветвей и тонких стволов, всё, что можно было прихватить на дрова, не распиливая. Набрал полные руки, он уверенно двинулся к дому.

– Сырые больно твои дрова! Одна гниль, – заметил я, вспоминая дровишки, какими топились наша печь в булочной.

Коля остановился и, швырнув добычу на землю, выбрал берёзовый сук.

– Какая тебе гниль! – обиделся он. – Ты нюхни! – и, отколупнув кусок мокрой коры, понюхал, словно фиалку.

Мы вышли из лесу ровно на край Колиного участка. Там доживала жизнь, заваливаясь ветвями на землю, старая ветла. Под ней круглело поросшее травой углубление – воронка от взрыва Великой Отечественной. Коля ею гордился. Впереди расстилался долгий, похожий на кусок заросшей дороги Колин надел, а в конце его, ближе к улице, блестел окошком старенький дом с поленницей.

– Сам-то чем топишь? – спросил он, бросив дрова в пожухшую траву и закурив.

– Чем-чем – электричеством! – сказал я.

– Много нагорит! – Он качнул головой. – А печурки нет?

Какая-то зыбкость прошла по мне от его слов. Я понял, что выпадаю потихоньку из сообщества, где людям неважно, сколько у них нагорит киловатт. Но примкну ли к дровяному братству Старой Весны? И главное, хочу ли этого?

16

Дикий пирог

Шли деньки, и нежная красота Старой Весны подёрнулась патиной. Миф о вечном пристанище – светлой родине моего прадеда – канул вместе с хорошей погодой. Теперь, влетая после работы в бытовку, я прибавлял жару в рефлекторе и скорей забивался в сон, чтоб только не успеть осознать свою дурь и сиротство.

Невзирая на осень, трудами Петинной бригады над глинистыми ухабами поднимался сруб. Жители деревни останавливались чуть поодаль, молча интересуясь строительством, и с каждым днём им приходилось запрокидывать голову на венец выше.

Скоро дом всей своей простой и крепкой статью проступил из небытия. Он был светлый и голый. В его новых косточках пел старовесенний ветер. Я позвал Петю полюбоваться плодами его заботы, но мой друг оказался слишком занят, чтобы приехать.

Взяв в высотных работах трёхдневную паузу, его бойцы установили мне и забор. Теперь откуда ни глянь на холм – в глаза лез частокол, покрытый рыжеватой пропиткой. Бывало, я выходил утром, и мне самому становилось как-то квадратно. Как будто это меня обстучали колышками по периметру.

Заходя за водой, Коля искренне предупреждал: «Смотри! Пока держусь, а не удержусь – перемолочу к чёртовой бабушке на дрова!»

Во время очередной беседы, когда Коля, толкнув под кран канистру и оглядевшись, пообещал сбрить забор бульдозером, его мнение получило неожиданную поддержку.

– Это верно. Можно бы и сбрить!

В нескольких метрах от нас стоял Николай Андреич Тузин. Он подошёл неслышно, под прикрытием грохочущей по дну канистры воды. На его сутуловатые плечи была накинута всё та же, дореволюционного фасона, шинель. Серые с карими искорками глаза глядели весело, приглашая не обидеться, но посмеяться. В руке, как авоську, Тузин держал пластиковую бутылку, и весь его сценический образ, располагавшийся между романтикой и иронией, был так обаятелен, что я простил ему опасную реплику.

– Пошёл я на родник, а там в лохани, извините,дохлаямышь! – продолжал Тузин, подходя ближе. – Вот – решил к вам. Коля больно вашу палеозойскую воду хвалит!

– Не хвалю я, – огрызнулся Коля и, поскорее завинтив крышку, убрёл.

Пока набиралась вода, Тузин, замяв, как ни в чём не бывало, реплику о бульдозере, принялся выяснять, какая вышла у скважины глубина да сколько, если не секрет, пришлось заплатить за метр пробура.

Я ответил.

– Да... – улыбнулся он, считая в уме. – Мы, пожалуй, на родничок пока походим, – и, завинтив канистру, двинулся к калитке.

– Ну а строительство в какие сроки закончить планируете? – обернулся он на ходу.

Разговаривая, мы дошли до тузинского участка, и сразу за худеньким забором в гуще палой листвы я увидел шезлонг с кипой бумаг, придавленных мобильником. Ветер шевелил прозрачные яблони и время от времени стряхивал на бумаги лист или обломок ветки.

– Моё рабочее место! – сказал Тузин, кивая за забор. – Под самой осенью. Я бы даже сказал – под сенью осени! Зайдёте?

Я мотнул головой, постеснявшись своего далёкого от аккуратности вида, если вдруг он надумает официально знакомить меня с женой. Тузин не настаивал.

– Ну а вообще как вам у нас, по душе? – спросил он, опуская канистру в траву. – Нравится? Коля-то не сильно мучает вас? Кстати, слышали его гитару? Ох, душевно поёт!

Я сказал, что никто меня не мучает, но угрозы снести забор бульдозером, естественно, не вызывают во мне добрых чувств.

– А это, уважаемый Костя, что посеете, то и пожнёте. Думаете, ваша ограда у кого-нибудь вызвала добрые чувства? – не страшась, парировал Тузин. – Вы сами посмотрите – торчит на холме оранжевая челюсть! А наш холм – это ведь существо. Это Василиса Премудрая, понимаете? А вы ей – челюсть! Хоть бы выкрасили как-нибудь потише... А хотя вы не виноваты! – неожиданно прибавил он. – Ваша «челюсть» неизбежна, как власть эпохи.

Тут вскружился ветер, небо задрожало и посыпало нас крупной яблонево́й листво́й.

– Ну что ж, пойду к семейству. За водичку спасибо, – сказал Тузин, открывая заросшую кустами калитку, и скрылся в неубранном саду.

Я перевёл дух. Градус искренности, бытовавший на холме Старой Весны, обжигал, как купание в апрельской речке.

Сбежав с холма и взглянув снизу вверх на деревню, я убедился: мой рыжий частокол, взлетевший высоко над Колиным штакетником, совсем стёр его свежей мощью. Стёр он и полосу леса, оставив взгляду одни макушки.

Через пять минут, взяв у строителей инструмент, я с лёгкостью, с блаженством даже – как будто скинул с плеч тяжёлую ношу – отвинтил центральную секцию.

Мною как раз были уложены на брезент первые полтора метра забора, когда сзади раздался вопль.

– Сумасшедший человек! – восклицал влетевший в образовавшиеся ворота Тузин. – Вы что делаете! Назад, назад привинтите, быстро!

Я выпрямился и взглянул. Николай Андреич резво шагал мне навстречу, держа перед собой согнутую плоской ладонь, в которой явно что-то было насыпано. Якутские бриллианты? Украинские семечки?

– Откуда мне знать, что вы ненормальный? – на ходу продолжал возмущаться он. – Если б знал – помалкивал бы! А я-то с вами как со здоровым! Нате вам вот – лучшее, что нашёл! – Он приблизился по колдобинам стройки и решительно переложил из своей ладони в мою гроздь красной рябины, гроздь черноплодки, надклёванную калину, несколько твёрдых ягод шиповника и последний, неведь как уцелевший крыжовник с чёрным пятнышком на боку.

Я взглянул на ягоды, а затем на взволнованную физиономию Тузина.

– Вот видите, я прямо как почуял! Думаю – что за чёрт меня дернул! Привязался к чужому забору. Надо бы помириться! – отряхивая ладони, продолжал объясняться он. – А как помирисься? Все гордые. Думаю, дай наберу ему ягод! Ну! Чего вы пятитесь от меня! Это же трубка мира!

Я слегка встряхнул ладонь с ягодами.

– И как её курить?

– Не курить, а пить! – уточнил Тузин. – Заварите кипятком – и грусть долой! Горько – да! Но сердце сродняется с осенью! Вы забор-то повесьте на место! Повесьте, я вам говорю! А на меня не обращайтесь внимания, всё это я сочиняю – про Василису, про челюсть. Сами понимаете – такая профессия. Я профессионально болен! – Он умолк и вздохнул глубоко, как человек, отстоявший свою чистую совесть. – А вы-то, Костя, кто будете? Я так думаю, любопытная у вас должна быть работа?

– У нас в городке булочная-пекарня, только открылись. Я думал, Коля вам сказал. С вашим театром, кстати, по соседству.

– Булочная-пекарня? – ахнул Тузин. – Это не к вам ребята мои бегают? Смотрю – начали таскать на репетиции калачики! Мотька, звезда наша, особенно усердствует. Я ей говорю: разьесься! Ваши калачи?

– Мои, должно быть, – признал я. – Никто в округе больше не печёт.

– Эх! Вот так да! – воскликнул Тузин и улыбнулся с искренней теплотой. – Булочника прибыло нам в деревню! С забором-то давайте помогу! – предложил он, спохватившись.

Я взглянул на его белую рубашку под шинелью и сказал, что мне помогут строители.

– Ягоды заварить не забудьте! – велел он на прощание и улетел.

Обескураженно я посмотрел на гостинцы в моей ладони. Сиротливо выстреливала из общей кучи веточка с оранжевой рябинкой. «Ты подозрительный чужак, – говорили мне ягоды Тузина. – Но мы тебя примем, потому что нам жить по соседству».

Эту заповедь братства я вдруг расслышал и понадеялся: может, и правда меня примут в мирок Старой Весны? Станут звать на варенье, угощать блинчиками.

Дома я высыпал ягоды на стол, сел и принялся выкладывать орнамент из цветных бусин, пока вдруг не увидел в уме большую ягодную ватрушку. Так чётко она представилась мне, что во рту стало горько.

Новый хлеб пишется, как стихи. Накатывает и не отпускает, пока его не задвинешь в печь.

Наутро, едва приехав на работу, я бросился воплощать фантазию. Маргоша смеялась до упаду, увидев новенький, только из принтера, ценник: «Пирог горький, с дикими ягодами. Изготовлен в единственном экз.».

Мне было зверски любопытно, кто позарится на мой «дикий» пирог, а потому в то утро я наведывался в зал чаще обычного. В отличие от Пети у меня нет дара предсказывать будущее, но на этот раз я отгадал покупателя с первого взгляда. Звякнул над дверью глиняный колокольчик, и в булочную вкатилась девчонка на роликах. Чёрные блестящие её волосы были увязаны на затылке в пучок, колючий, как воронье гнездо. На боку моталась холщовая сумка.

Меня удивило её лицо, сосредоточенное и одухотворённое, как будто она шла на разбег, на особый прыжок, в котором станет радугой или птицей.

Она быстро покидала в корзинку калачи и замерла у ценника с названием. Имя моего пирога пронзило её. Мгновение она медлила, а затем звонко объявила Аняте:

– Мне вот этих, «горьких», два!

– Тут же сказано: в единственном экземпляре! – буркнула Анята неприветливо, за что полагалось ей, конечно, взыскание. – И на роликах у нас по залу не ездят!

– А мне бы надо два, – расстроилась девчонка, впрочем, сразу придумала выход: – Ладно, попилим! Только можно ещё ценник от него взять? Мне очень надо!

Наверно, она уломала бы Аняту, но тут подоспел «главный бухгалтер».

– Ролики снимите, женщина! – грянула Маргоша, подперев талию кулаком. – Вы нам плитку портите!

Употребить к столь юному созданию слово «женщина» можно было только в пылу неподдельной ненависти. Я понял, что пора проявиться.

– Маргош, не будет ничего с твоей плиткой, – сказал я с самой примирительной интонацией из всех, что были у меня в арсенале. Маргоша взглянула гневно и, задев меня локтем, унеслась в булочное закулисье.

Тут щёки девчонки поехали вширь, распираемые улыбкой.

– Натё вам ценник, – буркнул я, стараясь не сильно вглядываться.

– А вы тут главный, да? Это ваша булочная? – сияла роллерша. – Я так и знала, что не её! – и, победно махнув ценником, укатила.

Ночью, в двенадцатом часу, меня разбудил стук в дверь.

«Костя, открывайте!» – потребовал голос Тузина. В неизменной своей шинели, взлохмаченный ветром, он ступил на порог, держа в руке, как плоску со свечкой, блюдце с разломленным пирогом. Я бессмысленно уставился в сердцевину: вот она, рябинка, шиповник... И в поисках ответа перевёл взгляд на Тузина. Он выразительно поднял брови и кивнул.

Круговорот ягод в природе ошеломил нас обоих.

Наконец я догадался взять у него блюдце.

– Уморили вы меня! – сказал Тузин, плюхнувшись без приглашения за мой походный столик. – Такие вот чудеса, Костя. Сколько бы вы ни нашли на них логичных объяснений – всё равно это Божий промысел! Вы представьте! Нет, вы представьте в красках! – потребовал он. – Влетает Мотя, моя актриса, и протягивает мне вот эту вашу ягодную ватрушку с ценником! На ценнике – безумный текст, а в начинке я с ужасом распознаю мой крыжовничек, калинку, рябинку – всё, чего я вам вчера насобирал! Там у крыжовника на боку было такое родимое пятнышко. Сомнений нет! А дело-то в том, что как раз сейчас мы ставим пьесу, можно сказать, о горьких осенних ягодах! О том, как музы природы, призванные вдохновлять человека на создание произведений искусства, оказываются изгнаны из наших мест! Никакой вам отныне весны, никакой осени! И знаете что, Костя, вы как хотите, а я буду считать, что случайность случайностью, а мы с вами побратались! – с чувством заключил Тузин. – Во-первых, потому что вы этим пирогом засвидетельствовали своё частичное сумасшествие, что лично мне близко. Во-вторых, по-божески обошлись с Мотькой на роликах – она мне рассказала. А могли бы ведь и послать!

На следующий день около полудня сотрудница позвала меня в зал. Меня спрашивал какой-то человек. Я подумал было, что это с ревизией заскочил Петя. Но ошибся.

Худой и стремительный, с цветным салютом, рвущимся из вроде бы серых глаз, мне навстречу из-за столика поднялся Николай Андреич Тузин.

– Ну вот, Костя! Наконец я к вам! – объявил он, распахивая руки.

Я принёс нам кофе и нарезанный ломтями «хлеб погоды» со всем, что можно на него намазать. Хлеб этот, «дождливый» на срезе – со вкраплениями серых семечек подсолнуха, подтверждал сегодняшний прогноз. Уже начало моросить – тёмно-русые волосы моего гостя были влажные.

– Вы один тут у руля? – поинтересовался он, обводя любопытным взглядом стеллажи и витрины. – И как это вы решились? А я так по наивности себе представлял, что порядочные люди в наше время бизнес уж не заводят. Как, интересно, продукты вашей отваги на вкус? – И Тузин, мазнув на краешек масла, приступил к дегустации. Пока он жевал, на его ясный лоб легла забота.

– Что-то тут не так! – сказал он, проглотив. – Мне странно... Мне печально от этого хлеба... – выражение его лица стало хмурым. Внезапно на щеке дёрнулась мышца.

– Ой! – икнул Тузин и, хватаясь за живот, взглянул на меня с детским испугом. – Ой! – согнувшись, поморщился. Третьего «ой» произнести он не успел – его тело утратило тонус, ноги разъехались, руки повисли, голова рухнула на плечо. Без всяких признаков сознания Тузин сползал со стула.

– Маргош! Сюда! – заорал я, хватая в охапку его плечи и голову, и не сразу заметил, что Тузин уже приоткрыл один глаз.

– Будьте любезны мне ещё маслица. И кофейку! Я сразу очнусь – клянусь! – проговорил он слабо и подмигнул. Я разжал вынужденное объятие.

Тузин сел, причесал пятернёй волосы и уставился на меня, как на телёнка.

– Костя, ну вы даёте! Правда, что ли, поверили?

Страшно довольный, что его школьный трюк удался, он уселся поудобнее и вновь принялся за хлеб,

– А в этом хлебе и правда что-то этакое! – сообщил он мне с набитым ртом. – Он грустный! Вы, я так думаю, подмешиваете в тесто молотые осенние листья – вон, у вас во дворе нападало! Подмешиваете или нет?

На ватных ещё ногах я сходил к витрине и принёс ему табличку с «хлебом погоды». В ней стояли сегодняшнее число, температура воздуха, сила и направление ветра, информация об осадках и ниже – цена. Я объяснил ему, что в дождливый день мы выпекаем хлеб по иному рецепту, чем в солнечный, снежный, ветреный или, например, в день ледохода.

– Да вы у нас, оказывается, булочник-метеоролог! – воскликнул Тузин и, упёршись локтями в стол, посмотрел на меня умилённым взглядом – как художник на удавшееся творение. – Вы по субботам работаете или как? – вдруг спросил он.

Я пожал плечами, имея в виду, что с некоторых пор выходные перестали отличаться для меня от будней.

– Прекрасно! Значит, завтра отоспитесь как следует и дуйте к нам на завтрак! – решительно заявил Тузин. – Часиков в одиннадцать сможете? Мы с Ириной вам хозяйство покажем. Только чур никаких булок! Уж завтраком, позвольте, мы вас сами будем кормить!

17

Приглашение на завтрак

Приглашение на завтрак озадачило меня. Ну ладно бы на ужин, на чай! Но, конечно, и завтраку я был рад. По сердцу, правда, гулял саднящий ветерок – я отвык ходить в гости и теперь сомневался в своём благонравии и чувстве такта. К тому же мне было не велено принести хлеб – значит, предстояло явиться с пустыми руками.

В назначенное время я вышел из дому. Мелкий дождик проводил меня до забора Тузиных, а там из калитки уже выглядывал Николай Андреич – праздничный, в распахнутом пиджачке и забавной в контексте деревни белой сорочке. Длинноватые его волосы пропитались дождевой пылью и «дымились», в глазах потрескивал костерок, но белым, как лист, был воротник рубашки. Эту смесь строгости и эксцентричности я отметил про себя с удовольствием. По крайней мере, за завтраком не придётся скучать.

– Ну наконец-то! Я уж хотел за вами бежать! У нас, между прочим, практикуется по торжественным случаям самовар – самый что ни на есть тульский! Простынет – пиши пропало! – воскликнул хозяин и, приобняв меня крылатой рукой, повлёк к дому.

Мы поднялись на крыльцо, и сразу за нами, как занавес, опустился прибавивший силы дождь.

– Ничто так не дополняет уют, как непогода! – сказал Тузин, распахнув передо мною дверь. В лицо повалило блинным духом, и откуда ни возьмись мокрая кошка проскользнула под ногами в тепло. Пока в прихожей я снимал куртку, из кухни вышла хозяйка – бело-розовая и золотая, в шали. Волосы кудрявыми лучами выбивались из косы. На носу и щеках у Ирины обнаружили светлейшие веснушки, позолота прошлой весны. Хотелось потереть их пальцем – сойдут или останутся? В отличие от озабоченной тени, какую я видел в будни, Ирина-воскресная была весела. Улыбаясь, она протянула мне руку, но наше знакомство прервал вылетевший из кухни большой беспородный пёс. Мой визит возмутил его. Он взлаял, шерсть цвета старовесенней глины поднялась дыбом. Ирина решительно взяла его за ошейник и оттащила за дверь. Бунтаря звали на удивление логично – Тузик!

И вот наконец я могу осмотреть изнутри дом, приглянувшийся мне ещё в самый первый приезд в деревню. Это действительно «дворянская дачка» а-ля серебряный век.

В синей гостиной меня усадили на хрупкий диванчик. Думаю, ему было лет сто. Я так и не смог преодолеть музейный пиетет и старался сидеть вполвеса. Ореховая горка, рискованного изящества столик и кабинетный рояль с подсвечниками населяли комнату. Их чинную компанию сбивали с толку фотографии, развешанные по стенам несколько криво – как если бы свежий порыв листобая позабавился с ними, пролетая через комнату.

Крашенные полы и огромные, позванивающие окна сводили на нет мнимый уют гостиной. Я мигом представил, как лет сто назад здесь бывало бедно и холодно. Правда, между шторами проглядывал лес – это значило, далёким обитателям дома хотя бы не приходилось топить книгами.

Тузин разочаровал меня, сообщив, что его настоящее родовое гнездо не сохранилось. Этот дом был выстроен дедом лет сорок назад по образу и подобию скромной усадьбы, бывшей здесь еще при царе. Кое-какую утварь из разграбленного удалось отыскать и выкупить по деревенским домам. Конечно, господский дом стоял не посередине деревни, а в стороне. Это место теперь всё заросло лесом.

– А в Старой Весне крепостные наши жили! – хитро улыбнувшись, прибавил он. – Колины, кстати, предки.

– Ну и нечем гордиться! – сказала Ирина, бросив на меня взволнованный взгляд – не обижен ли я вскрывшимся социальным неравенством? Ведь и мои предки жили в Старой Весне.

– А что, дорогой друг, не желаете ли посмотреть мою мастерскую? – предложил хозяин и с видом самым загадочным распахнул передо мной одну из выходящих в холл дверей.

Как я понял, пространство в доме было поделено на две зоны – тузинскую и Ирину. И если у Ирины в гостиной и на кухне царили ясность и чистота, то на территории Николая Андреича предметы стояли дыбом, некоторые как будто даже застыли в полёте. Под потолком болтался самодельный воздушный змей с подмигивающей улыбкой, а середину комнаты занял раскрытый и подвешенный за рукоять к потолку зонт, полный исписанных бумажек.

– Это что, корзина для мусора?

– Бог с вами! Это мой ежедневник! – возразил Тузин и решительно потребовал: – Тяните на удачу!

Я взял из глубины зонта какой-то мятый листок и прочёл: «Думать о Мотьке! Весну перекроить ей по росту».

– Ага! Ну Мотьку-то вы как раз видели! Это она пирог купила! – обрадовался Тузин.

– И что это значит?

– А я откуда знаю? Сказано – думать! Вот и думайте, примечайте, приглядывайтесь! Так ведь жить веселее!

Я не стал возражать. Мастерская Тузина и правда была полна развесёлого барахла. Помимо книг и папок там нашли приют несколько тряпичных кукол, свёрнутые в трубку афиши, балалайка, мольберт и старинные весы с чашами. Добро хранилось в пыли и тесноте – руки Ирины не посягали на чужую вотчину. Сам же хозяин мастерской был небрежен, сродни тому, как бывает небрежен лес, куда попало бросающий свои листья и шишки. В подтверждение своей мысли я заметил чуть правее зонта две корзины, полные листопада. Думаю, они нарочно были поставлены на ходу, чтобы закопавшийся в содержимом «ежедневника» гость споткнулся и обрушил осень на пол.

– Это вот моё! – сказал Тузин, обводя любящим взглядом комнату. – А Ирина вам своё покажет. Она, как Мороз Иванович, под периной грядки прячет! – и, улыбнувшись загадочно, сказал, что пойдёт на крыльцо греть самовар.

– Какие такие грядки? – спросил я у хозяйки.

– А зимние! – с охотой отозвалась Ирина.

Проведя меня через кухню, она открыла балконную дверь. Площадь маленькой оранжереи, куда мы попали, была метров семь. Никаких «оранжей» в ней не наблюдалось, зато на широкой доске вдоль окна тесно цвели фиалки: белые, розовые и синие всех оттенков – от лазури до грозových туч. Но главное, на полу и правда были устроены две грядки в длинных дощатых ящиках. От них пахло землёй, летним ливнем, тёплой погодой. На одной росли петрушка, лук и укроп, на другой кустики земляники и какие-то чахлые травы – ромашка, мята.

Я нагнулся, взял зелёную ладонь петрушки, растёр и понюхал.

– Нравится? – волнуясь, спросила Ирина.

– Наверно, зимой хорошо у вас тут, – сказал я. – Всюду снег, а у вас – укроп.

– Зимой хорошо! – подтвердила она, кивнув золотой головой. – Это ведь живые витамины! Особенно для Миши! А то у него хронический тонзиллит. И потом, даже не в одних витаминах дело. Вот вы поживёте здесь и поймёте – зимой трудно человеку. Хочется ладони погреть на живой земле. Иногда Коля прибежит – Ирин, дай пополють! Ну выдернет, конечно, половину! – она улыбнулась и, нарвав букет петрушки, протянула мне: – Жуйте!

По ту сторону окон гудел осенний сад. Вдруг на кормушку, закреплённую под окном, скакнул голубь. В первую секунду мне подумалось, что это какая-нибудь домашняя птица, такой толстый, холёный он был.

– Это Тишка! – сказала Ирина. – Вон какой боров! Откормили!

На одной ноге у голубя не хватало лапы. Как я узнал от хозяйки, её отгрызла кошка. («Нет, не Васька, не Васька – что вы! Другая, чёрная!») По этой печальной причине он хромал,

но с другой стороны, не будь у Тишки увечья, Ирина не взяла бы его к себе на иждивение со всеми вытекающими блаженствами жизни.

– Ну запрыгивай! – велела она голубю и распахнула форточку.

Тишка неуклюже порхнул в проём и уселся на картинную раму, висевшую правее балкона.

– Пойдёмте? – сказала Ирина. – Самовар не ждёт. Это ведь вам не чайник!

– Да, – кивнул я, но никуда не пошёл. Не смог сдвинуться с места. Глаза мои прикипели к стене напротив – там, справа от двери, внутри деревянной рамы, на которую вспорхнул Тишка, зеленел холст. Он светил мне в лицо июльским зрелым теплом и за какую-то секунду пробрал меня до мурашек. Простая рамка – как рама окна – открывала зелёное поле с цветами на грубых стеблях – зверобоем, иван-чаем, ромашкой, и в цветах – две фигуры, схваченные порывом радости. Высокая девочка в красном сарафане, подлетев к матери и как бы в невесомости, почти параллельно траве, повиснув в воздухе, обнимала её за шею.

Лиц не было видно, но в летящей девочке я без труда узнал Ирину: её золотую косу и травинку силуэта, надломанную в поясе.

Самое же удивительное: источником света на картине являлись мать и дочь. Никаких нарочитых лучей или нимбов не излучалось ими, но расположение теней твёрдо указывало на них как на солнце. Тепло и цветение летнего дня было рождено не солнечным светом, а радостью свидания.

Я вопросительно обернулся к Ирине.

– Видите, там за полем посёлок начинается, – проговорила она, с нежностью глядя на картину. – Это Горенки, я там родилась.

– А кто рисовал?

– Илюша, мой двоюродный брат. Тёти-Надин сын. Видите, какой художник! Радостный!

Она помолчала, любовно разглядывая свою родину, и прибавила полупшепотом:

– Это вот рай. Там меня моя мама встречает! – и тут же, как из переполненной чашки, из глаз пролились слёзы. Ирина стёрла их пальцами и, взобравшись на низкую табуретку, приложила губами к ближнему краю луга.

– Я иногда подумаю: вот сошью себе красный сарафан и раз – окажусь на этом лугу... Всё не шью! – улыбнулась она и совсем уже поправившимся голосом проговорила: – Пойдёмте к Николаю Андреичу!

Я спустился за Ириной с балкона, таща на сердце нечаянно добытую тайну. Она заключалась в том, что Тузин – такой же баран, как я, раз его жена плачет.

В гостиной хозяина не было. Он возился на дождливом крыльце, уговаривая самовар закипеть. Белые манжеты были в копоты, на щеке красовался угольный штрих. Тузин стал похож на фарфорового трубочиста, изящного и милого в своей несмываемой саже.

– Я вам скажу, это не самовар! Это самодур! – сообщил он мне полупшепотом, как если бы опасался, что самовар может услышать и отомстить. – Кипит через раз! Погоду ему подавай особую! Щепки ему подавай особые! А в прошлый раз топили – так он плюнул в меня, как верблюд! Это вон Ирина с ним как-то договаривается. Ирина Ильинична, иди, разберись, Христа ради, с верблюдом! Нет у меня таланту!

– Не прибедайся! – сказала Ирина. – У тебя в театре табуретки пляшут и гитары стреляют стрелами! – и, сев на корточки перед столом, заботливо поглядела в лицо самовару.

– Так то в театре! А здесь – твоя вотчина! – с улыбкой, предназначенной больше мне, чем жене, возразил Николай Андреич.

Ирина не отозвалась. Она ломала лучинки и бережно, как птенца, кормила ими обиженный самовар.

Я спустился на пару ступеней и зажёл сигарету. Ветер, сырой и душистый, внёс смятение в ряды дождя. Скоро над головами рябин и яблонь явилась просинь. Рваные водяные выстрелы ещё срывались с ветвей, одна такая пуля затушила мне сигарету. Что я делаю здесь, у чужих людей? Где все мои? Или мне снится?

Пока я курил, самовар, умасленный Ириной лаской, вскипятит воду. Гул и звон водяного пара приглашал нас к трапезе. Туляка внесли в дом и приземлили на стол. Настал мой звёздный час – на два голоса хозяева принялись угощать меня чаем, блинами, мёдом и всеми вареньями, на которые звали Колю. Так что, можно сказать, я поквитался с моим соседом в один присест.

За завтраком без напряжения и заминок мы с Тузиными обсудили особенности старовесенного климата, плюсы и минусы дизельного отопления и прочие вопросы загородного житья. Говорили о сомнительном качестве местной артезианской воды, перенасыщенной железом, и о несомненной пользе воды из родника, и даже о канувшей в землю речке Весне, которую, оказывается, ищет Коля.

Время двигалось к обеду. Остыл самовар, Ирина ушла на кухню поставить чайник. Мне давно пора было откланяться, а я всё сидел, ел варенье – лишь бы не идти на осенний ветер, не отпирать бытовку, где нет и не будет никого, кроме меня.

Чтобы моё присутствие выглядело оправданно, надо было срочно за что-нибудь зацепиться, и я зацепился за рояль.

– А инструмент – как, рабочий? Я так чувствую, ему лет сто? – спросил я.

– Больше! – с гордостью отозвался Тузин и, присев на табурет-вертушку, наиграл очень знакомый вальс. Музыка пахла стариной, свечами, печёными яблоками и, как всякая старинная вещь, была с щербинками.

– У меня есть друг, – сказал я, когда Тузин, лихо закрутив вальсок, вернулся к беседе. – Он сейчас занялся бизнесом, а вообще он музыкант. Он ещё очень хорошо настраивает инструменты. Хотите, он вам рояль настроит? Заедет ко мне как-нибудь, и я его попрошу.

– Ни в коем случае! – испугался Тузин и, распахнув руки, обнял свой рояль, словно желал защитить его от посягательств. – У меня тут ре во второй октаве – как рябь на воде! И фа диэз у меня западает, вы слышали – такой перебой пульса! Если всё это исправить – что останется? Старинный инструмент может от настройки потерять себя! Вообразите, Костя: давайте мы вас настроим! Накрутим вам, где надо, друзей полезных, подтянем жизненный план! Как, согласны? Не дам рояль! – рявкнул он и засмеялся, увидев моё растерянное лицо.

Тут в прихожей зазвенел колокольчик – это вернулся с гулянья сын Тузиных Миша. Ирина кинулась встречать его. Раздевшись, Миша вошёл к нам, не церемонясь нисколько, разорил стол и с полным подносом утопал наверх. Он был совсем не похож на Ирину и лишь немного – на Тузина. Крепенький розовощёкий барчук. Ирина отнесла ему чаю.

Теперь уж точно пора было знать честь. Прощаясь, я выразил Ирине восхищение её домом и переборщил. «Это гостям интересно, – проговорила она с грустью. – А мне давно уж хочется большого прочного дивана, хочется стены жёлтенькие или кремовые. В такой-то поживите сине!»

Наверно, это было невежливо, но я кивнул, соглашаясь с нею. Хрупкие предметы, белый воротничок, шаль, – весь их продуваемый дореволюционный быт вдруг показался мне неральным, ещё менее жизнеспособным, чем мой сарай.

Спустившись с крыльца, я пошлёпал по мелким лужам дорожки. Тихо скользило надо мной небо, настоящее осеннее – волнистое и какое-то отрадное, душистое, как яблоко с холода. Как-то странно было у меня на душе. Ирина ли смутила меня своими слезами, или весь их наследный дом-музей оказался мне не по плечу?

Пока я отгибал на калитке служившую замком проволочку, Миша в окне второго этажа приложил к стеклу ружьё и расстрелял меня на прощанье.

18

Кто клюнул на хлеб

Теперь Николай Андреич часто забегал за мной вечером и волок в гости. Не знаю, делал ли он это из жалости к моему одиночеству или правда был рад «соседу-помещику», с которым приятно обсудить погоду и урожай.

Вскоре он и сам стал навещать нас в булочную в перерывах между репетициями. Ему нужен был пирожок с кофе и десять минут дружеского внимания. В городском Николае Андреиче не было и следа старовесенней меланхолии. Он выглядел собранным и стремительным, больше того, зримо блестел, бликовал, как хрустальная люстра. В нём горела новая пьеса в тысячу ватт.

За пирожком его непременно озаряло парой строк, но он не прятал их в книжечку – она и так разбухла от великих находок.

– Дайте-ка мне что-нибудь писчебумажное. Вон хоть пакет! – требовал он, и Анюта несла ему плотно сложенный бумажный пакетик, в какие мы клали хлеб. Тузин задумывался на миг и чиркал на его шуршащей поверхности что-нибудь в рифму.

Однажды девушка, пившая чай за соседним столом, спросила:

– А можно и мне «листок»?

На следующий день я поставил у витрины корзину с бумажными пакетами и цветными карандашами, а над корзиной приколол рисунок Тузина: человечек с чашкой чая и карандашиком глядит в потолок, поджидая музыку. Тузин отлично рисовал человечков!

С тех пор мы стали находить на столах приветы, рисунки, отзывы и предложения – что печь, какую музыку включать и не пора ли завести доску объявлений с кнопочками.

Как-то раз ко мне в кабинет зашёл представитель творческого объединения, названия которого я не запомнил.

– Предлагаю вам сотрудничество, – сказал он. – Мы могли бы, скажем, по субботам устраивать у вас поэтические мастер-классы!

Я честно объяснил представителю, что не собираюсь превращать булочную в клуб. Напротив, мне бы хотелось, чтобы к нам почаще заходили старики и покупали недорогой хлеб. У нас на видном месте стоит лоток с бюджетным, но безусловно хорошим хлебом.

– Я вас понимаю! – сказал представитель, пожав мне руку. – Придётся проводить мероприятия несанкционированно!

И в самом деле, по субботам к нам в булочную стало являться человек шесть студентов. Тишайшим образом они сдвигали столики, брали на всех пирогов и чаю и сидели не менее трёх часов, распространяя по булочной пронзаемое возгласами бормотание.

– Вы, Костя, сами виноваты! – потешался надо мною Тузин. – Поэты – из ваших буханок и саек! Стихи сидели у вас в натуре не проявленные и пошли в хлеб! А на поэтический хлеб, естественно, клюнули стихотворцы!

Помимо поэтов на хлеб активно клевал весь творческий коллектив Николая Андреича. Мотя же и вовсе являлась каждый день, брала пирог и чай и, прилёгши головою на столик, отдыхала от перевоплощений.

Как и положено радушному хозяину, я иногда подходил к ней и спрашивал, понравилось ли ей наше сегодняшнее «Солнце минус два» или «Около нуля, ветрено». Мотя озарялась будничной улыбкой Пеппи Длинныйчулок и всегда отвечала честно. Однажды она заявила, что если ещё хоть раз унюхает лавандовый хлеб, больше ноги её не будет в булочной, поскольку от лаванды у неё разыгрывается тоска. Я был потрясён Мотиной наглостью, но всё же убрал лаванду подальше.

Вскоре она завела привычку оставлять в корзине для отзывов записки и рисунки. Под конец рабочего дня я перебирал хрустящие пакеты и, отыскав Мотин, разгадывал лёгкие ребусы. Вот девочка в треугольном платье, с веником на голове, на гигантских клоунских роликах – стремится в избушку с трубой. А рядом с избушкой, пошатнувшись, стоит Пьеро с гигантской бутылкой, глаза его уставлены в пустоту, а на бутылки наклейка – брат Юра. Из её «комиксов» я узнал, что живёт она бедно и беспризорно, но не расстраивается, потому что верит в свой дар.

Мне нравилось наблюдать, как она обживает у нас, по-детски осваивает игровое пространство. Начать с того, что Мотиными усилиями под окном булочной прижился голубь цвета грозных туч. Мотя выдрессировала его посредством свистка и крошек. В отличие от Иринино разгильдяя Тишки, этот голубь зарабатывал свой хлеб интеллектуальным трудом. Он должен был стукнуть в стекло три раза – после чего Мотя вспрыгивала на подоконник и через щель откидной форточки сыпала герою крошки.

Регулярное присутствие за стеклом «помоечной» птицы, а главное, помёт на карнизе приводили Маргошу в состояние чистейшего бешенства. Она ловила меня, за локоть подвизывала к окну и требовала принятия срочных мер.

Я, как мог, старался хранить нейтралитет. Но тут Мотя задумала расширить ассортимент фокусов и пришла с мышкой – крохотной серой полёвкой. Мотя, правда, уверяла, что это породистый экземпляр. Она носила свою попку во внутреннем кармане куртки и кормила с ладони крошками, а однажды выпустила на стол.

Полёвка в булочной! Само собой, это была «подстава», конец репутации. Мотя, однако, считала иначе. Мышь – тоже житель планеты. Она питается тем же хлебом, что и мы. Кроме того, традиционная булочная никак не может обойтись без мышей, жарко убеждала она меня. В конце концов, мне пришлось согласиться, что одна воспитанная карманная мышь не может повредить нашему заведению.

К тому же я помнил, что создавал булочную как раз для таких существ, как Мотя. Есть множество мест, созданных для Маргоши. Для Моти не работает почти никто. Если я не поддержу её – булочная утратит свой смысл.

Когда Маргоша, толкая перед собой перепуганную уборщицу, заявила, что персонал отказывается трудиться в помещении, где есть мыши, я ответил ей строго:

– Мышь чистая. Покупатель имеет право носить с собой чистую мышь.

– Кто покупатель? – отослав уборщицу, зашипела Маргоша. – Этот цирк на колёсах? Всё плакал – семья, семья! А сам? И нашёл-то кого!

Я всегда ценил Маргошину прямоту, но на этот раз мне словно дали под дых булыжником. Я спасся в пекарне и поклялся не разговаривать с ней по меньшей мере недели Две.

Но хлеб пёкся, излечивая мою обиду. Болтал без умолку весёлый пекарь Антон. К вечеру я простил Маргошу, больше того, испытал прилив благодарности за своевременную оплеуху. В самом деле – лучше бы поискал способ вернуть семью, а не валял дурака, защищая эксцентричных девиц!

Одурманенный Маргошиным ядом, я предал Мотю легко и несколько дней намеренно не выходил в зал. А когда снова вышел – мне больше было не на кого взглянуть. Мотя не появлялась – ни днём, ни ночью, ни на роликах, ни босиком. Однажды вместо неё к нам зашла бродячая псина и улеглась под столик, но уборщица вымела её шваброй.

19

Лавка чудес

К декабрю сруб был готов. Завесив оконницы и скелет крыши рубероидом, строители уехали. Я остался один на участке. Мимо моего не родившегося ещё дома, мимо других домов и изб я прогуливался перед сном, сливаясь душой с чернотой осенней ночи. Иногда мне встречался, точнее, слышался сосед Коля. Он пошныривал вдоль забора, гремел поленницей, над штакетником поднимался дымок. К десяти окна в его домике гасли. Коле снилась куча страшных еловых снов. Он пробирался через них, как сквозь чашу, иногда и с воплями, и по утрам бывал мрачный, исцарапанный о ветки сна. Мне и самому начинало казаться, что моя жизнь тормозит о лесные сучья.

Зато по утрам, запирая перед отъездом ворота, я имел удовольствие перекинуться парой слов с женой Тузина, провожавшей сына в школу. «Доброе утро, Костя!» – кивала Ирина, укутанная поверх пальтишка в шаль – как сказочная Алёнушка. Я подходил и смотрел, как, фырча, отдаляется и меркнет в тумане низины Сивка с Колей и Тузиным-младшим. Тем временем поднималось солнце, и мы с Ириной, неумышленно встретив восход, разбредались по своим делам. Что касается Николая Андреича, он никогда не вставал рано, так как по ночам имел обычай караулить музу.

– Совсем одурел со своей пьесой! – пожаловалась однажды Ирина и с тоской поглядела вдаль – там над полем летела птица. – Приезжает то в двенадцать, то в час! Как вы считаете, Костя, это порядочно?

Её вопрос застал меня врасплох. Бог его знает – порядочно или нет? Когда Тузин, забыв про кофе, принимался строчить в свою книжечку, я охотно верил, что в двух часах сценического времени заключено спасение человечества. Такое в эти секунды у него бывало лицо.

– Он ведь что-то важное создаёт, – сказал я.

– А это что, по-вашему, повод, чтобы мы с Мишей сидели одни?

Я пожал плечами и, отвернувшись от её удивлённого взгляда, хотел идти к машине, как вдруг – мгновенным озарением – понял, что не желаю больше сторониться, беречь свою чёртову гордость. Напротив, хочу влезать, вникать, выяснять, понимать, открываться, пусть даже и вляпываться! Глупо надеяться, что равнодушные – такое сплошное, что я до сих пор не заглянул к Тузину в театр, хоть он и звал меня раз сто, – оставит мне хоть малый шанс на возвращение моих.

В булочной я с трудом дождался одиннадцати часов – времени, когда, по моему мнению, уже можно звонить соне Тузину. Вышел в подмороженный дворик курить и, вызвав его номер, без предисловий ляпнул:

– Николай Андреич, пригласите меня на репетицию!

Тузинская лавка чудес располагалась в здании кинотеатра советского образца. Пройдя мимо пустого вахтёрского столика, я оказался в фойе, отчасти напоминавшем домашнюю мастерскую Николая Андреича. По стенам пляшут бубны, дудки и тряпичные куклы, топорчатся клочки афиш. Тем ошибочней казалась царившая вокруг тишина.

Правда, через пару секунд в отдалении ударили шаги, и с лестницы скатился паренёк со свёрнутым в трубу ковром под мышкой.

– Подскажите, а где бы мне найти Тузина Николая Андреича? – ринулся я к нему.

– Он в кубрике! По лестнице, направо, в торец.

Поглядывая по сторонам, я дошёл до конца коридора и упёрся в обитую красной тканью дверь. На ней так и было написано – «Кубрик», белым по кумачу.

Я думал, за волшебной дверцей окажется зал, но, как выяснилось, Кубриком именовалась гримёрка, чулан с закопчённой прорезью окна под потолком. Завидев меня, Тузин вскочил с табурета и распахнул руки. Он был в рубашке, белейшей и лёгкой, как мука высшего сорта. Манжет по-школьному запачан синей ручкой.

– Видите как – всё отменилось! – воскликнул он сокрушённо. – Должны были под вечер ещё раз прогнать, но Андрей Ильич позвонил – плохо себя чувствует. Отложили на завтра.

– Что за Андрей Ильич?

– Ну как же! Самый главный человек! Предводитель всего этого огорода. Чудный, чудный старикан! Без него была бы здесь одна дрянь, как везде. А он держится, не пускает. Да, Костя, у нас тут вольница – денег нет, зато по совести. Мы, извините за пафос, до сих пор причастны искусству! Идёмте-ка, раз нет репетиции, хотя бы покажу вам хозяйство! – И Тузин, торжественно улыбаясь, распахнул передо мною дверь.

Хозяйство у них было и впрямь не богато, но весело и обихожено. Заглянув по пути в гардеробную комнату, набитую несметным количеством барахла, мы прошли за кулисы и вынырнули на сцену. Нам открылся небольшой уютный зрительный зал. Вплотную к первому ряду был придвинут буфет с посудой и стоячая вешалка для пальто, полная старомодных зонтов.

– Вот это и есть мой ускользящий дом! – объявил Тузин и спрыгнул со сцены в пустой партер.

Ускользящий дом! Мне вспомнились Иринины жалобы.

– Николай Андреич, а может, ваш ускользящий дом – в Старой Весне? Просто вы ещё не заметили, что он ускользает, – ляпнул я со сцены и, помолчав, неловко прицепил оправдание: – Вы не сердитесь. Я это говорю, потому что сам...

Тузин поморщился и жалобно взглянул снизу вверх.

– Костя, милый, о чем вы? Николаем Андреичем у нас дома именуется приспособление для замены перегоревших лампочек! Ну ещё воду на мне возить можно. Там любой голубь дороже меня! Я уж молчу о благополучии кошки и сердечных нуждах пса! Каждый Мишин чих приравнивается к атомной войне, а когда у меня постановка разваливается – это мелочь, не достойная упоминания.

– Ну хорошо, – сказал я примирительно и спрыгнул вниз. – А здесь-то что ускользящего? Театр как театр. Хороший, видно, что всё с любовью...

Тузин снял с вешалки зонт и, распахнув над головой его синий круг, таинственным полусшёпотом произнёс:

– Вы просто никогда не задумывались об этом, Костя! Вдохновение и красота оставляют людей! И я должен об этом свидетельствовать. Таково моё предназначение. Понимаете? – и, перейдя на полный голос, заключил: – А теперь судите сами, кто тут прав!

Мне стало стыдно, что я влез.

– Ладно. Пойдёмте, покажу вам буфет! – сжалившись, сказал Тузин.

В небольшом кафетерии пахло передержанным кофе и не было ни души, если не считать рыжей собаки и белой кошки, полезших к Тузину целоваться. Отбившись, Николай Андреич прошёл за прилавок и включил чайник.

– Я ещё в области иногда ставлю, – сказал он. – Конечно, деньги никакие. Ну а много ли надо? Ведь по сути я графоман. Театр – моя тетрадь. В ней пишу, что душа попросит. Хорошо мне! – и печально улыбнулся.

– Хорошо вам, – согласился я. – А вот булочник не может быть графоманом. Если люди не съедят его хлеб, он заплесневеет. Придётся его выбрасывать, а это грех.

– Вообще-то если люди не съедят спектакль, он тоже заплесневеет, и, естественно, придётся его выбрасывать! – сказал Тузин. – Так что насчёт греха, это вы верно заметили. Вот помру, и спросят: зачем ты в театр таскался? Кого согрел? В ком совесть потревожил? И пустят передо мной огромную чёрную реку – вот, мол, сколько времени зря пожёл!..

Он вздохнул и, сев на корточки, погладил собаку, нырнувшую мордой под ласковую ладонь.

– Ну вот... А я и отвечу: как это – зачем таскался? А как же нищие животные Мурка с Белкой? Кто им вкусенькое носил? Кто с ними жил в любви и уважении? И придут Белка с Муркой и заступятся за меня. Посмотрит Вечный Судия и подумает: а ведь верно! Это он молодец! И простит.

Чайник закипел, но Тузин о нём не вспомнил. Мы вышли из пустого буфета. Почти без надежды я поглядывал по сторонам – нет ли Моти? Мне давно уже хотелось покаяться перед ней, что я сдал её Маргоше вместе с полёвкой.

– Николай Андреич, а где Мотя?

– Да где-то шлялась. Может, ушла, – проговорил он, мельком оглядев холл, и взял в гардеробе пальто.

Мы вышли на потемневшую, не убранную ещё снегом улицу. Ветер пробил мою куртку насквозь – мне хотелось домой, но, похоже, впавший в меланхолию Тузин собирался ещё пообщаться.

– А ведь ей уже двадцать три! Образования толком нет, ничего нет, кроме дара, – рассказывал он, пока я протирал замызганные зеркала машины. – Прикатили вдвоём с братом с Дальнего Востока. К вашему счастью, Костя, вы не знаете, что такое юный артист из провинции. Они цыгане. У них крепкое здоровье, они могут много пить, мало спать. Их не тянет создавать дом, потому что дом для них – это густонаселённый бардак. Мало кто из них может похвастаться счастливым детством. В общем, тут своё... Если б я мог что-то сделать для неё, но вы видите, я сам бедствую! – Тузин качнул головой, но уже в следующую секунду встрепенулся: – Нет, вы гляньте! Легка на помине! – воскликнул он, заметно оживившись, и замахал выскочившей из дверей Моте.

На ней были короткая мотоциклетная куртка, джинсы, а в темноглазом лице – та же сосредоточённая готовность к полёту, что бросилась мне в глаза при нашей первой встрече. Увидев нас, Мотя сунула руки в карманы и, вольно приблизившись, остановилась в паре метров.

Я бросил в салон тряпку, которой вытирал зеркала, и встал навтыжку.

– Я думала, ты булочник, – начала она с места в карьер. – А ты просто менеджер, да? – и подняла глаза. Ни зла, ни особой насмешки не было в них – скучная констатация факта.

– Само собой, – согласился я, из-за стука крови в башке плохо различая свой голос.

– Ну а вы не обижайтесь! – влез Тузин. – Тем более что ведь заслужили? Вы меня сегодня тоже правдой-маткой огрели. Я-то ведь не обиделся! Давайте-ка, миритесь, жмите руки! – Он уже было взялся выковыривать из кармана Мотину ладонь, как вдруг в недрах шинели запел звонок.

Тузин достал телефон и, сделав нам знак – мол, сейчас вернусь, – отошёл в темноту.

– А мне так у вас было тепло, вкусно, – сказала Мотя, проводив взглядом его отдаляющуюся фигуру. – Зайдёшь, подремлешь в раю... Мы в такой дыре живём с Юркой, как гастарбайтеры! А твои дуры взяли и устроили фейсконтроль. Это подлость вообще-то – позволять своей продавщице выбирать угодных и неугодных. Хороший человек и бомжа пустит, и собаку, а не только мышь. Они и на старух у тебя косо смотрят – не замечал? Подавай им модную публику!.. Дай папироску! – перебила она сама себя и протянула руку – тоненькую в толстом манжете куртки. Я вынул пачку. – И мне так обидно! – проговорила она, закурив, как заплакав. – Открыл булочную, которая похожа на настоящую, а оказалось – та же липа, что и повсюду!

Я понятия не имел, как отринуть это ужасное обвинение. Вдруг Мотя насторожилась.

– Погоди-ка! – шепнула она, приглядевшись к застывшей неподалеку фигуре Тузина.

Что-то и впрямь было не так: он стоял, взявшись правой ладонью за голову, в левой держа телефон.

– Пошли! – скомандовала Мотя и рванула вперёд.

В темноте было не разглядеть перемены в лице Николая Андреича, но я никогда не забуду его осипший голос, которым он твердил в трубку: «Нет. Нет-нет... Нет, нет!..»

Сея, как дождь, это слово, он двинулся к театру. Мы с Мотей переглянулись и дружно пошли следом.

Две или три минуты он стоял у стойки гардероба с телефоном, прижатым к уху, свободной рукой схватившись за лоб и зажмурившись. Его собеседник говорил и говорил – взалёб.

Наконец Тузин открыл глаза и, наморщив лоб, как от боли, произнёс в трубку:

– Об этом не беспокойтесь. Всё сделаем.

– Что?! – крикнул я, почти не сомневаясь – что-то стряслось в Старой Весне.

Он только махнул на меня и выбрал в мобильном номер.

– Алёша! – прохрипел он в трубку. – Алёша! Андрей Ильич умер! Увезли с инфарктом – и всё! Что нам делать? Что мы будем делать, Алёша?

Видно, тот Алёша не смог ответить ему ничего вразумительного. Тузин прижал кулак с телефоном к носу и ошеломлённо оглядел весёлые стены фойе: смеялись куклы, плясали клочки афиш. Судорожно забрал воздуху, сел на банкетку и, ткнувшись в кулаки, зарыдал.

В тот вечер, чувствуя неспособность управлять транспортным средством, Тузин бросил свою машину у театра и поехал домой со мной.

При въезде в Отрадново мне пришлось затормозить и прижаться к обочине. Навстречу нам из берёзовой рощи, как из сна, тянулись оранжевомордые грузовики. Я опустил форточку и выглянул – крепкий дух столичных трасс проник в салон. Грохот и лязг проползающих мимо «КамАЗов» подействовал на меня, как тяжелый рок; я нажал на газ и свистнул по обочине впритирку к колонне.

– Откуда ж столько? – проговорил я, когда мы вырвались на простор, но Тузин меня не слышал.

– Последний честный человек! Последний! – вскрикивал он сокрушённо. – Костя, как жить дальше? Кто будет всё это тащить? Теперь – всё!

Даже сваленные под холмом штабеля жёлтой сетки и невесть откуда возникшая бытовка с охранником не произвели на него должного впечатления.

– У Коли, у Коли спросите. Это их, сельское... – включился он на миг и снова канул в своё несчастье.

Когда я вернулся в тот вечер домой, у моего забора толклись двое.

– Хозяин, домик не сдаёшь? – спросил один, молодой и сухощавый, с невидимым во тьме, но, очевидно, нездешним лицом.

– Какой домик?

– А вон! – плавным движением руки-лозы он указал на избушку.

Я тупо смотрел на них.

– Ты пусти! А мы тебе снег чистить будем. Дорогу.

– Тут работа у вас будет, – вступил другой, постарше, с явным уже акцентом.

– Какая ещё работа?

– Много работы!

– В полях что ли?

– В полях, везде. Много будут строить! Стадион тут, всякое...

– Хозяин, снег будем чистить! – заунывно проговорил первый и опять вытянул гибкую ветвь в сторону домика.

Тут что-то рухнуло во мне. Я их послал. Они переглянулись и волшебным образом истаяли во мраке.

Я отпер дверцу бытовки, включил обогреватель на максимум и свалился на кровать. Бестолковость прожитых эпизодов доконала меня. Что за бред! Тебе надо к своим. Просто прийти – кратчайшим путём. А вместо этого ты разворачиваешь жизнь, как карту, и ищешь обходные пути, да такие, чтобы никогда не дойти до цели.

Я уснул, не наведя в уме никакого порядка, а утром, выйдя на улицу, увидел зиму. Она прожгла меня резким солнцем. Снега не было, но тёплые со сна ладони почувствовали жёсткое рукопожатие «минуса». Вчерашняя сумятица, местами трагическая, отступила перед видом долин, скованных солнечным холодом.

За калиткой я встретил Колю. Он стоял у спуска с холма, сунув руки в карманы штормовки. Зимний ветер бил ему в лицо, вздымал редущие волосы.

– Николай там в грусти. Беда у них, слышал? – сказал он.

Я кивнул.

– Колянчик, а что за сетку там привезли, не знаешь? Сельхоза, что ли?

Он мотнул головой и посмотрел на меня с тревогой. Не сказав ни слова – одним переглядом, – мы обменялись мыслями и, докурив, разошлись.

Проведывать в тот день Тузина я не осмелился.

20

Как я торговал с лотка и остался без ночлега

Понимая, что ни со смертью Тузинского худрука, ни со штабелями сетки поделаться ничего не могу, я решил заняться тем, что в моей власти. Мотины слова о том, что моя булочная – «липа» и сам я – «менеджер», жгли меня. Я больше не чувствовал себя булочником – с меня сорвали погоны.

Два ближайших дня я потратил на переустройство нашего заведения. Для начала дал разгон девицам – Маргоше с Анютой. Затем купил на строительном рынке простую и симпатичную конуру и поставил её с чёрного хода. В неё сразу же забрели две собаки и уснули, как мёртвые, будто век шатались по дорогам. Наконец, мною был затеян пересмотр ценовой политики, в результате которого дешёвый хлеб подешевел ещё. Маргоша рвала и метала, писала даже заявление об уходе, но я выдержал бой.

Когда меры по искоренению «липы» были предприняты, я отправился в театр – сообщить о них Моте и угодил на похороны. В небольшом скоплении людей у ступеней театра я нашёл Николая Андреича. Он был синеват, помят и заплакан. Горло закутано в шарф. Глаза пусты. Заговаривать с ним не имело смысла.

Нашёл я и Мотю, но она отвернулась, заметив меня. В этой солнечной скорби и холоде я не видел возможности сообщить ей, что всё исправил, пусть приходит со своей мышью. Постоял ещё пару минут и пошёл в булочную.

А затем на востоке вырос сплошной материк облаков. Его синие горы двигались прямо на нас. Я то и дело выходил на улицу – проверить, долго ли ещё ждать, и под вечер застал мгновение, когда, набравшись сил, зима рванула облачную обшивку и на землю густо полетел снег.

В штормовом переломе мне всегда видится шанс к возрождению. Стемнело понемногу, и я подумал, что ничего не потеряю, если, воспользовавшись снегом как декорацией, вернусь к истокам.

Я просверлил в деревянном лотке дырки, продел верёвку и, накинув на шею, ринулся в жар пекарни за свежим хлебом. Пусть меня разжаловали из булочников, зато теперь я – «лотошник»!

Маргоша поймала меня в коридоре и обсмеяла, конечно, мою затею, но возражать не стала, узрев в ней потенциал рекламной акции.

Благоухая хлебом, как цветущая липа – мёдом, я вывалился в метель и орал, словно древний глашатай, перекликая ветер: «Русские калачи! Только из печи! Налетай, пока горяченькие!» – и прочую архаическую банальность.

И что бы вы думали, – налетали! Поначалу это были снежные хлопья – они шли андерсеновским роем, целуя и остужая корочку. А затем повалили дети и старики, подвыпившие мужики, усталые после работы женщины. Я был счастлив! Я чувствовал себя частью театра, частью Моти и Тузина, частью большой счастливой зимы. Одиночество провалилось к чёрту. Думаю, я испытал то самое чувство, которое именуют «соборностью», – когда люди объединяются под радостной сенью смысла и вместе постигают то, чего не схватить поодиночке. Хлеб летел, и мне хотелось расцеловать каждого, кто изъявлял желание попробовать наш калач.

С пустым лотком и карманом мелочи я бежал в пекарню за новой порцией и взмокший, распахнутый снова выходил в дымящийся снегом космос. От метели и лоточного бенефиса голова кружилась всерьёз. Я чувствовал – это и есть высшая точка моего наследного ремесла. Идеальный миг, когда самое время возникнуть Майе!

Должно быть, моя судьба стояла поблизости, потому что буквально через минуту я стал жертвой её дружеской шутки.

Я как раз перетряхивал калачи на лотке, когда сзади на меня налетел человек-шквал. Одна рука крепко обхватила плечи, другая легла на глаза. Сердце ухнуло на какую-нибудь долю секунды и сразу распознало подлог – нет, не Майя, конечно! Это была пахнущая сигаретами мужская ладонь.

Я вывернулся и глянул: румяный, бешеный, как метель, Петя от души веселился над моим изумлением.

– Ну, брат, с тобой не соскучишься! А булочная что, прогорела? Имушество с молотка? – приветствовал он меня и, схватив калач, рванул зубами клочок. – Я по делам тут! Думаю, дай заеду, красавицей моей полюбуйешься!

– Какой ещё красавицей?

– Тачку мою будешь смотреть или нет?

Я быстро раздал остаток хлеба и, взяв лоток под мышку, пошёл с Петей к парковке.

На краю площадки, под фонарём красовался новёхонький внедорожник гламурной марки. Он был так безупречен, что его хотелось загнать в гараж и беречь. Я не понимаю смысл джипов, которые жаль царапать.

– Как ты ездить-то на нём будешь? – посочувствовал я.

– Да уж как-нибудь! – успокоил меня Петя. – Вот ещё часы себе купил! В пару к машине. Размахался, конечно, но, знаешь, так захотелось – на счастье! – и, ступая в круг фонарного света, сдвинул рукав куртки. На запястье и правда посверкивали какие-то часы.

– Противотанковые? – сказал я, разглядывая мощный корпус.

Поняв, что невежество не позволит мне оценить марку, Петя вздохнул и опустил рукав.

– Погреться-то пустишь?

В булочной Петя сел за свободный столик и, сняв куртку, остался в чёрной водолазке, простой и безукоризненной, как всё, что он носил. Взглядом заезжего принца окинул наш скромный приют.

– Ладно, ничего вроде. Только слякотно. Уборщица-то где? – и вдруг резко переключился: – Я ведь к тебе по твоим, между прочим, делам!

– По моим? – удивился я.

– А ты думал, я так сюда пёрся, тачкой похвастаться?

– А что, нет?

Он усмехнулся и посмотрел в застланное крупным снегом окно. Лицо его вдруг сделалось мягким, словно бы виноватым.

– Вот думал – надо ли тебе говорить? Решил, что надо... Тут ведь знаешь, с кем я имел беседу?

Я взглянул вопросительно.

– С Кириллом! – сказал он и помедлил, ожидая моей реакции. – Мама у него рецепт забыла. Так он сам звонит и говорит: Елена Львовна, а может, ваш сын заедет, или я даже могу с ним где-нибудь пересечься, если заезжать неудобно.

– Ну и как, пересеклись?

– Я на работу к нему заскочил. Рецепт, естественно, предлог. Не буду тебя грузить подробностями, но идея такая. Ему хочется докопаться, такая ли ты скотина, как представилось поначалу, или всё-таки он ограбил порядочного человека. Его это мучит – вот в чём прикол! Всё выпытывал, хороший ли ты друг.

Я почувствовал наплыв безмерной усталости и подпёр голову ладонью. Не так давно, где-то пару недель назад, в телефонном разговоре мама сказала, что Кирилл расспрашивает обо мне. Когда заходит за Лизой – обязательно что-нибудь да спросит. Где я учился, с кем дружил,

как меня занесло в хлебное дело. А однажды даже напросился посмотреть мои детские кактусы. «С какой радости ты его принимаешь? – набросился я на маму. – Из-за него я болтаюсь в космосе! В ледяной пустоте! И неизвестно, сколько мне ещё бороздить галактики! А ты пускаешь его в дом да ещё выбалтываешь личную информацию!»

«Он адекватный, уважительный человек, в отличие от тебя. Я привыкла относиться к уважительным людям по-человечески», – возразила мама, и я дал отбой. Правда, накурившись вволю, перезвонил.

– Вот именно поэтому, – сказала мама, услышав мой голос, – Кирилл – с твоей семьёй, а ты «бороздишь галактики»!

Помню, в тот же вечер я хотел поехать к нему и выяснить напрямик – с какой целью он интересуется моим хлебом, кактусами и друзьями? Но мне не хватило злости.

Из часто открываемой двери дуло мокрым снегом. Покупатели приносили с собой густую и скользкую, истинно зимнюю слякоть. Я поёжился и оглянулся – где, и правда, уборщица?

– Ну ты чего раскис? – спросил Петя.

– Всё равно я проиграю, – отозвался я. – У меня нет оружия его уровня. Подумай, чем я воюю? С самого начала и по сей день – деньгами, материальными ценностями. Булочная, дом на природе – всё то же, что и раньше, хотя давно уже знаю, что Майю этим не купишь. А у него – оружие высшего порядка. Чистая жизнь, неспособность к ненависти. Он с таким добром не шевельнув мизинцем меня побьёт. Ну серьёзно, чувствую себя дикарём – с топором на летающую тарелку!

Петя выслушал меня, не перебив.

– Я тебя понимаю! – сказал он сердечно. – Сам знаешь, какой дрянью я теперь занят, но тебя понимаю – правда. Действуй! Переквалифицируйся в праведники! Я считаю, если есть цель – жми до победного. Отдай всё, живи в шалаше – но победи!

– Я и так живу в шалаше! – усмехнулся я.

Мы вышли на улицу. Петину машину укрыло кружевом снега. Он нежно смахнул его щёткой.

– Петь, спасибо за всё! – сказал я, и он укатил.

А я пошатался ещё, припоминая солнечное утро, траур и как отвернулась от меня Мотя. Припомнил затем и лоток с калачами. Снежная кутерьма совсем засыпала мне мозги. Пора было ехать, закручиваться в чёрный, вьюжный коридор леса.

А когда, припарковавшись на свежем снегу, я вышел закрыть ворота, до моих ушей долетел стон – тоскливый скрип, идущий из глубины участка.

Я взгляделся: это пела, раскачиваясь, сорванная с верхней петли дверь бытовки. При ближайшем рассмотрении выяснилось: следы вели к ступенькам не от калитки, а со стороны леса. Их было много. Мне показалось – целый полк.

Помедлив, я взошёл на две ступеньки и включил свет: выстуженная комнатка была полна мокрой грязи. В грязи этой мне почудился запах южного базара, разбитого и скисшего арбуза.

Беглый осмотр показал: незваные гости экспроприировали ноутбук, электродрель и ещё по мелочи. Но главное, они выволокли обогреватель, которым отапливалась бытовка. Я закрыл дверь, надеясь, что тепло вернётся само собой. «Ничего, – вдруг подумалось мне. – Можно жить так. Уснуть. А там надышу, и станет теплее».

В юности на северном еловом острове я видел пещеру, где много столетий назад жил русский праведник. Как он зимовал в ней, навещаемый ледяными ветрами? Это вам не Афон и не Палестина. Блаженство духовного прибежища – вот тайна. В этом смысле мой сарай был тоже не лыком шит. Я давно бы снял квартиру в городке, но мне казалось – в этой новой необустроенной жизни на юру таятся свои подарки. Так вот они – принимай!

Минут двадцать я пробыл в разорённом жилище и уже надыхался порядочно – пар завис над столом, но теплее не становилось. Правильнее всего было бы вернуться на ночь в булочную, но у меня не нашлось духу снова гнать через длинный коридор ельника. Я был растаскан внутри, как комната, – всё в свалку и половины недостаёт.

Перебравшись в машину, я включил печку и от тепла и нервного напряжения моментально уснул.

21

Приют и рябина

Меня разбудила гигантская бабочка, бьющаяся в окно. Когда мне удалось сфокусировать взгляд, она обрела черты Николая Андреича Тузина. Стуча и жестикулируя, он пытался про-рубить мою оторопь, но всё время оскальзывался о ледяное стекло. В полусне, недостижимый для дружеского участия, я тарасился на него, пока не догадался опустить форточку.

– Костя, вы чего тут сидите? Вам плохо? – крикнул он, склоняясь к окну.

– У меня обогреватель спёрли, – объяснил я.

– Да что вы говорите! – обрадовался Тузин. – Значит, сегодня мы с вами братья! У меня-то знаете что увели?

Я посмотрел вопросительно.

– Театр!

Я задрал форточку и мигом выбрался из машины. По морозным колдобинам мы двинулись на светлые окна тузинской дачи.

– Дама с воинственным именем! – по-дирижёрски всплескивая руками, восклицал Тузин. – Я бы даже сказал, с именем историческим! Жанна Рамазановна! А? Лет на триста растопчет она меня! Говорят, актёрский молодец её обожает. Она их делит на бригады и обеспечивает работой – свадьбы, гулянки, детские праздники. Сидим мы в тоске, поминаем Андрея Ильича – и вдруг явление! Чиновник – и с ним дама. Мол, скорбим, но театр не оставим в сиротстве. Вот вам новая родная мать! То есть моментально! Ах, дурак я, дурак! И в голову не приходило, что так вот бывает...

– А разве не коллектив выбирает?

Тузин горько махнул рукой.

Под его причитания мы прошли по светлой от снега улице и нырнули в дом. Благодать растопленной печки моментально излечила меня. С любопытством я глянул в дверной проём полутёмной гостиной. Тканевый торшер освещал кресло и антикварный столик с канделябром о семи свечах. Пахло... не может быть! Нет, точно – печёными яблоками!

Ирина в шали на худеньких плечах сбежала нам навстречу со второго этажа. Её щека была помята подушкой, коса растрепалась в золотой дым. Я подумал, вспомнив моих: наверно, она укладывала Мишу и, прилётши, читала ему.

– Тащи, Ирина, наливочку! – скидывая шинель, велел Тузин. – Помянем ещё раз Андрея Ильича! Да и потом, надо обмыть небывалый день! У меня увели театр, а у Кости – мечту о родине!

На кухне было жарко, хотя огонь в печи погас.

– Проходите, Костя, садитесь! Хотите – в кресло. Но я предпочитаю – вот! – и Тузин подвинул к печке выкрашенную чёрным лаком скамеечку. – Присядьте! Пусть огонь сожрёт печаль! Отдайте ему, не жалейте! Я вот сейчас...

Он засучил рукава сорочки и, накидав полешек, возродил уснувший было огонь. Скоро за стеклянной дверцей печки поднялся настоящий шторм. Трещало и выло дерево, пламя ломилось в комнату. Глядя на это неистовство, я успокоился. Как будто и правда оно вобрало в себя всю маяту.

Тем временем Ирина поставила на кухонный стол стаканчики, тарелки и блюдо с подостывшими печёными яблоками. Подержалась за виски, вспоминая, и достала из буфета клин пирога.

Мы с Тузиным выпили клюквенной водки – за память их директора, человека, которого я не знал. После рюмки Николай Андреич собрался было продолжить обсуждение драматических обстоятельств, но заметил, что меня разморило, и смилостивился.

– Бог с вами, идите уже спать! – сказал он и, плеснув себе ещё душистой настойки, подошёл к окошку, лбом прижался к стеклу.

Ирина отвела меня наверх, в холодноватую комнату рядом с Мишиной. Там было душисто и чисто, горела лампа под тряпичным абажуром. Постельное бельё, наверно, из Мишиной коллекции – ивовый пушок на салатových ветках – устыдило меня вконец. Что ж это я! Веду себя, как бродяга, греюсь по чужим домам, лезу в их чистый быт со своими грехами! Поблагодарить и уйти!

Но почему-то мне до слёз не хотелось доказывать Тузиным свою состоятельность, а хотелось прижаться к малознакомой семье на правах какой-нибудь кошки Васьки или голубя Тишки – и отдохнуть.

Я накрыл постель покрывалом и, не превысив полномочий Тишки и Васьки, лёг сверху, прямо в шкуре.

Утром из окна комнаты я увидел кости шиповниковых кустов и за ними – разьеженную улицу со льдом в колеях. Обычная русская земля, на которой положено быть обыкновенным русским вещам – пьянству, бедности, бездорожью и воровству. И сразу вслед за моей мыслью на улице появился Коля, прошёл в сапогах по рыжему пластилину дороги и остановился у калитки.

– Николай! – гаркнул он. – Николай! Дома ты? Ирин, Мишань, вы дома?

Я встал и, оправив примятую постель, спустился в гостиную. Никого! Из кухни, правда, пахло растопленным на сковороде маслом. Тихо, стараясь не напроситься на завтрак, я пробрался в прихожую, отыскал на крючках куртку и вышел на свободу. Снег растаял. В саду была осень, резкая и душистая. Под ногами хлюпнула влажная листва. Я обогнул дом и у забора, под голой яблоней, увидел своих соседей.

Тузин в накинутаой на плечи шинели и в тапочках что-то говорил насупленно курившему Коле.

– Костя, а мы вот как раз о вас! – крикнул он, увидев меня. – Расследуем следы вчерашнего безобразия!

– Да без толку расследовать, – сказал я, приблизившись и по очереди пожав руки – сперва худую и ледяную Тузина, затем Колину, жилистую и отчаянную. – Люди остались без заработка. Нашли дыру какую-нибудь, а обогреться нечем. Я даже их видел. Они ко мне заходили – пожить просились в старый дом. Я не пустил... Да, они ещё чай стащили и шоколадку! – прибавил я, улыбнувшись.

Коля глянул на меня с хмурым сочувствием – как на погорельца, запалившего дом своим же окурком.

– А потому что говорил я – сбрызнуть надо твой забор к чертям. На виду у деревни ни один дурак не полезет. А тут – глухая стена!

Мы покалякали ещё немного. Скоро Тузин оставил нас, а мы с Колей, покуривая, отправились к месту преступления.

Коля первым глянул в бытовку и, морщась, вышел.

– А чего там. Пол вымыть – да и всё! Давай лучше землю твою посмотрим. Чего у тебя тут, – сказал он. Я не стал возражать, доверившись Колиной импровизации.

– Эх ты! Участок у тебя голый! – укорил он меня, пробираясь по глине. – А посадишь – пока там вырастет! Помереть успеешь. Ты рябину-то мою, смотри, совсем прижал! – сказал он, подойдя к забору, и попробовал пошатать доску.

Рябин у Коли было много. Они росли по всему периметру его участка. Некоторые были сортовые, со сладкими ягодами.

Невеженские, как звал их Коля. Рябины сажал его дед, потому, должно быть, Коля питал к ним нежность. Он рассказывал как-то, что плоды рябины – это никакие не ягоды, как нам кажется, а натуральные яблоки. Расковырай и увидишь – кожура, мякоть, хрящ и семечки!

Я и не знал, верить ему или нет.

– Ну прижал ведь! Видишь ты! – продолжал он негодовать и всё дергал доску.

Я не понимал, к чему он клонит.

– Коль, я её обходил, как мог. Гляди – столбы даже по косой идут. Как я её обойду, когда она вообще на мою территорию вылезла?

– А я тебе что? И я про то говорю! – подтвердил Коля. – Ты её давай, к себе уже забирай. Я вот о чём речь веду.

– Как же я её заберу? – сказал я в недоумении.

– А мы вот эту секцию хрустнем посередке, – придумал Коля, ладонью схватившись за верх забора. – Она и войдёт. И опять же – обзор будет от меня. Когда от соседа обзор – никто не полезет!

Тут он быстро сбегал к себе, взял пилу и, влезши со своей стороны на чурбак, «хрустнул» секцию. А потом «хрустнул» ещё, так как две образовавшиеся створки не пожелали отогнуться в стороны. Нахрустевшись вволю, Коля влез ко мне через дырку и осмотрел работу. Получились маленькие отворья-ворота с рябинкой посередине. Через них как раз мог протиснуться человек моего сложения.

Я смотрел терпеливо, никак не препятствуя Колиной деятельности. Вчера у меня стащили печку. Сегодня – в утешение сломали забор.

– Это дело! – сказал Коля, закончив труд. – А то гляди, кожу ей всю рассадил! – и, хлопнув рябинку по плечу, ушёл сквозь брешь к себе на участок.

Я осмотрел мой подарок, тронул ссадину на коре, и какая-то ветреная солоноватая радость пробрала меня. Мой идеальный проект воплотился в жизнь, начал обрастать понемногу царапинами и мхом реальных событий. Так чистая тетрадь становится исписанной. Разве плохо?

В тот же день я вымыл в бытовке пол, навёл кое-какой порядок и купил себе новый обогреватель.

22

Образ врага

Пока я возился, осень снялась со всех своих квартир и ушла на юг. Снег присыпал холмы мелкой солью. Побелела складываемая под холмом жёлтая сетка. На мои вопросы охранник талдычил – мол, привезли огораживать территорию. А что именно за территорию и с какой целью – выдать отказывался. Никакие посулы не помогли. Может, он и не знал.

Отсутствие информации успокоило меня на время, как отсроченная война. Зато её пожары уже полыхали в государстве по соседству. Со слов Николая Андреича, после смерти директора у них в театре развернулись подлинные военные действия. То, что Тузин не унаследовал должности, которую считал своей по праву, было лишь половиной беды. Хуже, что с приходом нового руководителя произошла решительная смена политического и экономического режима. Жанна Рамазановна вошла в здание театра со своими солдатами и матросами и сразу взялась за работу.

Фойе второго этажа было переоборудовано в зал для свадеб и торжеств, курительная комната сдана под лавочку восточных благовоний, а в левой половине гардероба пристроился маникюрный кабинет.

Не забыв и о деле, новая метла ввела в репертуар скороспелый мюзикл, чем сразу удвоила посещаемость.

– Ну как вам, Костя? Она бы ещё кабаре открыла. И в буфете – игорный дом! – выходил из себя Тузин. – Постановку мою она зарубит. Какие уж тут «музы погоды»! Вопрос – что делать? Остаться в позорном подчинении?

Побурлив сколько-то дней, Тузин успокоился и с целью налаживания отношений решил позвать новую власть в гости на шашлыки.

– А стерпите? – полюбопытствовал я.

– Куда ж деваться! – бодро отозвался Тузин. – А кому, Костя, на войне сладко?

Через несколько дней, когда установились холода и довольно намело снегу, Тузин и правда привёз Жанну Рамазановну в гости. С ней приехал весь балаган. До утра у них горел свет, гремел рояль. Я не мог уснуть, охваченный чувством вторжения.

Видно, и Коля почуял врага. Сильно за полночь мы столкнулись с ним на улице.

– Гудят, – сказал Коля и неопределённо качнул головой.

На наших глазах высокая женщина в манто вышла из тузинской калитки и, пошатываясь, зажгла сигарету. Раскашлялась, всхлипнула и неожиданно грохнулась в заснеженную кучу листьев.

Скоро я узнал о плодах предпринятого Тузиным сближения. Жанна Рамазановна, хоть и усмехнулась его творческим проектам, но из плана пока не вычеркнула. В остальном же взялась за Николая Андреича по-хозяйски, навалив на него постановку детской сказки и актуальной истории о маркетологе и помощнице руководителя.

Я думал, Тузин взбунтуется, но он проявил благоразумие и впрягся.

За отсутствием родственников и друзей Ирина жаловалась мне на сгинувшего в театре мужа.

– Что это за жизнь, Костя! – говорила она. – Вот уже зима! Ладно, я смирилась, что топим дровами. Но хотя бы аккумулятор купил! Отрубят электричество – и останемся при свечах! Нет! Ни до чего нет дела! И окна надо подбить – в щели свищет! А вчера, представьте, наволочку взял. Он ведь там ночует! Я не знаю, что мне, развестись с ним?

– Семейный разлад! – подтвердил Тузин с улыбкой, когда я заговорил с ним об опасностях невнимания к близким. – Ничего, когда-нибудь мы и из разлада сделаем пьесу. Всё пойдёт в дело!

– Ну а с аккумулятор ом-то?

– Денег нет, Костя! – сказал он, смеясь. – Вам этого не понять. Просто нет денег!

Тем временем на центральной площади городка, неподалёку от булочной, муниципальные власти установили ёлку. Монтажники собрали мохнатую пирамиду и затянули её паутиной белых лампочек. Ёлка подействовала на жителей города как стартовый залп. Наш «рождественский репертуар» стал разлетаться в момент, чему способствовала и погода. Снежная пыль, сыпавшая под фонарями, была явной родственницей мучной обсыпки на калачах, а укатанный снежок тропинок перемигивался с пирожной глазурью.

Маргоша купила сборник «Любимые мелодии Санта-Клауса» и пустила через колонки в зал. Звякнули колокольчики, джазопопплыл над корзинами с хлебом. В целом затея была неплоха, но рождественские сантименты по-американски казались мне неуместными в русской булочной.

Как-то, поздним вечером направляясь в Москву навестить родителей, я подумал, что вполне могу напрямь Петю – пусть составит мне сборник зимней музыки попримичней. Можно бы и Чайковского. Сказано – сделано! Толкаясь в пробке на «кольце», я позвонил ему.

– А, здорово!.. Чего хотел? – рассеянно спросил Петя.

Я сказал, что еду к родителям. Если он не против, можем пересечься, поболтать.

– Поболтать? – рассмеялся Петя, и голос его померк в дыму и бисере джаза. – Ну валяй, подъезжай – болтаем! Тут ресторанчик на Кузнецком, – и назвал адрес. – У нас встреча однокурсников!

– Давай тогда в другой раз. Куда я попрусь! У вас там блестящая компания.

– Да ничего блестящего! – возразил Петя. – Приезжай, полюбишься, что в тридцать лет представляет собой заурядный служитель муз. У нас одна, представь, на теплоходе рассекает по морям – туристам Моцарта шпарит. И знаешь, должен тебе признаться... – проговорил он с паузой, занятой щелчком зажигалки. – Это кайф – поглазеть на стадо лохов, к которому больше не принадлежишь.

Мне не слишком хотелось «глазеть на стадо», но в Петинем голосе был кураж – сладостная воля к разбою. Я решил, что в целях обеспечения безопасности лучше съездить.

Когда мокрый, истёганный метелью, я ввалился в зал, бал близился к развязке. Из динамик сочился джаз. Густой его звук прошиб меня, как пот. Запах перебродившего праздника повис над столиками. В полутьме у барной стойки лепилось человек пять ребят. Пети среди них не обнаружилось. Я окинул взглядом укромные столики и взялся уже за мобильник – выяснять, не уехал ли он, не дождавшись меня, как вдруг невероятно близко, за плечом, услышал его голос:

– Только не надо мне петь про честную конкуренцию! Я, Серёжа, не хуже тебя знаю, как всё это делается!

Я обернулся. Вдвоём с приятелем они обогнули колонну и сели за столик, две шахматные фигуры – Петя в белом свитере с поддёрнутыми до локтя рукавами, и его визави в чёрном. Это был Серж, конечно, – бывший однокурсник, «почти звезда», предмет безутешной Петиней ненависти.

Я присел за столик по соседству. Здесь, правда, стоял недопитый бокал шампанского и валялся чей-то пиджак, зато было отлично видно беседующих. Стриженные волосы Сержа

торчали ёжиком, лоб светился, и совершенно чёрные глаза светились тоже – как южная ночь. Звёздной этой тьмой он спокойно смотрел на Петю и, как мне показалось, сдерживал улыбку.

– Всё ты, Петька, сочиняешь! – сказал он. – Врёшь, и прежде всего себе. На вот, держи визиточку. Мне пришлось контакты малость подновить – тут все свежие. Звони, что-нибудь придумаем. Конечно, рояль не скрипка. Но выход всегда найдётся! – и Серж протянул ему карточку.

Как загипнотизированный, Петя принял визитку, перевернул в чуть дрогнувших пальцах и медленно, по миллиметру в секунду, погрузил в кофейную чашку.

– Тебе кто дал право? – произнёс он внятным шёпотом и смял размокшую бумажку. – Кто тебе дал право – объявлять – себя – моим – благодетелем?

– Жизнь, Петька! Не поверишь, но это право дала мне жизнь! Она, как видишь, нас с тобой рассудила! – отпарировал Серж, смеясь теперь уже в открытую, и поднялся из-за стола. Трезвомыслие велело ему побыстрей закруглить беседу.

Петя смотрел снизу вверх на сияние своего одноклассника. Вдруг что-то вспыхнуло в его лице, ладони легли на ребро столешницы. Я не увидел – почувствовал, как он привстает. Ещё миг – и столик вздыбится, зазвенят чашки, прольётся горячая кофейная кровь.

По счастью, Серж оказался проворен.

– Ребят, да он больной! Тебе к психиатру надо, Вражин! – крикнул он и, отшвырнув преградивший дорогу стул, выстрелил вон из зала. Девичьи голоса зашуршали вслед его офранцузенное имя.

Петя подержался ещё за столешницу, разжал пальцы и откинулся на спинку стула. Я подошёл и сел напротив.

– За руки боится, трус!.. – проговорил он и, подобрав ошмётки визитки, потёр в пальцах. На стол посыпались бумажные катышки. – Плевать ему на всё, ему руки жалко!

– Ну и бог с ним, Петь. А ты вот не жалел! Помнишь, как мы с тобой... – Я запнулся, решая, воспоминание о какой из потасовок доставит ему наибольшее удовольствие.

Петя чуть улыбнулся, отряхнул бумажную пыль и через стол протянул мне ладонь. Я пожал её.

– Ну что, на воздух?

За стойкой в опустевшем зале остались двое – им было тяжело встать.

– Петька, ты чего на Сержа наехал? – брякнул один. – Завидки берут? Ну да, Серж у нас молодец!.. А смотри, ведь нашел же время, проведаль нас, смертных!

Петя опять зажётся, дёрнулся было. Бог знает, как я выволок его на улицу.

– Я к нему лез? – вопрошал он, пока мы шли по переулку к машине. – Я его трогал? Он сам пристал и давай меня возить – как это, мол, я посмел уйти из музыки! Неужто из обвала интересных предложений не нашёл ничего, близкого сердцу? То есть, понимаешь, из «обвала»! А то, что мне снится всё это, что у меня мама плачет, потому что это не только моя была жизнь, но и её... – Он оборвал.

У машины мы остановились и в плевках мокрого снега попробовали закурить.

– Петь, бросал бы ты свои догонялки, кто круче, – сказал я. – Давай, хочешь, в гости ко мне поехали! Пожил бы пару деньков, подышал воздухом!

– Где пожить-то? В сарае? – зло глянул Петя. Его всклокоченные волосы колыхнулись под ветром, как чёрный костёр. – Думаешь, стоит рискнуть?

– Рискни, Петрович! Купим водки-селёдки. Приглашаю от всего сердца!

– А я не против! Такого экотуризма у меня ещё не было! – сказал он и, отшвырнув сигарету, дёрнул дверцу моей машины. – Погнали!

Я был рад, что он согласился. Неперевёрнутый столик и сэкономленный мордобой угнетали Петю – его натура требовала отгулять и отстрелять, что наболело. Бросать его в таком

настроении одного было опасно. Старая Весна казалась мне лучшим местом, где он мог бы, не проливая крови, подлечить свою зашибленную гордость.

23

Разгром при свечах

Мокрый снег, мчащийся параллельно земле, и штормовое предупреждение, услышанное нами по радио, были лучшим подспорьем в деле спасения Пети. Он обожал всяческую чёртову погоду, видя в ней свой портрет. Мы ехали весело, хотя и не быстро – фары не расчищали мглу. «Ты чего еле тащишься? Боишься нераскаянной смерти? – издевался он. – Ну и зря! У меня там своих – вагон! Ты прикинь, я скольких переиграл! Кто-нибудь да заступится!»

Наконец под колёсами стукнул мост через речку Бедняжку. Мы вылетели из лесного коридора на круговерть обдуваемых снегом полей. Я на ощупь свернул к холму и через пару минут понял, что Старой Весны нет. Ни фонаря на улице, ни огня в домах. Разбомбили нас, что ли? Слава богу, фары нашарили забор. Я вылез в слякоть и, оглядевшись, сообразил: в деревне нет электричества!

Мне уже захотелось сесть за руль и развернуться, как вдруг на холме, со стороны тузинской дачи, порхнул огонёк. Гигантский светляк зашатался в метели.

– Костя, это вы? – раздался мутный от ветра возглас. – А мы фары ваши увидели!

С тусклой масляной лампой в руке к нам летел Николай Андреич Тузин. Я пошёл к нему навстречу, в пену мокрого снега.

– Давайте к нам! – кричал он сквозь меловую мглу. – Околеее в своей бытовке, а у нас всё же печь!

– Я бы с радостью, да мы с другом! – сказал я, когда мы сошлись. – Хотел ему показать житьё-бытьё – и вот видите! Сейчас назад поедем.

– Какой ещё «назад»? С другом, с другом давайте! Ставьте машину – и ждём! Вы гляньте, что творится – сейчас заметёт! – Тузин поднял лампу повыше и, призывно махнув свободной рукой, двинулся в обратный путь. Я знал, у них дома есть большой электрический фонарь, но, видно, Тузину было жаль резать его мёртвым лучом такую шикарную вьюгу.

– Ну что? – вернувшись в машину, спросил я Петю. – Как насчёт в гости к Тузиным? Нас зовут!

– А что там есть интересного? – полюбопытствовал Петя, взвешивая возможные приобретения и потери.

– Девушка и рояль! – пообещал я, лишь бы Петя не заартачился.

– Рояль – это тот, немецкий, раздолбанный? А девушка – которой под тридцать, с мужем, сыном и зверьём? – уточнил Петя, припоминая мои рассказы.

– Тебе ж она, помнится, приглянулась!

– Ладно, так уж и быть, – смиловился он.

Из багажника моей машины Петя достал автомобильный фонарь, примерно такой, каким побрезговал воспользоваться Тузин, и, нацелив его на дорогу, первым зашагал в глубь деревни.

Скоро свечное сияние тузинской дачи начало пробиваться сквозь белую бурю. Калитка была гостеприимно распахнута.

Создав некоторую толчею, мы вошли в тёмную прихожую и оказались в кутерьме звуков. Жёлтый пёс без породы встретил нас густым сторожевым лаем. Он рвал и метал, не желая впускать посторонних в дом, а потом закашлялся по-стариковски и отполз под вешалки.

– Тузик, фу! – возникнув из кухни со свечкой в руке, пристыдила его Ирина. – А где Васька? Костя, не видели Ваську? Васька, фу отсюда! – и, сев на корточки, нашарила в углу под пальто пушистую шкуру.

В том, что кошке в этой семье говорилось не «брысь», а «фу», была особая деликатность. Василиса умела её ценить и относилась к хозяевам преданно, как собака. Она нырнула к Ирине на руки и позволила унести себя.

В прихожей пахло берёзовым теплом. На кухне в прозрачную заслонку печи бился огонь, бросая отблеск на стены. Петя снял мокрую куртку и, предвидя рукопожатия, вытер ладони бумажным платком. Через миг в прихожую вышел хозяин. В полутьме, без лишних церемоний, состоялось знакомство. Вот погодка! – Угораздило! – Замело? – Слегка! – Николай Андреич! – Пётр Олегович!

– А почему подстанции у вас нет? – спросил Петя, пожимая руку хозяина. – Купили бы хоть дизельную – не мучились бы без света!

– А мы не мучаемся! – возразил Тузин и артистическим жестом распахнул двери гостиной. – Прошу убедиться!

И вот я стою, обомлев, на пороге и смотрю, как старомодная гостиная Тузиных трепещет десятками свечных язычков, улыбается нам, счастливая – от того, что впервые за целую жизнь ей позволили проявить свою подлинную красоту, а не гибнуть дурнушкой в электрическом свете.

Я оглянулся через плечо: как там Петя? Он молча стоял чуть позади. Его эстетическое чувство было прострелено навывлет.

– Николай Андреич – режиссёр, у них тут в городке театр, – сказал я, как если бы это могло объяснить Пете хрупкую красоту интерьерера.

– Ничего себе! В таком городишке – и театр? Вот бы не подумал! – оживился Петя. – А что ставите?

– А сейчас я вам, господа, покажу. Секундочку! – улыбнулся хозяин. – Сядьте-ка сюда, Костя! – и указал мне стул напротив занавешенного окна. Я сел послушно. – Тут поправим немного... – Тузин подвигал предметы на подоконнике, затем схватил канделябр и, метнувшись по комнате, установил на журнальный столик.

– Ага... Вот так хорошо. Теперь внимание! – Он подошёл к окну и резким жестом, обрвав пару колец, отёрнул штору. – Алле-ап! – Комната раздвинулась. Я взглянул и обнаружил себя в законной гостиной. Мерцающим пятном она вписалась в ночную метель.

Снежная буря носилась по комнате, хлестала по нашим отражениям, но не могла причинить вреда. Нерушимы были диван и стул, на котором расположился полупрозрачный я, и столик, и ореховая горка с фарфором. И, кажется, в комнату эту, свободную от стен, вполне могли залететь ангел или Природа.

– Вот это и есть мой театр! – Тузин кивнул на окно. – Я туда перетаскиваю себя понемногу. Там хочу жить и работать! Потому что в театре посюстороннем... Видите ли, в театре посюстороннем – большой бардак! – произнёс он с грустью и улыбнулся.

Петя подвинул стул на середину комнаты и, оседлав его, уставился на стекло. В своём белом свитере он сразу стал центром тёмного законного пространства.

– Хорошая картинка! – произнёс он одобрительно. – Как это вы так свет выставили? Наугад?

– Ну почему ж наугад? Пробовал, искал. Вот представьте, за нами придут – а мы – там. И фигурки нас поймает!

– Кто придёт? – заинтересовался Петя.

– Мало ли кто... Черти! Родина! Империя гипермаркетов! У меня, Пётр Олегович, есть предчувствие. Надо мной смеются – но оно есть. Не будет вскоре вот этого рая, который вы здесь у нас наблюдаете. Драконы налетят – и привет.

Петя, едва заметно улыбаясь, смотрел на Тузина. Я видел: ему становится весело. После несостоявшейся драки с Сержем он и правда был не прочь пожечь, что не догорело.

– Рай, как я понимаю, – это глина по колено и жизнь при свечах?

– А вы предпочитаете сплошную подземную парковку?

– Николай Андреич, уймись ради бога! – пропела из кухни Ирина и в следующую секунду, покачиваясь, как пламя, возникая и тая, внесла в комнату поднос.

Петя вскочил и, поспешно переставив стул к стенке, освободил ей дорогу. Ирине был к лицу дореволюционный антураж. Длинное платье, крылом спадающая шаль и золотые в ночном огне, убранные, как на старинных картинах, волосы наконец-то оказались уместны.

– Мы по-простому, – сказала она высоким от смущения голосом. – В темноте ничего не приготовишь. Бутерброды и шарлотка. А вот петрушка наша, с зимней грядки!

Пока она говорила, в прихожей под мощным кулачным стуком загудела входная дверь.

– Это Коля, наш сосед! – обернувшись к Пете, сказала Ирина. – Я уж думала – не придёт, спит. Он хороший, старшеклассникам механизацию преподаёт, в УПК... – и полетела в прихожую открывать.

– Коля, говорите? А я думал – лягушонка в коробчонке! – сказал Петя, и, в целом, был прав. Коля, несмотря на свою невеликую комплекцию, любил постучаться смачно.

Он ввалился, заснеженный и дикий. Прищуренным взглядом глянул в свечную зыбь и, заметив постороннего, собрался было ретироваться, но передумал. Видно, дух Ирининых бутербродов удержал его. Я вышел позвать Коле руку и, пока он снимал в коридоре мокрую куртку и сапоги, заочно представил ему Петю. Мол, зазвал наконец друга, и на тебе – электричество!

– Говорят, теперь уж до утра. Столб повалило, – буркнул Коля, недоверчиво косясь на собравшееся в гостиной общество.

Когда мы вошли, Тузин уже успел возобновить прерванный монолог о драконах. Петя слушал его внимательно, с лёгкой усмешкой.

– И вот представьте, недели не прошло после похорон – а уже прислали новую метлу! И началось. У нас теперь не театр, а агентство аниматоров! – расхаживая между окном и диваном, жаловался хозяин. – А ведь как наш старик говорил: вы такое стёклышко должны подставить зрителю, хитрое, наихитрейшее, чтобы взгляд шмыгнул в божественные земли хотя б на миг! И миг этот, может быть, для кого-то станет спасительным!

– Ох! Вы слышали! – из уголка дивана улыбнулась Ирина и прихватила ладошкой щёку. – Божественные земли ему подавай! Николай Андреич, молись, трудись, люби жену и сына – вот и будут тебе земли! А зрителям твоих земель сто лет не надо. Уймись.

– А я и не рассчитываю на успех! – взъерепенился Тузин, глянув с презрением на жену. – Я буду работать, потому что должен. Пусть это будет накопление потенциала, которое скажется через век.

– Театр не может работать на будущее, – возразил Петя. – Вам, конечно же, надо и признания, и славы. Другое дело, что как приличному человеку вам неохота платить за славу бесчестьем.

– А знаете что! Если надо – то и заплатим! – сказал Тузин, поглядев на Петю с неожиданным одобрением. – Почему бы не заплатить? Всё же лучше, чем дома рыдать в подушку! Будем крутиться, нахваливать себя на всех перекрёстках. Наловим зрителя – полную бочку. И уж так ему угодим!

– Ага, – кивнул Петя. – А когда из этой помойки выудите двумя пальчиками свою бесмертную душу – вас стошнит.

– Вот те раз! И то вам не так, и это не этак! – воскликнул Тузин, и мне вдруг показалось, что ему не надо от Пети согласия, а, напротив, хочется, чтобы был конфликт – атрибут всякой хорошей пьесы. – Что же, Петр Олегович, вы в таком случае предлагаете?

– Предлагаю уйти! – сказал Петя. – Увольнитесь из театра! Займитесь обычным делом. Идите хоть к нам в контору – недвижимостью торговать. Я вам поспособствую на первых порах.

Тузин огоршенно взглянул.

– То есть как, значит, уйти? Нет, господа, театр – это моя волшебная дверца! – возразил он. – Это родина моя, если хотите. Уйти!.. Чур вас – соблазнять меня на такое!

– А вот я ушёл, – сказал Петя и, поднявшись, неладным шагом – как будто под ногами у него закачалась палуба – приблизился к окну. – Всё равно это уже не имело ничего общего с музыкой. Музыка не может быть объектом человеческой конкуренции. Если началась вся эта возня – значит, она давно уже отлетела, а вместо неё выставили крашеную куклу, – сказал он, обернувшись почему-то к Ирине.

Общество молчало. Было слышно, как на кухне, вторя снежному шквалу, гудят дрова.

– Она должна идти по земле неимущей – как идёт по земле, допустим, осень. Осень пока ещё не предмет шоу-бизнеса! – переждав паузу, вновь заговорил Петя. Его голос посветлел и окреп, выдавая накачивающее вдохновение. – Мы все равны перед Бахом! И что надо сделать человеку, если он не находит этого равенства? Если перед ним каждодневный выбор – или лузерство, или участие в тараканьих бегах? По мне лучше уйти!

– А можно я скажу? – подала голос Ирина. Тузин, наблюдавший за сценой из своего кресла, удовлетворённо кивнул. Ему нравилось, что жена решилась-таки взяться за уготовленную ей роль.

– Петя, вы всё неправильно говорите! – возразила она, волнуясь. – Нельзя отказываться от призвания! Просто нужно, чтобы такого вот человека, одарённого, кто-нибудь прикрыл! Понимаете?

– Прикрыл? – не сдержав улыбки, переспросил Петя.

– Ну да, прикрыл душой, – смутившись, подтвердила Ирина. – Если есть кому прикрыть – никакая пуля не заденет. Как она заденет, если над человеком – зонтик любви! И тогда это будут уже не тараканьи бега, а достойное исполнение назначения! Человека можно унижить, только если никто не защитил его любовью. Значит, надо защищать, а он пусть служит покойно тому, к чему у него призвание!

Договорив, она вздохнула и стала перебирать клубки в своей корзинке с вязаньем. Петя смотрел на неё со всем изумлением, на которое был способен, – как если бы перед ним в уголок дивана присел благовестный ангел.

– Вот не догадывался, Ирина Ильинична, что в тебе спят такие сокровища! Что ж меня душой-то не прикроешь? Или талантом не вышел? – спросил Тузин, мирно улыбнувшись.

Тут глубокая водяная тоска обступила меня. Как из омута я взглянул на мерцающее пространство гостиной. Чёрт же угораздил меня привезти сюда Петю!

Рядом со мной на стульчике притулился Коля. Он молчал терпеливо, слушая странные речи, и обрадовался, поймав мой взгляд.

– Покурим? – шепнул он.

Но курить нам с ним было поздно. Я не мог отлучиться, потому что чувствовал – в гостиной Тузиных, летящей по снежному космосу, только что переключили скорость, и теперь надо смотреть в оба, чтобы не врезаться в какую-нибудь «луну».

– Мам, у меня так воеет! – свесившись через перила, крикнул со второго этажа Миша. – Дядя Коля, ты Сивку завесил? А то заметёт через стекло.

– Завесил! – кашлянув, отозвался Коля. – Спи, Мишань, не тревожься. Под вьюгу спать – это высшая благодать!

Петя с любопытством задрал голову – грохоча по деревянному полу, Миша унёсся к себе.

– Значит, сына растите, – сказал он, обновляя беседу. – А сами чем занимаетесь? – и внимательно поглядел в Ирину колышущееся, бело-золотое лицо.

– Сама? – растерялась Ирина. – Да особенно ничем...

– Ничем? И давно?

– Ирина Ильинична ведёт хозяйство, – вступился Тузин. – Не думайте, что в наших краях это легко. Как видите, у неё муж, сын, зимние грядки, кошка, собака, голубь.

– А я не думаю, что это легко! – сказал Петя. – Наоборот, я считаю это жестокой жертвой. Жаль, что голубь и кошка согласились её принять.

– А это не жертва. Это всё по любви! Каждый из нас для другого что-то делает. Я не стал бы на этом так уж заикливаться. – Тузин говорил мягко, следя за тем, чтобы преждевременно не сорвалась зреющая у него на глазах кульминация.

– Человек не ангел, и ему надо, чтобы его стёртые руки и раздолбанная душа вызывали в ком-то уважение и восторг! – глядя мимо хозяина в уголок, где почти растворилась Ирина, твёрдо возразил Петя. – И мне лично без разницы, обо что человек ломается – о клавиши, подмости или о домашние дела.

– Этак мы всю жизнь проведём во взаимных расшаркиваниях! – заметил Тузин, но Петя уже не слышал его.

– Ирину, а профессия у вас есть какая-нибудь? – возобновил он допрос.

– Я художник! – взволнованно отозвалась она. – Федоскино люблю... В юности очень увлекалась! Знаете, сколько шкатулок моих разошлось! Потом училась ещё по фарфору. Как Миша родился, поначалу ещё что-то делала, а потом хлопоты закрутили. Пару лет назад достала мой сундучок с инструментами – краски высохли, всё...

Переместив стул поближе к Иринуному закутку, Петя положил локти на деревянную спинку и устался на хозяйку – в её прозрачные, дрожащие свечным огоньком глаза.

– Федоскино хорошо, – сказал он. – А Палех знаете?

Я насторожился, вспомнив палехскую шкатулку Елены Львовны, произведение «музейной ценности», – как говорил мне Петя. Это была единственная вещь, которую он позволял себе держать на крышке рояля. Я прекрасно помнил сюжет: по-над звёздной бездной летит Иван-царевич на Сером Волке в золотой Град, крепко держит в объятии Марью-царевну, ухо слышит нездешний звон, разлетающийся звёздочками по чёрному лаку. Царевич (вот и объяснение пристрастия!) похож на Петю – вихрятся волосы, черно горят глаза, бездны он не боится. А у Марьи тонкие бровки, золотые косы из-под платка, и прописаны тончайшей пылью веснушки. Она словно спит, белы руки опущены по расшитому сарафану. Её ещё расколдовывать.

Эту конфискованную у мамы шкатулку Петя любил всерьёз – ставил перед собой на рояль и играл, глядя в неё, как в ноты.

– Хотите, найду вам классную – увлекательную! – работу? – произнёс он, ударяя каждое слово.

– Работу? – пролепетала Ирина.

Петя глядел на неё с совершенно недопустимой настойчивостью. Пропустил леску взгляда через зрачки и держал, не давая махнуть ресницами.

– Свету вам добавить, Пётр Олегович? Не темно? – полюбопытствовал наблюдавший за сценой Тузин.

– Нет, совсем не темно. Светло! – обернувшись, ответил Петя и прибавил искренне: – Мне вообще у вас очень светло, правда!

На миг мне сделалось жутко – не завалилось ли под кроватью у Тузина ящика с пистолетами? Но сразу же и отпустило – Николай Андреич не дуэлянт. Максимум, что у него найдётся, – заряженная холостыми двустволка из реквизита.

– Петь, пойдём покурим! – сказал я, поднявшись было со своего места, но Тузин сделал протестующий жест.

– Нет-нет! Курите здесь! – и, взяв из корзинки с Иринуным рукоделием ножницы, двинулся к нашему с Колей углу, озарённому располыхавшимися свечами. Повернув канделябр и срезая нагар, Тузин покосился на меня и шепнул едва слышно: – Костя, не смейте портить! Дайте уже досмотреть!

– Курить я, брат, не хочу пока, – отозвался тем временем Петя. – Зато хочу вам предложить кое-что позабавнее курева. Есть у меня развлечение как раз для таких вечеров!

Он встал и неторопливо вышел на середину комнаты. Половицы скрипнули под его шагом. Прорвавшийся через неведомые щели сквозняк пробежал по свечным головкам и склонил их, как колокольчики на лугу. Запахло воском.

– Серенаду исполните? – спросил Тузин, снова располагаясь в кресле.

– Серенаду потом, – сказал Петя. – Сначала хочу сделать признание.

Он помолчал пару секунд, глядя на бликующий пол гостиной, а затем поднял взгляд и с самой искренней интонацией начал:

– Друзья! У меня был трудный день. Настолько, что судьба показалась мне чёрной. Но у вас я отогрелся и хочу по этому случаю нагадать себе счастье. Но гадать себе одному не умею, хотя гадалщик изрядный – Костя подтвердит. Скажи, хоть что-нибудь не сбылось?

– Сбывалось кое-что, – вынужден был признать я.

– Так вот, господа... – Он выдержал паузу. – Я предлагаю вам узнать судьбу – безо всякой кофейной гущи. Смотрю насквозь: что было, что есть, что будет! С кого начнём?

– Нет, дорогой друг, лучше не надо! – заволновался Тузин. – Вы приходите ко мне в театр – и там гадайте на здоровье! А здесь у нас женщины, дети...

– Дети спят, – перебил Петя. – А женщины – смелы и любопытны! Скоро святки, света нет, обстановка – лучше не придумаешь! Вы же профессиональный мистификатор! Я думал, вам моя идея понравится. Но если боязно, – не навязываюсь.

– Нет, погадайте всё же! – пропел Иринин голос.

Тузин быстро обернулся на жену.

– Сюжетец вообще-то староват! – пересев на краешек кресла и подавшись вперёд, заметил он. – Но раз Ирина Ильинична любопытствует...

Петя удовлетворённо кивнул и сдвинул рукава свитера к локтям, как если бы собирался замесить из наших судеб знатное тесто.

Тузин откинулся в кресле. Ирина непроизвольным жестом прижала ладонь к груди. Коля в зареве и тених, как захолустный урка с ножичком, зыркнул на Петю из своего угла.

– Ладно, брат, раз Николай Андреич опасается, начну с тебя! – сказал Петя, садясь напротив, спиной к свечам.

– Только без ужастиков!

– А это уж как получится! – отозвался Петя и посмотрел с нарочитой пристальностью мне в лицо. Взгляд его сперва был пуст, но затем согрелся, что-то сочувствующее шевельнулось в нём. – Ну что тебе сказать... – проговорил он, помедлив. – Между домом в деревне и проблемой, которую ты надеешься решить, нет связи. Ты строишь памятник мечте и, думаю, в ближайшее время подаришь его какому-нибудь проходимцу. Или спалишь. То же и с булочной – ты утратишь к ней интерес, когда поймёшь, что она не ведёт к твоим. На этом закончится твоя старая жизнь. Перед тобой встанет новая задача – примириться с утратами. А уж потом...

– Петь, а ты-то с утратами что ж не примиряешься? – вклинился я в гадание.

– Не кипятись! – перебил Петя. – Я ведь ещё не закончил. Так вот, ты примиришься и станешь жить без малейшей корысти, буквально как блаженный. Может быть, ты даже совершишь какой-нибудь простой и великолепный подвиг. И в одно прекрасное утро награда тебя найдёт. Правда, боюсь, ты будешь тогда уже слишком мудр, чтобы ей обрадоваться.

– Я обрадуюсь, ты не бойся! – заверил я его и решил, что поквитаюсь с Петей позже, на улице.

– Мудрёно излагаете, – из кресла заметил Тузин. – Ну ладно, так уж и быть – и мне погадайте!

– С удовольствием! – сказал Петя, переставляя стул. – Реснички только подержите, мне надо видеть глазное дно.

– Обойдётся, Петр Олегович, – возразил Тузин. – Назвались груздем – так уже и давайте, работайте!

Петя не стал спорить.

– О!.. Тут сверкают большие возможности! – протянул он, заглядывая в серо-карие глаза Тузина. – Если будете хитромудрым, вас ждёт крупная профессиональная удача. Будьте трезвы и последовательны, когда придётся полоскать творения в сточной канаве. Помните, что это нужно для дела. Опасайтесь взбрыкиваний идеализма. Опасайтесь упрёков родных. Опасайтесь, главное, собственной совести. Это всё враги успеха.

– А человека на белой лошади не опасаться? – полюбопытствовал Тузин.

– Нет, – успокоил Петя. – Лошадь вам не грозит. Вы ж не Пушкин.

– И на том спасибо! – сказал Тузин.

Я видел, как в нём занимается протест против Петиной бесцеремонности, но он был разумный человек, хозяин дома, и пока что смог себя сдержать.

– Я читал, господа, в какой-то книге: «Разыгралась метель!» – проговорил он, взглядывая в окно. – И подумал – как же это хорошо сказано: разыгралась! То есть метель – это действие, которым следует любоваться. Она, подобно спектаклю, предназначена для оживления человеческих чувств. Прислушайтесь, как все мы вовлечены и взбудоражены ею! Это поразительно!..

Но его попытка избежать продолжения игры не удалась.

– А про меня? – перебила монолог мужа Ирина.

Петя снова взял стул за спинку и переместился поближе к дивану, где Ирина мотала нитки. Она тут же бросила клубок и взглянула с напряжённым старанием, как будто перед ней был фотограф, велевший ей не моргать.

Петя смотрел долго. Плечи его расслабились, успокоились мышцы лица.

– Ну! – вконец разволновалась она.

– Нет, Ирин. Я про вас ничего говорить не буду, – мягко произнёс он и качнул головой.

– Что-то плохое? – обмерла Ирина.

– Что-то хорошее, – улыбнулся он и, вмиг изменив своему решению, грянул: – Бог с вами! Слушайте и запоминайте! Ваша жизнь переменится! Вам будет больно, странно на сердце, но потом – хорошо, прекрасно! Ваша жизнь переменится к лучшему! Пусть меня зарежут в подворотне, если я вру!

– Мальчишку второго родишь! – выкрикнул из угла Коля.

– Это ещё зачем? – возмутилась Ирина. – Чтобы опять по новой сходить с ума? По новой все прививки, простуды? Ты много, Коля, с Катькой своей возился? И молчи! И молчи, не каркай, ясно тебе?

Петя выслушал Иринин взрыв и повернулся к Коле:

– Вот именно. Не знаешь – не встревай! – сказал он, с лёгкостью перенимая Ирину «ты». – Тем более у меня и к тебе разговор есть!

Коля был недоволен затеей, но молчал, всё своё несогласие переместив в колючий взгляд. Я даже тревожился за гадалщика – как бы его не выдуло с холма невидимой до поры Колиной силой.

Тем временем Петя, подсев к нам, пристально поглядел в Колино чистое, как природа, лицо. Судя по всему, оно ему понравилось.

– Тебя я, друг, совсем не знаю, – сказал он просто, как-то даже и растерявшись. – Но, думаю, есть в тебе что-то – раз тебя в этот дом пускают и любят. Я вот что вижу: вроде бы твоя жизнь находится под крылом этого гостеприимного семейства. Но в действительности они-то – дачники, их место с краю. Земля – твоя. И поэтому, когда их сдует, ты останешься.

– Это в каком смысле «сдует»? – влез Тузин. – Что значит сдует?

– Теперь не ваша очередь, господин режиссёр, – не оборачиваясь, перебил Петя. – Закончу сеанс – объясню.

Тузин набрал в грудь воздуху и умолк. Лицо его выразило сильнейший накат тревоги.

– Так вот, – глядя в колючие Колины глаза, проговорил Петя. – Когда их сдует, ты будешь следить, чтобы всё тут было по-прежнему, чтобы трава росла, река текла.

– Это кого ещё сдует! – не слишком вникая в смысл, прохрипел Коля.

– И помни, ты у нас – Хранитель Старой Весны! – невозмутимо продолжал Петя. – Должность свою береги, гордись ею! А на том свете тебя помучат, конечно, черти за грехи, но не долго. И пойдёшь в рай, к его, вон, прадеду! – сказал он и врезал локтем мне в бок, потому что я давно уже стоял за его спиной и придерживал за шиворот, не зная толком, кого от кого берегу – Колю от Пети или наоборот.

– А теперь мне надо сделать ответственное заявление! – высвободившись из-под моего попечительства, проговорил Петя. – Воду, валидолчик приготовьте на всякий случай – и съядте все!

– Нет, ну прекрасно, Пётр Олегович! – восхитился из кресла Тузин. – Какая незамысловатая, доступная, так сказать, народу драматургия! Мне определённо надо с вами сотрудничать!

Петя не обратил внимания на комплимент.

– Я вынужден сообщить вам новость! – звучно произнёс он. – И предупреждаю: это уже не гадание, а вполне достоверная информация! Так вот, новость следующая. После Нового года в районе деревень Старая Весна и Отрадново начнётся строительство спортивно-развлекательного комплекса. Проект возглавляет мой босс, Михал Глебыч Пажков. В связи с этим вам тут светит горнолыжный подъёмник, трассы, аквапарк, гостиница и несколько прилегающих коттеджных посёлков. Будете альпийской деревней! – Тут Петя взял паузу и, оглядев присутствующих, насладился эффектом. Всё молчало – человек и зверь. Тишина была как чистый лист, по которому буря за окнами чертила ногтвые линейки.

– Не знаю, насколько это хорошо – быть альпийской деревней в России, – продолжал Петя. – Ну а с другой стороны, а кем в России быть хорошо? Освещённый спуск, Костя, пойдёт твоей поляне прямо в лобешник. Кстати, советую подсуетиться. Предусматривается полная инфраструктура. Может быть, и пекарня впишется? В принципе, могу свести тебя с нужными людьми.

Я сказал, что не стану ни любоваться, ни суетиться. И хватит бы ему рассказывать на ночь страшилки.

– А я вам, Петр Олегович, верю! – произнёс Тузин. Он встал из кресла, приблизился и, взяв со столика канделябр, осветил Пете в лицо. – Вроде бы явная клевета – но верю! Не могу не верить! Это именно то, что я и предчувствовал!

– Да чего тут верить! Врёт он! – гаркнул Коля. – Аквапарк ему, как же! Земля-то заповедная! Вон, монастырь под боком. На такой земле запрещено строить, что я, не знаю! Думает, дурачков нашёл, и давай заливать!

– Друзья мои, погодите, я вот что могу по этому поводу... – примирительно заговорил Тузин, но Петя уже встал со своего места и, дёрнув из руки хозяина подсвечник, склонился над смельчаком.

– Ты чего буянишь, сельский житель? – тихо спросил он Колю.

– А того! – решительно отозвался тот и, поднявшись, согнул руки в локтях. – Думаешь, раз москвич на тачке, так и заливать будешь – а мы и уши развесили? Босс у него с аквапарком! Трепло ты!

– Ну тогда я тебе по-другому напроорочу, – сказал Петя, сжимая в правой руке подсвечник, как букет. – Ты ещё пахать к Пажкову наймёшься. Будешь ему площадочку ровнять под комплекс. И умолять будешь, чтоб за пьянку не уволили. И я, брат, может, за тебя тогда заступлюсь. А может, и нет! – Тут резким жестом он приставил свечи к Колиному липу, мелькнули ослеплённые светом глаза, и наш хрупкий мир сорвался в тартарары.

Грохот мебели в мгновение ока порубил и смешал картину мира. Сквозь хриплый собачий лай прорывались вопли: «Господа, уймись!» – «Шторы! Тушите шторы!» – «Тузик, фу!» – «Ах, чёрт вас дерит! У меня тут сплошной антиквариат!»

Я повис на Петиных плечах, но он высвободился и рванул в прихожую, куда Тузин оттащивал Колю. Крик, гром, свечной дымок – всё это единым комом покатило в коридор и, наткнувшись на дверь, выпало в жидкий снег.

Я наспех помог Ирине поднять обрушенные свечи – одна успела подпалить занавеску – и, схватив Петину куртку, вылетел в сад, но зачинщиков уже не было видно. Остались только ели и яблони, обёрнутые колышущейся снежной холстиной.

Прислушавшись, я разобрал за воем бури отдалённые вопли. То ли Коля гнался за Петей, то ли Петя за Колей, то ли оба драпали от былинного чудовища.

– Ну что, догоним? – спросил Тузин, запахивая раздуваемую ветром шинель.

Пока мы шли к калитке, крик перетёк в более или менее мирную Колину брань, перемежаемую укоризненным голосом Пети.

– Ну вот, – сказал Тузин, замедляя ход. – Всё мне разнесли и помирились!

Постояв, он махнул рукой и направился к дому. С крыльца, ожидая его, выглядывали перепуганные Ирина с Мишей.

Когда с Петинкой курткой в охапке я подходил к своему участку, из гущи снега, вихрем крутившегося в рябинах и липах, меня окликнули.

Я обернулся: Петя, натянув рукава свитера до пальцев, отдыхал от битв на Колиной лавочке.

– Давай сюда! – крикнул он и махнул включённым мобильником.

– А где Коля? – спросил я, пробираясь к нему по снежной слякоти.

– Ушёл в партизаны. Будет бить захватчиков, пока не побьёт. Это ведь не я его взбесил – ему землю жалко. Курточку-то мою отдай, замёрзну!

На холме было до того сыро и холодно, что зябла душа. Снег уже не таял так быстро, как вначале, а собирался у ног влажной тряпкой.

Я кинул ему куртку. Петя радостно в неё упаковался и полез в карман за сигаретами.

– Видал я всякое, – сказал он, выходя на дорогу и оглядываясь на свечные огни тузинской дачи. – Столько жизни извёл, чтобы было в сердце побольше перца! А у вас тут задаром – такой космос! Жалко, Ирине всего не досказал. Заробел – представляешь? – прибавил он, чуть улыбнувшись.

– Петь, какая робость, о чём ты! Ты ж хамил напропалую. Просто внаглую отбивал чужую жену! – произнёс я с внезапной ненавистью.

– Эта женщина в странной одежде, безо всякого маникюра, наивная... – лирически продолжал Петя, словно и не заметив мою злость.

– Это ты при свечах разглядел, что без маникюра? – перебил я.

– Разглядел, да – сказал он, кивнув. – Так вот, она мне понравилась, потому что красива необманно. Такую красоту в салонах не наведёшь. Куда ни плюнь, всюду глазки в щётках, лобик полированный, а эта – прямо живая... – Он умолк, закуривая. – Хочешь?

Я любил Петины сигареты. Они были крепче моих.

– А тебе-то как моё гадание? Я вроде никого не обидел. Всем отвалил алых парусов.

– От балды отваливал?

– Да нет... – Он затаился и посмотрел в метельную жуть долины. – Не от балды. Режиссёра вашего не хороните. Есть в нём огонёк. Просто долго болел идеализмом. Ничего, вгрызётся потихонечку, а потом вдруг – бац! И вырлил! И повезло! Жена, конечно, побоку... – Петя замолчал. В осанке его появилась усталость. – Про тебя тоже не врал, сказал, что думаю. И про Колю вашего не врал. Колян вообще хорош! – Петя глянул на меня и улыбнулся с душой. – Ах, хорош! Или сам кого-нибудь зарежет, или его зарежут, или совершит подвиг милосердия.

Я после боя сказал с ним пару слов – он у вас как вчера родился! И сигареты у него – такая отравка! Я чуть не сдох, мои-то в куртке были...

Я слушал его поэтический монолог и надеялся: может, наша деревня таким нестандартным методом вынимает из Петиной души пулю Сержа?

– А вообще-то, брат, всё у вас будет хорошо, – задумчиво резюмировал он. – Преодолете соблазны. Вас всех накормят одной неразменной булкой. Будете таскать из колодца воду – глядь, а там вино! Блаженны нищие и далее по тексту. А за Ирину ты не сердись. Это очень видно со стороны – как вы её тут закопали, притоптали и креста не поставили.

Он выдохнул, растапливая снежинки тёплым дымом, и со внезапной горечью произнёс:

– А ведь надо же! Первый человек в моей жизни, который понял, что меня просто надо было «прикрыть»! Просто сказать: «Ты – прав. Играй и не думай!» И тогда бы я был свободен. Но нет! Хоть бы одна зараза!.. Эх, ладно. – Петя мотнул головой, вытряхивая лишние мысли, и оглядел побелевшую окрестность.

– Я что, без машины?

Я кивнул.

– Ах да! Это ж ты меня вёз. Ну, бывай!

Не подав руки, он застегнул под горло молнию куртки и быстро, чуть оскальзываясь на промороженном спуске, двинулся прочь с холма.

– Куда собрался?

– Прогуляюсь, поймаю попутку! – отозвался он.

– Петь, ты с дуба рухнул? Ночь на дворе! Давай я тебя хоть до города довезу!

Он обернулся и глянул – словно навёл ствол.

Больше я не спорил с ним. Тут уже нельзя было ничего поделывать, по крайней мере, сейчас.

Подморозило. Снег стал мельче и твёрже. Совершенно заиндевел на ветру, я прошёл в незапертую калитку и позаимствовал из Колиной поленицы дров на костёр.

24

Требую братства

На другое утро, разлепив веки, я обнаружил себя на диване в гостиной у Тузиных. Сердобольный Николай Андреич подобрал меня, когда, простившись с Петей, я вновь попытался заночевать в машине, и отволоч в дом. Дорогой он клялся, что не обижен. О каких обидах я говорю, если все творческие люди – дети! Они плачут и смеются, расшибают колени и сбивают мирно стоящих – это нормально. Ирина отвергла мои извинения ещё убедительней. «Что вы! Я рада! – шепнула она, притащив мне в гостиную подушку и плед. – Хоть какая-то жизнь!...»

Я приподнялся на локте: в окне, из щелей которого ночью так отчаянно дуло в голову, всё было мутно-бело. Тараща глаза, попробовал согнать пелену и осознал, что это цельнокроеное кольшущееся полотно – снежное! Небесные караваны с мукой потерпели крушение над Россией! В окошко мне было видно яблоню с расщеплённым стволом. Отломившаяся ветвь легла на землю – гигантское, запорошенное снегом гнездо!

Пока я разглядывал покалеченное дерево, с улицы долетел звон свежей ссоры.

Голос Ирины с упреком что-то пропел – я не разобрал слов. А затем отчётливо грянул Тузин:

– Недвижимостью? Деревню покромсать и продать? Вы об этом мне толкуете? Я, Ирина Ильинична, подозревал вас во многих грехах, только не в меркантильности. Но, оказывается, и ей вы не чужды!

И сразу под моим окном прохрустели шаги. Тузин спешил по снежной дорожке к крыльцу. Я едва успел вскочить и сложить плед, как он уже был в гостиной и, не замечая меня, пронёсся на второй этаж. С подошв обвалились снежные «вафли» – Тузин гулял в тапочках.

– Книжку мою записную, чёрную, никто не видел? – гаркнул он сверху, непонятно к кому обращаясь, и через минуту скатился вниз.

– Вот так-то, Костя! С добрым утром! Упрекают меня, что не избрал профессией недвижимостью! Может, ещё не поздно? – сказал он, на ходу застёгивая манжеты. Взял с крышки рояля мобильный, подхватил пальто и вышел.

Хлопок двери сбил с меня остатки сна. Я оглядел разорённую гостиную. Валялась сшибленная фиалка – черепки и тряпица подвядшей листвы с комом земли. Драгоценный столик стоял на своём месте, но край столешницы был ссажен до щепок.

Стыд залил меня тошнотворным бензином. Хватило же мне ума приволочь неотбуйнившего, полного свежей ярости Петю в тихие земли Старой Весны!

Я собрал с подоконника вещи – телефон, ключи и направился уже в коридор, но тут вошла Ирина. Несмотря на конфликт с супругом, она улыбнулась и велела мне идти на кухню завтракать. Невольно я проверил Петины слова: Ирнины ногти и правда оказались подстрижены – так удобней вести хозяйство.

На завтрак были томлённая в печи пшенная каша и сырники. Объяснить, как всё это пахнет, человеку, у которого нет дровяной печи, нельзя. Понимая, что мои гостевания у Тузиных становятся уже неприличными, я всё же сел к столу и спросил:

– Поссорились из-за нас с Николай Андреичем?

– Ну и поссорились! Что, это повод для грусти? – легко возразила Ирина. И хотя в лёгкости её чувствовалась натуга, мне стало спокойней.

К сожалению, обычай одеваться прохладно вчера ночью вышел мне боком. За завтраком я раскашлялся. Ирина достала из буфета четыре берестяных тuesка и с важным видом отсыпала из каждого по ложечке в заварочный чайник. Зелёный настой подмосковного луга должен был спасти меня ото всех бед.

– Ну, а как ваш Петя? Добрался благополучно? Не простыл? Что же это такое с ним вчера было? – спросила Ирина, пока чай настаивался.

Я не знал, как вместить Петину драму с музыкой в пару слов, и сказал:

– Ирин, простите нас за разгром.

– Знаете, Костя, мне не с кем поделиться, а так хочется! – сев к столу и подперев кулачком подбородок, сказала Ирина. – Вот вы всё твердите – разгром! А мне так хорошо на душе от этого разгрома! И от вчерашнего гадания. Просто вырвалась за ночь из тоски многолетней! А кстати, у Пети вашего что, гадания правда сбываются?

– Процентом на восемьдесят, – хмуро ответил я.

Когда, поблагодарив за кров и ещё раз извинившись, я собрался идти, Ирина дотронулась до моего плеча.

– Костя, не переживайте! Я правда рада, что вы у нас остались, что вам тепло! – сказала она. – Ведь какое моё предназначение? Кормить, стелить постель. У меня же нет театра!

– И всё-таки не ссорьтесь! – обернулся я уже на пороге.

– Что? – не поняла она.

– Не ссорьтесь с Николаем Андреевичем! Прощайте ему. И пусть он вам тоже. Иначе будете никчёмные люди, как я.

Сотворив эту проповедь, я оставил удивлённую Ирину на крыльце и по великолепной, свершившейся наконец белизне холма двинулся к дому.

Я шагал, взрезая влажную толщу снега, и пытался собраться с мыслями. Что у нас имеется на сегодняшний день? Во-первых, пришла зима, а мы с Майей всё ещё порознь. Во-вторых, чтобы не сбылось Петино гадание о том, что «всё будет, но поздно», – мне надо известить под корень свою предрасположенность к смирению. Свалить эту святошу, прижать коленом и задавить насмерть. И биться за свою землю. И победить.

У забора следы моей машины замело. Волны снега посверкивали на солнце, как драгоценная шкура. Сегодня суббота, рассудил я, топя в бытовку за документами. Мама говорила, что с утра она поведёт Лизу в Ледовый дворец, а потом оставит у себя, потому что у Майи дела. Это значит, они заедут к маме за Лизой вечером. Что мешает мне оказаться к вечеру у моих? Зачем? Не спрашивайте. Просто чтобы совершить действие. Хоть какая-то альтернатива древоподобному обмиранию на ветру!

Когда, прорвавшись по обочине через пробки, ссадив о бортик диск, я почти добрался до окружной, мне позвонила мама. Ей хотелось узнать, соизволю ли я заехать, или меня не ждать. «Но Лизы не будет, – предупредила она. – Их чёрт понёс в Переславль! Сырость такая и темнота, нашли время!»

В Переславль! Если б я не был в пути, возможно, это известие обескуражило бы меня. Но за рулём – как на войне, решения принимаются молниеносно. Я развернулся, домчал до бетонки и по скользящей слякоти декабря погнал в сторону Ярославки.

Я был в Переславле в ранней юности, и, на первый взгляд, в нём ничего не изменилось с тех пор. Одно открытое пространство сменяется другим. Храмы и колокольни охраняют простор, словно сторожевые башни. Под их защитой, посреди заснеженного луга над озером, я нашёл беглецов.

Майя в чёрном пальто и белой беретке фотографировала. Ни увесистого профессионального объектива, ни вкуса к чёрно-белым тонам прежде не было у неё. Она предпочитала карамельные цвета и «мыльницы». Кирилл сидел неподалёку на складном рыбацком стульчике – не поленились же притащить! – и следил за её перемещениями по краю обрыва. Мне не было видно лица, но если бы талантливый художник поймал поворот головы и Майину фигурку в отдалении, в сяк догадался бы, что речь идёт о любви.

Бросив машину поодаль, я подошёл и остановился у края луга, не смея продвинуться в его белую глубину. Ничего лирического или трагического не было во мне в ту минуту. Я тупо смотрел на чужое счастье, и мне казалось, что моя душа набита жестянками, дурно вскрытыми банками из-под консервов. Стоит тронуть этот мешок – и десяток ржавых зазубрин раздерёт его стенки в кровь. Лучше замрём.

Скорее всего, я так и уехал бы незамеченным. Разгулял бы тоску по обледенелым дорогам области. Всё испортила внезапная мысль-прострел: а где Лиза?

– Эй вы! А Лиза где? – заорал я, двинувшись напролом по снегу.

Майя обернулась и, подавшись назад, чуть не села в снег. Фотоаппарат выпал из рук и камнем повис на шее. Вскочив со стульчика, к ней на подмогу уже спешил Кирилл. Через пять секунд дивизии сомкнулись и, справившись с первым потрясением, пришли в боеготовность.

– Куда вы дели мою дочь? Кто вообще вам позволил тащить её зимой в тмутаракань? Значит, ко мне в деревню нельзя, а сюда можно? – городил я, не очень отслеживая смысл слов, срывающихся с языка.

– Остановись! – шагнув мне навстречу, крикнула Майя и выбросила вперёд руку. – Стой здесь и слушай! Моя дочь будет ездить туда, куда я считаю нужным. А если будешь шпионить и мотать нервы, я решу этот вопрос через суд. Уверен, что сохранишь свои права? А про маму свою подумал? Сильно сомневаюсь, что ты отторгуешь для неё свидания с внучкой! То, что они видятся, – моя добрая воля. Береги её, ясно?

Я замедлился, как подбитый танк, и, дымясь, встал. Мгновенное удивление, что в меня попали, сменилось тяжестью убитого тела. Я понял, что должен предать себя земле, и медленно рухнул в снег.

Белое полотно, кое-где измятое Майиными шагами, обняло меня тесно, и повсюду над белизной зашевелились вершинки жёлтых соломинок – бывшие цветы. Я узнал их сердцем. Это был тот самый луг, на котором Майя рвала букет тем горьким летом.

Пока я справлялся с воспоминанием, в уши покатились волна шороха и скрипа. Это Кирилл шёл ко мне по снегу и, подойдя, сел на корточки. Он смотрел на меня с жалостью и лёгким испугом – как ребёнок на зашибленную ворону.

– Лиза на «народных промыслах». Они там куклу шьют, – тихо проговорил он.

– Ну, Кир, как поживает твоё расследование? – спросил я, взглядывая. – Всё выяснил, или есть вопросы? Спрашивай – вот он я. А то через третьи руки – это ж сплетня получается!

– Какое расследование, Кирилл? – приблизившись, заволновалась Майя.

– Ты давай уже, поторопись! – продолжал я, наслаждаясь затекающим в спину холодом. – А то ждать надоело! Представь – один на вершине холма, и вокруг ночь. Воют волки, скачут монголы, едут танки! Человек выпал из космоса в хаос. У него больше нет оси, и это сделал ты! Так что расследуй уже быстрее и поступай по справедливости. Или на тебе будет смертный грех!

Майя склонилась ко мне. Фотообъектив на её шее завис надо мной, как камень.

– Послушай, Костя, шантаж – это стыдно! – воскликнула она с самым искренним возмущением. – Ты же сильный человек, ты должен перевернуть страницу!

Я взгляделся, желая по каким-нибудь признакам убедиться, что это глупое создание – кто угодно, только не Майя. Но нет, это была она – только теперь свободная, энергичная, смелая, готовая грызться, как волчица, за своё счастье. С ней случились великие перемены. Дюймовочка повзрослела. Я думал, Майя – цветочная фея по генетике, а оказалось, она просто была ребёнком.

– А если он не может перевернуть страницу? – вдруг сказал Кирилл.

– Что значит не может? – оторопела Майя.

– Да! А если я не могу перевернуть страницу? – с жаром подхватил я и сел в моей белой ванной.

– Но ведь это не повод преследовать людей! – накинулась Майя. – Разве повод? Если не можешь перевернуть сейчас – подожди, может, чуть позже!

– Да пожалуйста! – воскликнул я бодро и, выбравшись из берлоги, в два прыжка достиг стула, на котором недавно сидел Кирилл. Брезентовая перетяжка не отличалась комфортом, и всё же я настроился на длительную забастовку. – Как скажешь! Буду сидеть и ждать! А вы мне будете таскать пропитание – пока страничка-то не перевернётся! Идёт?

Никто не отозвался – даже Майя не нашла что сказать. Я покосился на Кирилла: его вид был одновременно жалок и мужествен. Между бровей залегла складка, как будто он силился скрыть адскую головную боль.

И тут я поймал кураж. Скопление беспорядочных эмоций рассеялось, как толпа облаков, и на их месте засиял смысл. Невероятное его солнце моментально припекло меня.

– Сказать, чего по правде хочу? – произнёс я, решительно взглядывая на Кирилла.

Он сжался и посмотрел без надежды.

– Да не бойся ты! Хочу братства со всяким человеком. Даже если меня этот человек кинул. Всё равно – и с ним хочу братства! Хочу, чтобы всяк всякого понимал! Ну мы-то с тобой, конечно, не сразу. Сначала выясним до конца.

– Может, не надо выяснять? – сказал Кирилл. – Мне тогда руку зашивать пришлось.

– Да ладно, недорого за счастье! А сказать теперь, чего не хочу? Не хочу смиряться вот с этой развилкой – вы направо, я налево. Не хочу топтать в одиночку. Ясно? Что ты встал и молчишь, как церковь? Отвечай! Я ведь отсюда не сдвинусь!

В голове моей бил прибой – мне казалось, её вот-вот разорвёт пульсом.

Вдруг лицо Кирилла разгладилось – какая-то весёлая в нём мелькнула мысль. Он черпнул «плюсового» снега и, спрессовав в ладонях комок, саданул мне по уху.

– Кирилл! Ты что? – крикнула Майя.

Он не ответил, только отступил на несколько шагов для размаха и с упрямым отчаянием взялся обшвыривать меня тяжёлыми комьями. Я не увёртывался.

– Да оставь ты его! Пусть сидит хоть сто лет – не видишь, он больной! – негодовала Майя.

Я даже усмехнулся. Наивная! Как же он оставит меня, раз я «больной»? Он давал ведь, верно, клятву Гиппократата. Так и будет лупить, пока не возьмусь за ум.

Наконец один комок угодил мне по физиономии. Лицо зажглось. Снежная пощёчина отрезвила меня.

– Спасибо, достаточно, – сказал я, вставая. – Пошли за Лизкой.

Мы шагали втроем по белой дороге, каких не бывает в Москве. Следы шин, как клеточки марлевого бинта, вытягивались к горизонту. Я думал: вот хорошо, я не один! Мы идём вместе, три земных человека. И хотелось тянуть и тянуть эту игру – хоть до ночи.

Пройдя минут десять, мы свернули в переулок и подошли к нарядной избе с резными наличниками. У калитки под ветром шаталась берёза, двор был расчищен. За низким заборчиком мамы и бабушки поджидали своих чад. Наконец дверь распахнулась, и на крыльцо повалили девчонки.

Лиза вышла последней. В расстёгнутом пуховичке, с тряпичной куклой в руках – сияющая, готовая к похвалам, она обвела глазами двор и застыла на средней ступеньке. Её бровки сдвинулись. В мучительном сомнении Лиза переводила взгляд с меня на Майю. Выбор, к кому из нас подойти, оказался ей не по силам. Она сорвалась, подбежала к берёзе и, обхватив её, улыбнулась до слёз.

Красна была смерть на миру. А обратной дорогой пришла расплата: зачем я ездил? Только зря истратил надежду.

Я открыл люк и со страшным свистом помчался, куда глядят фары, куда катит шипованная, слава богу, резина. Ветер хлопал над головой, как парус, белые брызги пенились под колё-

сами. А потом меня зазнобило. Руки на руле стали кусками льда. Я задраил люк и включил посильнее печку.

В первый раз мне было страшно гнать через бесконечный коридор елового леса. На правую его стену лился через тучи закат. Тоска обернула меня, как мокрое полотенце.

Въехав на холм, я вышел и покрепче застегнул куртку. Ну конечно – у меня температура. Тяжёлая дрожь гуляет по телу, сильно, с ощутимой отдачей лупит сердце. Собравшись духом, я поплёлся было открывать ворота, как вдруг краем зрения уловил в снежной сени рябин и лип силуэт Коли. Он сидел на лавчонке у забора и выдувал дымок в смеркающуюся даль.

Ни слова не говоря, я подсел к нему и, откинувшись, замер. За поляной красным жаром горел еловый лес. Коля выплюнул папироску и уставился вместе со мной на резную каёмку. Наблюдать с Колей закат было славно – всё равно что смотреть с другом-болельщиком футбольный матч.

– Гаснет! – спустя минуту заметил Коля. – Подвернули фитилёк!

И правда, фитилёк подвернули. За считанные секунды малиновый пламень смешался с лиловым и утих в остужающей синеве.

– Жалко Николая, дом их... – глянув на дальний край деревни, проговорил Коля. – Пришли в гости – и не по-людски. Там же вот, я видел, торец – весь в крошку об канделябр. Учудил я! Говорю: Николай, казни меня. А он знаешь что? Смеётся. Говорит: да он поддельный, столик твой! Всё, говорит, Колька, поддельно, кроме земли, неба, добрых человеческих чувств...

Коля умолк и, смакуя тузинское изречение, достал новую папироску. Я тоже закурил, но, видно, как-то неловко дым прошёл по ссаженному горлу.

– Простыл, что ли? – заволновался Коля, слушая, как я тщетно пытаюсь вынырнуть из-под кашля. – Так, может, пойдём, полечимся? – и кивнул на свою калитку. Коричневые лесные его глаза заблестели надеждой.

Я встал и, ухнув на миг в черноту, понял: с Колей хорошо умирать, но исцеление – не его профиль.

– Нет, Коляныч, прости, – сказал я, выбираясь на дорогу. – Попрусь к Тузиным, пусть таблетку дадут. Достал я их, конечно. Ну ничего, хотят, чтоб не сдох, – пусть лечат!

Коля проводил меня до забора, опасаясь, как бы я не рухнул дорогой, и двинулся в обратный путь. А я побрёл к крыльцу.

Не сразу – спустя пару веков – мне открыла Ирина. Я хлынул в дверной проём, как вода, и занял, кажется, всю прихожую. Дом обдал меня мутным печным теплом.

– Вот видите, Костя, – сказала Ирина сквозь слёзы. – Этот человек уезжает от нас на Новый год и на все каникулы! Ну что вы встали! Раздевайтесь, поговорите с ним!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.